

СИБИРСКОЕ ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Том 19 · № 2

• 2022 •

Vol. 19 · No. 2

SIBERIAN LAW REVIEW

DOI: 10.19073/2658-7602

Учредитель и издатель:

частное образовательное учреждение высшего образования
«Сибирский юридический университет»

Адрес издателя и редакции:

ул. Короленко, 12, Омск, 644010, Россия
Телефон: (3812) 37-68-55. E-mail: nauka@siblu.ru

© Редакция научного журнала
«Сибирское юридическое обозрение», 2022

Founder and publisher:

private educational institution of higher education
“Siberian Law University”

Address of the publisher and the editorial office:

12 Korolenko st., Omsk, 644010, Russia
Phone: (3812) 37-68-55. E-mail: nauka@siblu.ru

© The editorial board of the scientific journal
“Siberian Law Review”, 2022

Журнал включен в:

- Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук;
- базу данных «Российский индекс научного цитирования»;
- каталог Ulrich’s Periodicals Directory – авторитетную базу данных, которая содержит библиографическую информацию о научных периодических изданиях мира;
- Directory of Open Access Journals (DOAJ) – ведущую международную базу журналов открытого доступа;
- электронный периодический справочник «Система ГАРАНТ»;
- научную электронную библиотеку «КиберЛенинка» и др.

The journal is included in:

- the List of peer-reviewed scientific journals, in which the main scientific results of dissertations for the degrees of candidate of sciences and doctor of science must be published;
 - the database “Russian science citation index”;
- Ulrich’s Periodicals Directory is an authoritative database that contains bibliographic information about scientific periodicals of the world;
- Directory of Open Access Journals (DOAJ) – a community-curated online directory that indexes and provides access to high quality, open access, peer-reviewed journals;
 - legal information database “GARANT System”;
- scientific electronic library “CyberLeninka” and others.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

**Председатель редакционной коллегии –
главный редактор**

Соловей Юрий Петрович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации (Сибирский юридический университет, Омск, Российская Федерация);

Заместитель главного редактора

Караманукян Давид Тониевич – кандидат юридических наук, доцент (Сибирский юридический университет, Омск, Российская Федерация);

Ответственный секретарь

Агеева Алена Викторовна – кандидат юридических наук (Сибирский юридический университет, Омск, Российская Федерация);

Бабурин Василий Васильевич – доктор юридических наук, профессор (Омская академия МВД России, Омск, Российская Федерация);

Бавсун Максим Викторович – доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Российская Федерация);

Бекетов Олег Иванович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации (Омская академия МВД России, Омск, Российская Федерация);

Гатт Лусилла – профессор частного права (Университет Неаполя им. Сестры Орсола Бенинкасо, Неаполь, Итальянская Республика);

Герасименко Юрий Васильевич – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации (Уполномоченный по защите прав предпринимателей в Омской области, Сибирский юридический университет, Омск, Российская Федерация);

Гундур Раджив – доктор философии в области криминологии (PhD in Criminology) (Университет Флиндерс, Аделаида, Содружество Австралии);

Деришев Юрий Владимирович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации (Сибирский юридический университет, Омск, Российская Федерация);

Кархалев Денис Николаевич – доктор юридических наук (Сибирский юридический университет, Омск, Российская Федерация);

Кодан Сергей Владимирович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации (Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева, Екатеринбург, Российская Федерация);

Кожевина Марина Анатольевна – доктор юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации (Омская академия МВД России, Омск, Российская Федерация);

Кононов Павел Иванович – доктор юридических наук, профессор (Второй арбитражный апелляционный суд г. Кирова, Киров, Российская Федерация);

Козн-Альмагор Рафаэль – профессор, доктор философии в области политики (Университет Халла, Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии);

Кузьмина Ирина Дмитриевна – доктор юридических наук, доцент (Сибирский федеральный университет, Красноярск, Российская Федерация);

Луговик Виктор Федорович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации (Омская академия МВД России, Омск, Российская Федерация);

Мэггс Питер Б. – профессор-исследователь (Юридический колледж Университета Иллинойса, Шампейн, Иллинойс, Соединенные Штаты Америки);

Мюллер Амрей – доктор юридических наук, доцент (Юридическая школа Сазерленда UCD, Дублин, Республика Ирландия);

Озунгур Фахри – доктор философии в области права, семьи, бизнеса (Университет Мерсин, Мерсин, Турецкая Республика);

Паризи Франческо – профессор права (Университет Миннесоты, Миннеаполис, Миннесота, Соединенные Штаты Америки), профессор экономики (Болонский университет, Болонья, Итальянская Республика);

Пфандер Джеймс Э. – профессор права (Юридическая школа Северо-Западного Притцкера, Чикаго, Иллинойс, Соединенные Штаты Америки);

Пьеткевич Михал – доктор философии в области права (Варминьско-Мазурский университет, Ольштын, Республика Польша);

Руда-Гонсалес Альберт – доцент в области частного права (Университет Жироны, Жирона, Королевство Испания);

Торнхилл Кристофер – профессор права (Манчестерский университет, Англия, Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии);

Фор Майкл Дж. – профессор сравнительного частного права и экономики (Маастрихтский университет, Маастрихт, Королевство Нидерландов);

Хамедов Иса Ахлиманович – доктор юридических наук, профессор, имеет дипломатический ранг (Университет мировой экономики и дипломатии МИД Республики Узбекистан, Ташкент, Республика Узбекистан);

Хоссейн Мд Саззат – доктор философии в области защиты прав человека (Азиатско-Тихоокеанский университет, Дакка, Народная Республика Бангладеш);

Цуканов Николай Николаевич – доктор юридических наук, доцент (Сибирский юридический институт МВД России, Красноярск, Российская Федерация);

Чен Джеймс Мин – профессор права (Юридический колледж Университета штата Мичиган, Ист-Лансинг, Мичиган, Соединенные Штаты Америки);

Черников Валерий Васильевич – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации (Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, Российская Федерация);

Шарапов Роман Дмитриевич – доктор юридических наук, профессор (Университет прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Контент доступен под лицензией
Creative Commons Attribution 4.0 License

Настоящий журнал в соответствии с п. 1 ч. 2 ст. 1 Федерального закона от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» не маркируется знаком информационной продукции

EDITORIAL BOARD

The Chairman of the Editorial Board – Editor-in-Chief

Yury P. Solovey – Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Siberian Law University, Omsk, Russian Federation;

Deputy Editor-in-chief

David T. Karamanukyan – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Siberian Law University, Omsk, Russian Federation;

Executive Secretary

Alena V. Ageeva – Candidate of Legal Sciences, Siberian Law University, Omsk, Russian Federation;

Vasili V. Baburin – Doctor of Legal Sciences, Professor, Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Omsk, Russian Federation;

Maxim V. Bavsun – Doctor of Legal Sciences, Professor, Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia, Saint Petersburg, Russian Federation;

Oleg I. Beketov – Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Omsk, Russian Federation;

James Ming Chen – Professor of Law, Michigan State University College of Law, East Lansing, Michigan, United States of America;

Valerii V. Chernikov – Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation;

Raphael Cohen-Almagor – D. Phil. in political theory, University of Hull, United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland;

Yury V. Derishev – Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Siberian Law University, Omsk, Russian Federation;

Michael G. Faure – Professor of Comparative Private Law and Economics, Maastricht University, Maastricht, Kingdom of the Netherlands;

Lucilla Gatt – Professor of Private Law, Suor Orsola Benincasa University of Naples, Naples, Italian Republic;

Yury V. Gerasimenko – Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Ombudsman for the Protection of the Rights of Entrepreneurs in the Omsk Region, Siberian Law University, Omsk, Russian Federation;

Rajeev Gundur – PhD in Criminology, Flinders University, Adelaide, Commonwealth of Australia;

Md Sazzad Hossain – PhD in Law, University of Asia Pacific, Dhaka, People's Republic of Bangladesh;

Denis N. Karkhalev – Doctor of Legal Sciences, Siberian Law University, Omsk, Russian Federation;

Isa A. Khamedov – Doctor of Legal Sciences, Professor, has a diplomatic rank, University of World Economy and Diplomacy of the Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Uzbekistan, Tashkent, Republic of Uzbekistan;

Sergei V. Kodan – Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, Yekaterinburg, Russian Federation;

Pavel I. Kononov – Doctor of Legal Sciences, Professor, Second Arbitration Court of Appeal of Kirov, Kirov, Russian Federation;

Marina A. Kozhevina – Doctor of Legal Sciences, Candidate of Historical Sciences, Professor, Honored Worker of Higher School of the Russian Federation, Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Omsk, Russian Federation;

Irina D. Kuzmina – Doctor of Legal Sciences, Associate Professor, Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russian Federation;

Viktor F. Lugovik – Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Omsk, Russian Federation;

Peter B. Maggs – Research Professor, University of Illinois College of Law, Champaign, Illinois, United States of America;

Amrei Muller – PhD in Law, UCD Sutherland School of Law, Dublin, Republic of Ireland;

Fahri Ozsunger – PhD in Law, Family and Consumer Sciences, PhD in Business, Mersin University, Mersin, Republic of Turkey;

Francesco Parisi – Professor of Law, University of Minnesota, Minneapolis, Minnesota, United States of America; Professor of Economics, University of Bologna, Bologna, Italian Republic;

James E. Pfander – Professor of Law, Northwestern Pritzker School of Law, Chicago, Illinois, United States of America;

Michal Pietkiewicz – PhD in Law, University of Warmia and Mazury, Olsztyn, Republic of Poland;

Albert Ruda-Gonzalez – PhD in Law, University of Girona, Girona, The Kingdom of Spain;

Roman D. Sharapov – Doctor of Legal Sciences, Professor, University of Prosecutor's Office of the Russian Federation, St. Petersburg, Russian Federation;

Christopher Thornhill – Professor of Law, University of Manchester, United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland;

Nikolai N. Tsukanov – Doctor of Legal Sciences, Associate Professor, Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Krasnoyarsk, Russian Federation

СОДЕРЖАНИЕ

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО, ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО, СЕМЕЙНОЕ ПРАВО, МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО

Д. Н. Кархалев

Цифровые права в гражданском обороте	134
--	-----

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ, УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

А. В. Сынтин

Субстанции и методы, запрещенные для использования в спорте: предмет или средства совершения преступлений?	142
---	-----

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

Г. Д. Бадзгардзе

Вопросы установления места совершения мошенничества, осуществленного с использованием информационных технологий: криминалистический и уголовно-процессуальный аспекты	156
---	-----

А. С. Медведева

Комплексирование как тенденция развития института специальных знаний в уголовном процессе с участием несовершеннолетних.	165
--	-----

КРИМИНАЛИСТИКА, СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

О. В. Чельшева

Вопросы теории и практики следственного эксперимента.	176
--	-----

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО, АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС

Е. В. Епифанова

Государственное управление в сфере охраны здоровья населения в новой парадигме публичной власти: проблемы соотношения конституционно-правового и административно-правового регулирования	185
--	-----

СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА

Ю. В. Деришев, Е. И. Чекмезова, Д. Д. Тулева, М. В. Киселева, П. В. Козловский

Некоторые вопросы прекращения уголовных дел	199
---	-----

Информация для авторов	212
------------------------------	-----

CONTENTS

CIVIL LAW, BUSINESS LAW, FAMILY LAW, INTERNATIONAL PRIVATE LAW

D. N. Karkhalev

Digital Rights in Civil Circulation	134
--	-----

CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY, PENITENTIARY LAW

A. V. Syntin

Substances and Methods Prohibited for Use in Sport: Object or Means of Committing Crimes?	142
--	-----

CRIMINAL PROCEDURE

G. D. Badzgaradze

Issues of Establishing the Place of Fraud Carried Out Using Information Technologies: Forensic and Criminal Procedure Aspects	156
--	-----

A. S. Medvedeva

Integration as a Trend in the Development of the Institute of Special Knowledge in Criminal Proceedings Involving Minors	165
---	-----

CRIMINALISTICS, FORENSIC ACTIVITY, OPERATIONAL AND INVESTIGATIVE ACTIVITIES

O. V. Chelysheva

Problems of Theory and Practice of Investigative Experiment.	176
---	-----

ADMINISTRATIVE LAW, ADMINISTRATIVE PROCESS

E. V. Epifanova

Public Administration in the Field of Public Health Protection in the New Paradigm of Public Authority: Problems of Correlation Between Constitutional and Administrative Law Regulation	185
---	-----

JUDICIAL PRACTICE

Yu. V. Derishev, E. I. Chekmezova, D. D. Tuleva, M. V. Kiseleva, P. V. Kozlovskiy

Some Issues of Terminating a Criminal Case	199
---	-----

Information for Authors	214
--------------------------------------	-----

**ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО,
ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО,
СЕМЕЙНОЕ ПРАВО,
МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО**
**Civil Law, Business Law, Family Law,
International Private Law**

УДК 347.2/3
DOI: 10.19073/2658-7602-2022-19-2-134-141
EDN: ENWMFL

Оригинальная научная статья

Цифровые права в гражданском обороте

Д. Н. Кархалев

*Сибирский юридический университет, Омск, Российская Федерация;
Мурманский арктический государственный университет, Мурманск, Российская Федерация
✉ dnk001rb@yandex.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные проблемы защиты гражданских прав и реализации защитной функции гражданского права в цифровых отношениях. Добросовестное осуществление цифровых прав является главным требованием. При установлении, осуществлении и защите гражданских прав и исполнении гражданских обязанностей участники гражданских правоотношений должны действовать добросовестно. Согласно этому принципу вы не можете воспользоваться своим недобросовестным поведением. Действующий Гражданский кодекс провозглашает презумпцию добросовестности участников гражданских правоотношений и разумности их действий. В отличие от добросовестности, разумность предполагает разумность (рациональность), логичность и целесообразность поведения. Обоснованность носит оценочный характер и устанавливается судом с учетом фактических обстоятельств. Цель цифрового права состоит в том, чтобы возможности, которые его составляют, должны использоваться для удовлетворения экономических интересов обладателя такого права, а не для других целей. Ненасильственная реализация цифровых прав подразумевает отсутствие цели причинения вреда (убытков). В случае нарушения этих требований, ограничений осуществления цифровых прав произойдет злоупотребление цифровыми правами, следствием которого выступает отказ в защите права (полный или частичный). Способы защиты цифровых прав можно разделить на две группы – общие и специальные. Общими методами, предусмотренными ст. 12 Гражданского кодекса Российской Федерации, являются признание цифрового права, восстановление ситуации, существовавшей до нарушения цифрового права, пресечение действий, нарушающих цифровое право или создающих угрозу его нарушения, признание сделок недействительными и применение последствий их недействительности (реституция), самозащита цифровых прав и др. В статье предлагается дополнить закон специальной компенсацией за нарушение цифровых прав по аналогии с санкцией за нарушение исключительных прав, предусмотренной частью четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации. Анализируемая санкция должна быть применена в размере от ста тысяч до ста миллионов рублей. Столь значительный объем санкций, предлагаемый в законе, обусловлен особой ценностью цифровых активов в современном мире.

Ключевые слова: защита гражданских прав; ответственность в гражданском праве; охранительные правоотношения; цифровые права.

© Кархалев Д. Н., 2022

Для цитирования: Кархалев Д. Н. Цифровые права в гражданском обороте // Сибирское юридическое обозрение. 2022. Т. 19, № 2. С. 134–141. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2022-19-2-134-141>. EDN: <https://elibrary.ru/ehwmfl>

Original scientific article

Digital Rights in Civil Circulation

D. N. Karkhalev

*Siberian Law University, Omsk, Russian Federation;
Murmansk Arctic State University, Murmansk, Russian Federation
✉ dnk001rb@yandex.ru*

Abstract. The article deals with topical issues of protecting civil rights and implementing the protective function of civil law in digital relations. The fair exercise of digital rights is a key requirement. When establishing, exercising and protecting civil rights and fulfilling civil obligations, participants in civil legal relations must act in good faith. According to this principle, you cannot take advantage of your dishonest behavior. The current Civil Code proclaims the presumption of good faith of participants in civil legal relations and the reasonableness of their actions. Unlike conscientiousness, reasonableness implies rationality, logic and expediency of his behavior. The validity is estimated and is established by the court taking into account the actual circumstances. The purpose of a digital right is that the opportunities that make it up should be used to satisfy the economic interests of the owner of such a right, and not for other purposes. Non-violent implementation of digital rights implies the absence of the goal of causing harm (losses). In case of violation of these requirements, restrictions on the exercise of digital rights, digital rights will be abused, resulting in a denial of protection of the right (full or partial). Ways to protect digital rights can be divided into two groups – general and special. The general methods provided for in Art. 12 of the Civil Code of the Russian Federation are the recognition of digital law, the restoration of the situation that existed before the violation of digital law, the suppression of actions that violate digital law or threaten to violate it, the recognition of transactions as invalid and the application of the consequences of their invalidity (restitution), self-defense of digital rights, etc. The article proposes to supplement the law with special compensation for violation of digital rights, by analogy with the sanction for violation of exclusive rights, provided for by part four of the Civil Code of the Russian Federation. The analyzed sanction should be applied in the amount of one hundred thousand to one hundred million rubles. Such a significant amount of sanctions proposed in the law is due to the special value of digital assets in the modern world.

Keywords: defense of civil rights; responsibility in civil law; defense relations; digital rights.

For citation: Karkhalev D. N. Digital Rights in Civil Circulation. *Siberian Law Review*. 2022;19(2):134-141. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2022-19-2-134-141>. EDN: <https://elibrary.ru/ehwmfl> (In Russ.).

ВВЕДЕНИЕ

В Гражданском кодексе Российской Федерации (далее – ГК РФ) и иных законах постепенно увеличивается число норм, регулирующих цифровые отношения. Это связано с развитием цифровых технологий, распространением криптова-

лют во всем мире и необходимостью адекватного правового регулирования указанных отношений [1, с. 2–7].

ГК РФ пополнился положениями о цифровых правах, которые по своей природе носят обязательственный характер. Принят отдельный Федеральный закон

от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹ (далее – закон «О ЦФА»), который содержит базовые положения в цифровой сфере, в том числе охранительные нормы по защите нарушенных цифровых прав.

Пределы осуществления цифровых прав

Реализация цифровых прав отвечает общим требованиям (ст. 10 ГК РФ), а также имеет свои особенности. Это обусловлено тем, что реализация цифровых прав связана с оборотом цифровых денег. Цифровое право должно осуществляться добросовестно, по назначению, без цели намеренного причинения вреда (для целей данной работы – цифровая шикана) и др.

Добросовестное осуществление цифрового права – основное требование. При установлении, реализации и защите гражданских прав и при исполнении гражданских обязанностей участники гражданских правоотношений должны действовать добросовестно. Согласно данному принципу нельзя извлекать преимущества из своего недобросовестного поведения.

В действующем ГК РФ провозглашается презумпция добросовестности участников гражданских правоотношений и разумности их действий.

«Принцип добросовестности – это обязанность участника гражданских правоотношений при использовании своих прав и исполнении своих обязанностей заботиться о соблюдении прав и законных интересов других участников имущественного оборота. Заботливость в этом смысле подразумевает стремление субъекта предвидеть и предотвращать связанные с его деятельностью нарушения прав и законных интересов других лиц. “Заботли-

вый” значит проявляющий заботу, то есть мысль или деятельность, направленную к благополучию кого-либо или чего-либо, внимательный. Заботливость – субъективная характеристика добросовестности, которая помимо этого подразумевает и формальную сторону: пределы должного, в рамках которых субъект обязан быть заботливым» [2, с. 41–49].

Е. Е. Богданова под добросовестностью участников договорных отношений понимает сложившуюся в обществе и признанную законом, обычаем, судебной практикой систему представлений о нравственности поведения субъектов права при приобретении, осуществлении и защите субъективных гражданских прав, а также при исполнении обязанностей. Нравственность поведения участников гражданского оборота оценивается на основе противопоставления категорий добра и зла. Поведение, отражающее представление о добре, следует считать добросовестным. Поведение, отражающее представление о зле, – недобросовестным².

В отличие от добросовестности разумность предполагает осмысленность (рациональность), логичность и целесообразность поведения. Разумность носит оценочный характер и устанавливается судом с учетом фактических обстоятельств. Назначение цифрового права состоит в том, что возможности, которые его составляют, должны использоваться для удовлетворения экономических интересов обладателя такого права, а не в иных целях. Незлоупотребительная реализация цифрового права предполагает отсутствие цели причинения вреда (убытков). При нарушении данных требований, пределов осуществления цифровых прав будет иметь место злоупотребление цифровыми правами, последствие которого – отказ в защите права (полный или частичный).

¹ Рос. газ. 2020. 6 авг.

² Богданова Е. Е. Добросовестность участников договорных отношений и проблемы защиты их субъективных гражданских прав : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2010. С. 10.

Согласно закону «О ЦФА» цифровые права возникают и осуществляются с момента внесения записи в информационную систему, управление которой производит оператор (кредитные организации, организаторы торговли, депозитарии и др.). Он реализует реестр пользователей данной системы. Сделки купли – продажи согласно закону «О ЦФА» осуществляются через оператора обмена цифровыми активами (кредитные организации, организаторы торговли, депозитарии).

ОСОБЕННОСТИ ЗАЩИТЫ НАРУШЕННЫХ ЦИФРОВЫХ ПРАВ

В случае нарушения цифрового права правонарушитель должен восстановить его том виде, как оно существовало до нарушения в полном объеме.

Способы защиты цифровых прав можно разделить на две группы: общие и специальные. Общие способы рассмотрены в ст. 12 ГК РФ – это признание цифрового права, восстановление положения, существовавшего до нарушения цифрового права, пресечение действий, нарушающих цифровое право или создающих угрозу его нарушения, признание сделок недействительными и применение последствий их недействительности (реституция), самозащита цифровых прав и др.

Способы защиты (меры принуждения) по юридической природе в литературе подразделяются на меры защиты и меры ответственности. Последние характеризуются возложением на нарушителя имущественных лишений, внеэквивалентных обременений. Указанные выше санкции относятся к мерам защиты, поскольку не влекут возложения на нарушителя внеэквивалентных имущественных лишений.

О. С. Иоффе утверждал, что гражданско-правовая ответственность есть санкция за правонарушение, влекущая для правонарушителя отрицательные последствия в виде лишения субъективных гражданских прав либо возложения новых

или дополнительных гражданско-правовых обязанностей [3, с. 97].

О. А. Красавчиков полагал, что сущность гражданско-правовой ответственности кратко может быть определена как установленная законом неотвратимая негативная реакция государства на гражданское правонарушение, выражающаяся в лишении определенных гражданских прав или возложении внеэквивалентных обязанностей имущественного характера [4, с. 502].

Ответственность всегда связана с возложением на лицо неблагоприятных имущественных лишений, так как благодаря имущественному воздействию возможно достижение целей наказания. Если имущественная сфера правонарушителя не страдает (не уменьшается) в результате применения мер принуждения, то ответственности нет. Правонарушитель должен исполнить новую, дополнительную обязанность, которой до нарушения у него не было, по восстановлению правового положения потерпевшего, тем самым неся гражданско-правовую ответственность. Представляется, что наличие такого рода дополнительных расходов у нарушителя является квалифицирующим признаком мер ответственности.

К мерам ответственности за нарушение цифровых прав можно отнести возмещение убытков, взыскание неустойки, взыскание процентов по ст. 395 ГК РФ, отказ в защите права при злоупотреблении рассматриваемыми правами и др.

Способы защиты цифровых прав реализуются в рамках охранительных правоотношений. Они возникают между потерпевшим лицом и правонарушителем в результате нарушения субъективного гражданского права. Содержание такой правовой связи образуют право на защиту и охранительная обязанность.

Связь мер гражданско-правового принуждения и охранительного правоотношения состоит в том, что они служат

защите гражданских прав. Их возникновение зависит от нарушения субъективного гражданского права, они основываются на охранительных нормах. Реализация мер принуждения не может происходить вне рамок охранительного правоотношения (если право не восстановлено в добровольном порядке). С учетом сказанного представляется, что охранительную правовую связь можно именовать правоотношением по защите нарушенных гражданских прав.

Криптовалюту можно рассматривать как разновидность электронных денег, эмиссия и учет которых базируются на криптографических методах, а функционирование самой платежной системы происходит децентрализованно в компьютерной сети. При этом внутренняя стоимость денежных единиц криптовалюты обычно неразрывно связана со значительными затратами на совершение соответствующих операций.

В публикациях обращается внимание на то, что криптовалюта не может быть электронным денежным средством по следующим основаниям: 1) криптовалюта децентрализована, электронные деньги имеют оператора; 2) электронным деньгам присуща идентификация обладателя, оборот криптовалют анонимен (спорный аспект) [5, с. 141]. Однако различия криптовалюты и электронных денег просты и лежат в сущности каждого. И сопоставление их между собой в принципе невозможно, что излишне подтверждает крайне низкий уровень современного гражданского права в плоскости периодических изданий.

Криптовалюта – цифровой код, существующий только в сети Интернет, электронные деньги – термин, объединяющий совокупность обязательственных правоотношений. Название «электронные деньги» само по себе концептуально

неверно. Судебная практика использует термин «платеж», «платежные операции», «расчетные операции без привлечения банков»³.

Некоторые авторы предлагают подход, согласно которому криптовалюта – цифровой товар, и склоняются к необходимости внести изменения в ст. 454 ГК РФ, которая признает предметом купли-продажи только индивидуально-определенную вещь, и допустить предметом такого договора криптографический код [6, с. 102]. Криптовалюта не имеет никакого реального выражения в виде банкнот или монет. Существуют они только в цифровом виде, возникая лишь в электронном пространстве без внесения реальных денег на лицевой счет или онлайн-кошелек [7, с. 26].

Л. Г. Ефимова считает, что криптовалюты не могут быть денежным суррогатом. Они являются новой формой частных денег [8, с. 17]. Если какое-либо лицо (сообщество лиц) наделяют какой-либо не предусмотренный законом как объект гражданских прав феномен экономической ценностью, то он должен быть признан иным имуществом и подлежать обращению на него взыскания по долгам субъекта гражданского права [9, с. 18–19].

Как только в нашей стране начнут действовать законы, легализующие криптовалюты, последние станут законным средством платежа (цифровыми деньгами). Тогда возможно будет применять в целях восстановления нарушенных цифровых прав нормы ст. 395 ГК РФ за неисполнение денежного обязательства, охранительные нормы о взыскании неустойки, взыскании денежного неосновательного обогащения и др. Кроме того, правомерно будет признавать сделки с криптовалютами недействительными и применять реституцию.

Предполагаю, что в административном и (или) уголовном законодательстве также

³ Апелляционное определение Московского городского суда от 26 янв. 2018 г. по делу № 33-3214/2018. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

могут появиться соответствующие составы после легализации цифровых валют (в виде незаконного использования, иной противоправной деятельности с данными активами).

За нарушение цифровых прав может быть применена санкция ст. 395 ГК РФ. При неисполнении денежных цифровых обязательств возможно взыскание процентов, предусмотренных указанной статьей.

Отказ в защите прав применяется при нарушении пределов осуществления гражданских прав (ст. 10 ГК РФ). Злоупотребление цифровыми правами выражается в различного рода недобросовестных действиях по использованию криптовалют, в том числе в виде обхода закона. С появлением в законе подобных норм станет возможна такая квалификация и реализация норм ст. 10 ГК РФ, в том числе применение указанной выше меры гражданско-правовой ответственности – полный или частичный отказ в защите права.

Использование криптовалют осуществляется не через банковскую систему, а в Интернете. В связи с этим нередко недобросовестные операции по финансированию незаконных организаций (фирм-однодневок и т. п.), операции в целях неуплаты налогов и т. д.

По мере развития механизмов контроля за операциями с криптовалютами в сети Интернет будет уменьшаться и число злоупотреблений цифровыми правами. Юридическое средство борьбы – это отказ в защите права, оно не всегда эффективно. Необходимы новые охранительные нормы по защите цифровых прав.

В статье 9 закона «О ЦФА» предусмотрена ответственность оператора информационной системы лишь в виде возмещения убытков за утрату информации, при сбое системы, нарушении правил работы системы и т. д. В случае нарушения цифровых прав третьими лицами применяются общие нормы ГК РФ.

КОМПЕНСАЦИЯ ЗА НАРУШЕНИЕ ЦИФРОВЫХ ПРАВ

Специальные способы защиты цифровых прав не предусмотрены в законодательстве. Полагаю, что применение общих способов недостаточно для полного восстановления нарушенного цифрового права. Необходимо в законе предусмотреть специальные санкции.

В связи с этим предлагаю закон дополнить специальной *компенсацией за нарушение цифровых прав* по аналогии с санкцией за нарушение исключительных прав, предусмотренной в части четвертой ГК РФ. Анализируемую санкцию необходимо применять в размере от ста тысяч до ста миллионов рублей. Подобный немалый размер предлагаемой в закон санкции обусловлен особой ценностью цифровых активов в современном мире.

Конкретный размер компенсации за нарушение цифрового права определяет суд в зависимости от степени вины нарушителя, величины понесенных потерь и других фактических обстоятельств и т. д. Компенсация должна применяться за каждое нарушение. Одним действием может быть нарушено одно право, принадлежащее лицу, или может быть нарушено несколько прав разных субъектов.

По своей юридической природе данная мера принуждения представляет собой меру ответственности, поскольку несет для правонарушителя дополнительные имущественные лишения, обременения. Указанная компенсация не может применяться одновременно с возмещением убытков и другими мерами гражданско-правовой ответственности, поскольку это приведет к удвоению ответственности за одно нарушение, что исключается гражданским правом.

Данная компенсация будет выполнять следующие функции: компенсационную, штрафную, обеспечительную (предупредительную) и пресекательную. Компенсационная функция выражается

в восстановлении цифрового права, штрафная – в наказании правонарушителя. Обеспечительная функция способствует предупреждению новых нарушений. Пресекательная направлена на приостановление существующего нарушения.

Основанием применения данной меры ответственности будет гражданское правонарушение, а условиями – противоправное поведение (нарушение цифрового права) и вина. Причинная связь и наличие убытков не входят в состав правонарушения при реализации данной санкции.

Компенсация должна применяться за каждый случай нарушения. Если цифровое право нарушается несколькими лицами, то она реализуется отдельно в отношении каждого нарушителя. Когда одно лицо нарушило цифровое право несколько раз, анализируемая компенсация должна осуществляться с учетом числа нарушений.

К основаниям освобождения от применения данной санкции следует отнести непреодолимую силу, умысел потерпевшего (ст. 401 ГК РФ).

В пункте 8 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 марта 2016 г. № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств»⁴ указывается, что для признания обстоятельства непреодолимой силой необходимо, чтобы оно носило чрезвычайный и непредотвратимый характер.

Требование чрезвычайности подразумевает исключительность рассматрива-

емого обстоятельства, наступление которого не является обычным в конкретных условиях.

Если иное не предусмотрено законом, обстоятельство признается непредотвратимым, если любой участник гражданского оборота, осуществляющий аналогичную с должником деятельность, не мог бы избежать наступления этого обстоятельства или его последствий. Не могут быть признаны непреодолимой силой обстоятельства, наступление которых зависело от воли или действий стороны обязательства, например, отсутствие у должника необходимых денежных средств, нарушение обязательств его контрагентами, неправомерные действия его представителей.

В цифровой среде к чрезвычайным и непредотвратимым при данных условиях обстоятельствам возможно отнести вредоносное программное обеспечение, распространяемое в сети Интернет. Оно может нанести большой урон информационным носителям, создать препятствия для экономической деятельности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, важное значение предлагаемой санкции заключается в том, что ее применение не связано с процессуальными сложностями (доказывание убытков, причинной связи и т. п.). Она может стать эффективным способом защиты нарушенных цифровых прав в полном объеме. Кроме того, станет серьезным дисциплинирующим фактором, препятствующим новым случаям нарушения цифровых прав.

Список литературы

1. Егорова М. А., Белицкая А. В. Финансовая стабильность и «стабильные монеты» (стейблкоин): правовой аспект // Юрист. 2021. № 11. С. 2–7. DOI: <https://doi.org/10.18572/1812-3929-2021-11-2-7>
2. Чукреев А. А. Добросовестность в системе принципов гражданского права // Журнал российского права. 2002. № 11 (71). С. 100–104.
3. Иоффе О. С. Обязательственное право. М. : Юрид. лит., 1975. 797 с.
4. Красавчиков О. А. Гражданско-правовая ответственность // Советское гражданское право / под ред. О. А. Красавчикова. М. : Высш. шк., 1985. 542 с.

⁴ Рос. газ. 2016. 4 апр.

5. Савельев А. И. Криптовалюты в системе объектов гражданских прав // Закон. 2017. № 8. С. 136–153.
6. Толкачев А. Ю., Жужжалов М. Б. Криптовалюта как имущество – анализ текущего правового статуса // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2018. № 9. С. 91–135.
7. Лескина Э. И. Применение блокчейн-технологий в сфере труда // Юрист. 2018. № 11. С. 25–30. DOI: <https://doi.org/10.18572/1812-3929-2018-11-25-30>
8. Ефимова Л. Г. Некоторые аспекты правовой природы криптовалют // Юрист. 2019. № 3. С. 12–19. DOI: <https://doi.org/10.18572/1812-3929-2019-3-12-19>
9. Ефимова Л. Г. Криптовалюты как объект гражданского права // Хозяйство и право. 2019. № 4 (507). С. 17–25.

References

1. Egorova M. A., Belitskaya A. V. Financial Stability and Stablecoins: the Legal Aspect. *Jurist*. 2021;11:2-7. DOI: <https://doi.org/10.18572/1812-3929-2021-11-2-7> (In Russ.).
2. Chukreev A. A. Conscientiousness in the System of Principles of Civil Law. *Journal of Russian Law*. 2002;11:100-104. (In Russ.).
3. Ioffe O. S. *Law of Obligations*. Moscow: Yuridicheskaya literatura Publ.; 1975. 797 p. (In Russ.).
4. Krasavchikov O. A. Civil Liability. In: Krasavchikov O. A. (Ed.). *Soviet Civil Law*. Moscow: Vysshaya shkola Publ.; 1985. 542 p. (In Russ.).
5. Savelyev A. I. Cryptocurrencies in the System of Civil Law Objects. *Statute*. 2017;8:136-153. (In Russ.).
6. Tolkahev A. Yu., Zhuzhzhlov M. B. Cryptocurrency as a Property – Analysis of Current Legal Status. *Herald of Economic Justice*. 2018;9:91-135. (In Russ.).
7. Leskina E. I. The Use of Blocking Technologies in the World of Work. *Jurist*. 2018;11:25-30. DOI: <https://doi.org/10.18572/1812-3929-2018-11-25-30> (In Russ.).
8. Efimova L. G. Some Aspects of the Legal Nature of Cryptocurrencies. *Jurist*. 2019;3:12-19. DOI: <https://doi.org/10.18572/1812-3929-2019-3-12-19> (In Russ.).
9. Efimova L. G. Cryptocurrencies as an Object of Civil Law. *Economy and Law*. 2019;4:17-25. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Денис Николаевич Кархалев, профессор кафедры гражданского права Сибирского юридического университета (ул. Короленько, 12, Омск, 644010, Российская Федерация), профессор кафедры юриспруденции Мурманского арктического государственного университета, доктор юридических наук; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1822-2141>; e-mail: dnk001rb@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Denis N. Karkhalev, Professor of the Department of Civil Law at the Siberian Law University (12 Korolenko st., Omsk, 644010, Russian Federation), Professor of the Department of Jurisprudence at the Murmansk Arctic State University (15 Kapitana Egorova st., Murmansk, 183038, Russian Federation), Doctor of Legal Sciences; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1822-2141>; e-mail: dnk001rb@yandex.ru

Поступила | Received
28.04.2022

Поступила после рецензирования
и доработки | Revised
21.06.2022

Принята к публикации | Accepted
22.06.2022

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ, УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО Criminal Law And Criminology, Penitentiary Law

УДК 343.5:796

DOI: 10.19073/2658-7602-2022-19-2-142-155

EDN: FCBAAC

Оригинальная научная статья

Субстанции и методы, запрещенные для использования в спорте: предмет или средства совершения преступлений?

А. В. Сынтин

Омский юридический колледж, Омск, Российская Федерация

✉ asyntin@gmail.com

Аннотация. Противодействие допингу в современном спорте играет важную роль. Чтобы эффективно применять различные виды юридической ответственности, необходимо определить, что из себя представляют запрещенные в спорте субстанции и методы. С момента появления полноценных антидопинговых правил (1967 г.) список таких субстанций и методов, а также система допинг-контроля динамично меняются. Значительное развитие система антидопинга получила после образования Всемирного антидопингового агентства (1999 г.). Для целей привлечения к уголовной ответственности существует свой список, изначально несколько сокращенный, впоследствии существенно дополненный. Решение законодателя о создании специального списка вызывает вопросы. Поэтому автор рассматривает различные подходы к таким субстанциям и методам и определяет их место в составе преступления. В первой части работы анализируются запрещенные субстанции и методы, дается их характеристика. Во второй части автор исследует необходимость принятия специального списка запрещенных субстанций или методов для целей привлечения к уголовной ответственности за нарушение антидопинговых правил. Кроме того, он разграничивает наркотические, психотропные, сильнодействующие вещества, с одной стороны, и запрещенные субстанции, с другой. Автор приходит к выводу, что наличие специального списка для целей реализации ст.ст. 230¹ и 230² УК РФ нецелесообразно в силу специфики самих деяний, так как это ограничивает возможность привлечения к ответственности за использование аналогов субстанций. В третьей части работы автор исследует понимание запрещенных субстанций или методов как предмета совершения преступления. Делается вывод о том, что рассматривать запрещенные субстанции или методы как предмет преступлений, предусмотренных ст.ст. 230¹ и 230² УК РФ, нельзя, так как на них преступление непосредственно не направлено. Соответственно в четвертой части работы обосновывается, что такие субстанции и методы составляют средства совершения преступления. В итоге автор приходит к выводу о необходимости изменения законодательной регламентации уголовной ответственности за нарушение антидопинговых правил.

Ключевые слова: уголовное право; состав преступления; предмет преступления; потерпевший; допинг; средства совершения преступления; запрещенные субстанции; запрещенные методы.

Для цитирования: Сынтин А. В. Субстанции и методы, запрещенные для использования в спорте: предмет или средства совершения преступлений? // Сибирское юридическое обозрение. 2022. Т. 19, № 2. С. 142–155. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2022-19-2-142-155>. EDN: <https://elibrary.ru/fcbaac>

© Сынтин А. В., 2022

Original scientific article

Substances and Methods Prohibited for Use in Sport: Object or Means of Committing Crimes?

A. V. Syntin

Omsk Law College, Omsk, Russian Federation

✉ asyntin@gmail.com

Abstract. Countering doping in modern sport plays an important role. In order to effectively apply various types of legal liability, it is necessary to determine what substances and methods are prohibited in sport. Since the advent of full-fledged anti-doping rules (1967), the list of such substances and methods, as well as the doping control system, have been dynamically changing. The anti-doping system received significant development after the formation of the World Anti-Doping Agency (1999). For the purposes of bringing to criminal responsibility, there is a list, initially somewhat reduced, subsequently substantially supplemented. The legislator's decision to create a special list raises questions. Therefore, the Author considers various approaches to such substances and methods and determines their place in the crime. In the first part of the work, prohibited substances and methods are analyzed and their characteristics are given. In the second part, the Author explores the need for a specific list of prohibited substances or methods for the purpose of criminalizing anti-doping rule violations. In addition, it distinguishes between narcotic, psychotropic, potent substances, on the one hand, and prohibited substances, on the other. The Author comes to the conclusion that the existence of a special list for the purposes of implementing Art. 230¹ and 230² of the Criminal Code of the Russian Federation is inappropriate due to the specifics of the acts themselves, as this limits the possibility of being held liable for the use of analogues of substances. In the third part of the work, the Author explores the understanding of prohibited substances or methods as the subject of a crime. It is concluded that to consider prohibited substances or methods as the subject of crimes under Art. 230¹ and 230² of the Criminal Code of the Russian Federation is impossible, since the crime is not directly directed at them. Accordingly, in the fourth part of the work it is substantiated that such substances and methods constitute the means of committing a crime. As a result, the Author comes to the conclusion that it is necessary to change the legislative regulation of criminal liability for violation of anti-doping rules.

Keywords: criminal law; corpus delicti; object of crime; victim; doping; means of committing a crime; prohibited substances; prohibited methods.

For citation: Syntin A. V. Substances and Methods Prohibited for Use in Sport: Object or Means of Committing Crimes? *Siberian Law Review*. 2022;19(2):142-155. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2022-19-2-142-155>. EDN: <https://elibrary.ru/fcbaac> (In Russ.).

ВВЕДЕНИЕ

История применения запрещенных субстанций насчитывает несколько тысячелетий. Многие авторы отмечают, что еще на Олимпийских играх в Древней Греции спортсмены употребляли определенные вещества, во время гладиаторских боев в Риме были зафиксированы случаи употребления различных стимуляторов [1, с. 432–436]. Е. Куликов отмечает, что

«вплоть до XX века такой проблемы, как допинг, не существовало, хотя спортсмены принимали опиаты, различные лекарственные растения, стрихнин и т. д.» [2, с. 223–230].

Однако в связи с увеличением количества смертей спортсменов (после неконтролируемого употребления запрещенных субстанций) спортивные ассоциации стали задумываться о необходимости

ограничить использование стимулирующих препаратов. Ю. Е. Довгань и другие отмечают, что «в 1928 году в Устав Международной федерации легкой атлетики было впервые внесено антидопинговое правило, согласно которому спортсмены не должны применять вещества и препараты, которые могут оказать стимулирующее воздействие на улучшение спортивных показателей. Но подобное нововведение никто не заметил и полноценные методы и механизмы антидопингового контроля появились значительно позднее» [3, с. 184–187]. Очевидно, что тогда проблема допинга не была существенной.

Как отмечает Д. Моттрэм, первый список запрещенных субстанций был составлен МОК в 1967 г. [4, с. 1–10]. Именно 60-е гг. отметились усилением контроля над здоровьем спортсменов. Но наиболее эффективное развитие система допинг-контроля, а также списков запрещенных субстанций или методов получила только в созданном в 1999 г. Всемирном антидопинговом агентстве (далее – ВАДА) в соответствии с Лозаннской декларацией¹. ВАДА ежегодно обновляет список запрещенных субстанций и (или) методов. В России также есть нормативный акт, закрепляющий такие субстанции и методы: приказ Минспорта России «Об утверждении перечней субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте»² является рецепцией запрещенного списка ВАДА.

За нарушения антидопинговых правил, связанных с такими субстанциями и методами, установлены все виды от-

ветственности: дисциплинарная, административная и уголовная. Возможна также гражданская ответственность. Вместе с тем в науке нет единства относительно понятия, сущности таких субстанций и методов, а также критериев их отбора. В связи с этим возникают вопросы относительно реализации мер ответственности за действия с ними и по поводу их соразмерности.

Понятие и виды запрещенных в спорте субстанций или методов

Легальное понятие запрещенных субстанций содержится в кодексе ВАДА: «Любая субстанция или класс субстанций, приведенных в запрещенном списке». Запрещенный метод определяется таким же образом: «Любой метод, приведенный в запрещенном списке»³. Такое определение формально и не дает понимания сущности запрещенных субстанций и методов. Общероссийские антидопинговые правила не дают сущностного определения терминов «запрещенная субстанция», «запрещенный метод», так как воспроизводят понятия из кодекса ВАДА⁴.

В теории также отсутствует единство относительно определения этих понятий. Некоторые авторы рассматривают их синонимично понятию «допинг» либо соотносят их как часть и целое. Например, А. В. Чеботарев использует понятие «допинги», которое рассматривает как «природное или синтетическое вещество или метод, выявляемые специализированным учреждением и запрещенные Всемирной антидопинговой организацией к использованию

¹ *Lausanne Declaration on Doping in Sport* : adopted by the World Conference on Doping in Sport 4 February 1999, Lausanne, Switzerland. URL: https://www.wada-ama.org/sites/default/files/resources/files/lausanne_declaration_on_doping_in_sport.pdf

² *Об утверждении перечней субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте* : приказ Минспорта России от 15 нояб. 2021 г. № 893 : зарегистрировано в Минюсте России 17 дек. 2021 г. № 66407. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

³ *2021 World Anti-Doping Code*. URL: <https://www.wada-ama.org/en/resources/the-code/world-anti-doping-codee>

⁴ *Об утверждении Общероссийских антидопинговых правил* : приказ Минспорта России от 24 июня 2021 г. № 464 : начало действия ред. с 1 янв. 2021 г. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «Консультант Плюс». Ранее Общероссийские антидопинговые правила были утверждены Министром спорта Российской Федерации 11 декабря 2020 г.

в спорте под угрозой наказания, употребляемые спортсменом или используемые в отношении животного в целях влияния на спортивный результат, а также любое деяние (действие, бездействие), отнесенное Всемирным антидопинговым кодексом к нарушению антидопинговых правил» [5, с. 765–777]. Положительные стороны такого определения состоят в указании на цель использования субстанций или методов. Однако объединение под одним термином и субстанций или методов, и действий с ними размывает само понятие допинга, поэтому нецелесообразно.

В другой работе А. В. Чеботарев соглашается с определением С. В. Алексева, который акцентирует внимание на цели стимуляции физической и психической работоспособности и достижения благодаря этому высокого спортивного результата [6, с. 76–97]. В этом определении также указывается, что допинг используется в целях получения преимуществ по сравнению с другими, «чистыми» спортсменами.

С. П. Евсеев выделяет два критерия отнесения субстанций или методов к допингу: повышение спортивного результата сверх норм, характерных для средств и методов тренировочного процесса, а также вред здоровью спортсмена как при однократном, так и при постоянном их использовании с превышением установленных медицинской наукой норм дозировки [7, с. 46–57].

Однако он отмечает, что оба критерия обязательны при отнесении субстанций или методов к запрещенным в спорте. Представляется, что необязательно ими должен причиняться вред. Хотя ряд субстанций и методов негативно сказываются на здоровье спортсмена, даже могут при-

вести к его смерти⁵, большинство субстанций являются лекарственными препаратами и при использовании по назначению в рамках необходимой дозировки повредить здоровью не могут.

А вот обязательность повышения эффективности выступлений презюмируется, так как иное означало бы бессмысленность их применения. Кроме того, вряд ли можно рассматривать как допинг ситуацию, когда спортсмен принимает препараты для лечения болезни и т. п.

Поэтому мы считаем, что запрещенные субстанции и методы обладают следующими признаками:

- а) представляют собой органические или неорганические вещества, способы, процедуры;
- б) позволяют получать более высокие спортивные результаты;
- с) в ряде случаев могут повлиять на здоровье спортсмена.

Такие субстанции и методы классифицированы по нескольким основаниям. Безусловно, главной классификацией является разделение на субстанции и методы.

В свою очередь субстанции и методы разделены на классы в зависимости от характера воздействия, химической структуры (методы разделяются только по характеру действия): анаболические агенты (S1), пептидные гормоны, факторы роста, подобные субстанции и миметики (S2), бета-2-агонисты (S3), гормоны и модуляторы метаболизма (S4), диуретики и маскирующие агенты (S5), стимуляторы (S6), наркотики (S7), каннабиноиды (S8), глюкокортикоиды (S9), бета-блокаторы (P1). Хотя большинство из этих веществ и используется в медицине, в спорте они применяются для влияния на различные органы, системы тела.

⁵ История противодействия допингу началась в том числе в связи со смертью Тома Симпсона (велогонщика, использовавшего амфетамины) (URL: <https://www.history.com/news/doping-scandals-through-history-list>). Также много смертей отмечается в так называемую «эпоху ЭПО», т. е. эритропоэтина (лекарственного препарата для лечения почечной недостаточности, анемий, однако в спорте используется как стимулятор, улучшающий доставку кислорода в мышцы) (URL: https://matchtv.ru/doping/matchtvnews_NI841895_Devataja_smert_zhena_dva_goda_i_pataja_zhena_poslednije_dva_mesaca_Sluchajnost_ili_net)

Например, как указывает Л. Гунина, анаболические агенты представляют собой группу различных по структуре и происхождению средств, способных усиливать процессы синтеза белка и других веществ в организме, направленных на активизацию процессов репарации в костной и мышечной тканях, рост силовых показателей, увеличение объема мышц, уменьшение содержания жира в организме, стимуляцию дыхания, повышение выносливости, увеличение капилляризации мускулатуры [8, с. 39–48]. Бета-2-агонисты предназначены для лечения астмы, хронической обструктивной болезни легких, но также они обладают анаболическим эффектом. Диуретики используются для сокрытия других запрещенных субстанций.

Методы делятся на манипуляции с кровью и ее компонентами, химические и физические манипуляции, генный и клеточный допинг.

Как указывают А. В. Орехова и другие, «кровяной допинг – использование продуктов, которые расширяют прием, поступление или доставку кислорода, т. е. эритропоэтины, модифицированный гемоглобин, продукты заменителей гемоглобина, основанные на крови, продукты гемоглобина в микрокапсулах, перфлюо-химикаты и эфапроксирал» [9, с. 190–193]. В свою очередь в физические и химические манипуляции включают как действия по подмене пробы или изменению ее свойств в целях затруднения анализа, так и различного рода инъекции.

Генная терапия представляет собой экспериментальную технику, которая использует гены для лечения или профилактики заболеваний, может применяться и для расширения возможностей здорового человека. О. А. Шевченко и Д. А. Воронцов указывают, что «изучение генома человека является одним из наиболее значимых вызовов XXI в. Вклад в человеческую историю таких фундаментальных

исследований, как The Human Genome Project, The Genome Project-Write, и других сложно переоценить. Они открыли и продолжают развивать научные знания о строении человеческого генома, что позволяет достигать значимых продвижений в медицине, понимании природы человека» [10, с. 119–129].

В естественных науках и праве нет единства относительно возможностей генного допинга и этичности его применения (даже вне профессионального спорта). Так, А. И. Редькина и другие указывают, что «в настоящее время не изучены в полной мере последствия применения генных технологий, как краткосрочные, так и отдаленные. Соответственно, проблема применения генного допинга в перспективе может рассматриваться не только с точки зрения нарушения прав самих спортсменов, которые проходят через процедуры применения в отношении них методов генной инженерии не в целях терапии, профилактики или диагностики, но и, вероятно, с точки зрения нарушения прав будущих поколений» [11, с. 67–77].

Таким образом, изначально все методы можно использовать для лечения, однако они могут также нечестным образом укрепить возможности спортсмена.

Только одна группа запрещенных субстанций объединена не по сходству химической структуры и характеру воздействия: класс S0. Туда входят неодобренные субстанции, которые не прошли все стадии испытаний, с отозванной лицензией и т. п.

Кроме того, субстанции и методы разделены на несколько иных групп, видов. Во-первых, они делятся на те, которые запрещены только в соревновательный период, и те, которые запрещены все время. Например, все время запрещены анаболические агенты (S1), пептидные гормоны, факторы роста, подобные субстанции и миметики (S2), все запрещенные методы (M1-M3) и др. В соревновательный

период запрещены, в частности, стимуляторы (S6), включая амфетамин и кокаин, наркотики (S7) и т. п.

Во-вторых, в перечне отдельно выделяется вид «особых субстанций» и «особых методов», за использование которых в соответствии со ст. 10 Кодекса ВАДА ответственность может быть снижена. Это связано не с тем, что данные вещества менее опасные или эффективные, а с большей вероятностью непреднамеренного попадания таких субстанций в организм спортсмена. К особым субстанциям относятся, в частности, наркотики, некоторые стимуляторы (S6.B), каннабиониды (S8) и т. д. Особые методы составляют только внутривенные инфузии и/или инъекции в объеме более 100 мл в течение 12-часового периода, за исключением случаев стационарного лечения, хирургических процедур или при проведении клинической диагностики. Кроме того, в отдельную категорию также выделяются субстанции, вызывающие зависимость, т. е. которыми часто злоупотребляют вне рамок спорта.

При этом необходимо отметить динамичность внесения изменений в список вследствие того, что его обновляют раз в год. Например, в Обзоре изменений Запрещенного списка за 2022 год отмечено, что в качестве примеров аналогов гормона роста были добавлены лонапегсоматропин, соматопитан и соматрогон⁶. В Обзоре основных изменений и пояснительной записке к запрещенному списку 2021 г. отмечено, что теперь разрешены ингаляции вилантерола до максимальной рекомендуемой производителем дозы. Отмеренная

доза составляет 25 микрограмм, что эквивалентно доставленной дозе 22 микрограмма⁷.

Подводя промежуточный итог, стоит отметить, что запрещенные субстанции и методы представляют собой фармакологические вещества, способы и средства, включенные в запрещенные списки на международном и национальном уровнях, используемые в целях повышения результативности выступлений на спортивных соревнованиях.

О СПЕЦИАЛЬНОМ ПЕРЕЧНЕ ЗАПРЕЩЕННЫХ СУБСТАНЦИЙ ИЛИ МЕТОДОВ ДЛЯ ЦЕЛЕЙ СТ.СТ. 230¹ И 230² УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Правительство РФ во исполнение прим. 2 к ст. 230¹ Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) разработало специальный перечень, куда вошли не все запрещенные субстанции⁸ (далее – Специальный перечень).

Изначально в Специальный перечень вошли только субстанции из классов S1, S2, S4, а также запрещенные методы. Отмечая особенности сокращения перечня запрещенных субстанций или методов для целей ст.ст. 230¹ и 230² УК РФ, А. Р. Кутуев писал, что таким образом законодатель пошел по пути дифференциации ответственности исходя из вида запрещенной субстанции или метода⁹. Хотя ученый и не анализирует подробно проблематику предмета исследуемых преступлений, мы считаем, что такая дифференциация не имела под собой оснований, так как невключенные субстанции также могли

⁶ 2022 Обзор основных изменений и пояснительная записка к запрещенному списку. URL: <https://rusada.ru/about/documents/kodeks-i-drugie-mezhdunarodnye-standarty-vada/>

⁷ 2021 Обзор основных изменений и пояснительная записка к запрещенному списку. URL: <https://rusada.ru/about/documents/kodeks-i-drugie-mezhdunarodnye-standarty-vada/>

⁸ Об утверждении перечня субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте, для целей статей 230¹ и 230² Уголовного кодекса Российской Федерации : постановление Правительства Российской Федерации от 28 марта 2017 г. № 339. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁹ Кутуев А. Р. Уголовная ответственность за склонение, распространение и применение субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. С. 62.

причинить вред здоровью и склонение к их использованию либо использование не менее общественно опасно.

Впоследствии постановлением от 23 августа 2021 г. № 1387 Правительство РФ попыталось исправить ситуацию и существенно расширило список субстанций, которые учитываются для криминализации по ст.ст. 230¹ и 230² УК РФ. Так, были включены ингибиторы ароматазы, антиэстрогенные субстанции (антиэстрогены и селективные модуляторы рецепторов эстрогенов (SERMs), S3 Бета-2-агонисты, S5 Диуретики и маскирующие агенты, S6 Стимуляторы, S9 Глюо-кортикоиды, P1 Бета-блокаторы. Однако все равно остается неподтвержденной необходимость существования отдельного списка, который в настоящее время практически воспроизводит Запрещенный список ВАДА за некоторыми исключениями.

Например, в класс субстанций S0 входят не прошедшие клинических испытаний новые препараты, «дизайнерские» препараты, последствия от которых непредсказуемы, но они отсутствуют в перечне запрещенных субстанций, разработанном Правительством РФ для целей применения ст.ст. 230¹ и 230² УК РФ.

Кроме того, основной проблемой является то, что в специальном перечне Правительства РФ нет указания на то, что перечень открыт, т. е. список является *numerus clausus*. Между тем Запрещенный список ВАДА дает только примеры субстанции, но не ограничивается ими. Например, в ст. 230 УК РФ установлена ответственность за склонение к потреблению нарко-

тических средств, психотропных веществ и их аналогов, примерный перечень которых установлен в постановлении Правительства РФ от 30 июня 1998 г. № 681¹⁰.

Аналоги в данном случае определяются сходством с химической структурой и со свойствами наркотических средств и психотропных веществ, психоактивное действие которых они воспроизводят¹¹. В специальном перечне диуретики и маскирующие агенты (S5) не ограничены конкретным перечнем, а включают субстанции с подобной химической структурой или биологическим эффектом. Но в перечислении бета-2-агонистов такого указания нет. При этом существенное расширение специального перечня указывает на отсутствие необходимости дифференциации ответственности.

Конечно, так как в соответствии со списком ВАДА к допингу относятся и различные наркотические вещества, они исключены из-под действия ст.ст. 230¹ и 230² УК РФ.

Наркотические средства и психотропные вещества имеют особую природу, так как большинство из них хотя и применяются в медицине, однако в обществе используются для достижения «эйфории». Легальные понятия в основном сводятся к формальному определению через указание на включение в перечень или список¹². В словаре терминов Всемирной организации здравоохранения наркотик определяется как «химический агент, вызывающий ступор, кому или нечувствительность к боли. Термин обычно относится к опиатам или опиоидам, которые называются

¹⁰ Об утверждении перечня наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации : постановление Правительства Рос. Федерации от 30 июня 1998 г. № 681 (ред. от 24 янв. 2022 г.). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

¹¹ О наркотических средствах и психотропных веществах : федер. закон от 8 янв. 1998 г. № 3-ФЗ (ред. от 8 дек. 2020 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. № 2, ст. 219.

¹² Единая конвенция о наркотических средствах 1961 г. : с поправками, внесенными в нее в соответствии с Протоколом 1972 г. о поправках к Единой конвенции о наркотических средствах 1961 г. : заключена в г. Нью-Йорке 30 марта 1961 г. // Бюл. междунар. договоров. 2000. № 8. С. 15–50 ; Конвенция о психотропных веществах : заключена в г. Вене 21 февр. 1971 г. // Сб. действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. М., 1981. Вып. XXXV. С. 416–434 ; О наркотических средствах и психотропных веществах : федер. закон от 8 янв. 1998 г. № 3-ФЗ (ред. от 8 дек. 2020 г.).

наркотическими анальгетиками»¹³. Так как такие вещества более опасны, чем субстанции, включенные в Специальный перечень, они имеют качественно иное регулирование и меры противодействия их потреблению.

Некоторые из запрещенных в спорте субстанций подпадают под регулирование ст. 234 УК РФ, так как относятся к классу сильнодействующих веществ. В частности, это касается оксаболон, оксандролон¹⁴. Представляется верной позиция М. Г. Ермакова, который под сильнодействующими веществами понимает «объекты синтетического или природного происхождения, представляющие опасность для жизни и здоровья людей при несанкционированном применении или злоупотреблении, включенные в Список сильнодействующих веществ для целей статьи 234 и других статей Уголовного кодекса Российской Федерации» [12, с. 62–66]. Такие субстанции, подпадая под действия антидопинговых правил, являются более вредными для здоровья. Вследствие того, что самостоятельного состава склонения к сильнодействующим веществам нет, в случае, если они включены в Специальный перечень, такое склонение будет квалифицироваться по ст. 230¹ УК РФ. Хотя мы считаем, что склонение к потреблению веществ, указанных в ст. 234 УК РФ, должно быть самостоятельным преступлением.

Следовательно, верным представляется отказ от такого специального перечня и использование международных и на-

циональных списков. Единственными исключениями из действия данной статьи должны стать наркотические средства, психотропные вещества и их аналоги, а также вещества, указанные в ст. 234 УК РФ.

Определившись с перечнем запрещенных субстанций и методов, необходимо также ответить на вопрос, будут ли они являться предметом преступления или они должны рассматриваться как средства совершения преступления. Ранее мы частично затрагивали данную проблему в своих работах, однако полноценно ее не исследовали¹⁵.

ЗАПРЕЩЕННЫЕ СУБСТАНЦИИ И МЕТОДЫ КАК ПРЕДМЕТ СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Именно к предмету преступлений, предусмотренных ст.ст. 230¹ и 230² УК РФ, большинство авторов относят исследуемые запрещенные субстанции или методы [13; 14]. Например, В. В. Кухарук указывает, что предмет преступления ст. 230¹ УК РФ образуют субстанции, запрещенные для использования в спорте, а также средства применения запрещенных методов (п. 1 примечания) [15, с. 42–51].

Предмет преступления играет важную роль, так как на него непосредственно влияет виновное лицо. В связи с этим правильное определение предмета преступления важно прежде всего для определения тех общественных отношений, на которые посягает лицо. Однако единства относительно понимания объекта, его места

¹³ *Словарь терминов, относящихся к алкоголю, наркотикам и другим психоактивным средствам*. Женева, 1996. С. 83.

¹⁴ *Об утверждении списков сильнодействующих и ядовитых веществ для целей статьи 234 и других статей Уголовного кодекса Российской Федерации, а также крупного размера сильнодействующих веществ для целей статьи 234 Уголовного кодекса Российской Федерации* : постановление Правительства Рос. Федерации от 29 дек. 2007 г. № 964 (ред. от 18 сент. 2020 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2008. № 2, ст. 89.

¹⁵ Сынтин А. В. Некоторые проблемы уголовной ответственности за нарушения антидопинговых правил // Российский судья. 2021. № 12. С. 31–35. DOI: <https://doi.org/10.18572/1812-3791-2021-12-31-35> ; Его же. К вопросу о целесообразности использования термина «склонение» в статье 230¹ Уголовного кодекса Российской Федерации // Сибирское юридическое обозрение. 2021. Т. 18, № 4. С. 433–444. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2021-18-4-433-444>.

в структуре состава преступления, видов в теории уголовного права нет. Кроме того, в преступлениях, где воздействие непосредственно направлено на человека, термин «предмет» не используется. Вместо него устоялся термин «потерпевший».

Однако в теории нет единого мнения относительно сущности предмета преступления. Еще В. Я. Таций указывал, что вопрос о месте и видах предмета преступлений – дискуссионный [16]. Сам ученый разделил предмет на три категории: предмет общественного отношения, предмет преступления и предмет преступного воздействия. Если первый вид предмета классический и целиком взят из теории права (то, по поводу чего складываются общественные отношения), то определение второго и третьего вызывает вопросы.

Под предметом преступления он понимает «любые вещи материального мира, с определенными свойствами которых уголовный закон связывает наличие в действиях лица признаков конкретного состава преступления» [16, с. 63]. Отметим, что с учетом развития общества стоит говорить не только о вещах, но и о неосознанных предметах (информация, код), которые также могут быть предметами преступного посягательства. Предмет преступного воздействия, с точки зрения ученого, есть то, чему непосредственно причиняется ущерб. Думается, что разделение предмета преступления и предмета преступного посягательства излишне, обыкновенно под предметом как признаком состава преступления понимается последнее.

На это, в частности, указывает и Н. И. Коржанский: «Предмет преступления – это конкретный материальный объект, в котором проявляются определенные стороны, свойства общественных отношений (объекта преступления), путем физического или психического воздействия на который причиняется социально опасный вред в сфере этих общественных отношений» [17, с. 103]. Похожее указание

на связь предмета и объекта дает В. В. Хилута [18, с. 70–79].

Ученый при этом считает, что беспредметных преступлений не существует, так как общественные отношения складываются в том числе и по поводу нематериальных ценностей. При этом предмет, хотя и связан с объектом, но имеет самостоятельное значение.

Так, С. И. Голубев, отмечая значение предмета, указывал, что «[он] в ряде случаев применяется в качестве конститутивного признака (при этом используются различные способы его отражения в уголовно-правовой норме), участвует в дифференциации уголовной ответственности; иными словами, выступает в роли квалифицирующего или особо квалифицирующего признака, учитывается в процессе квалификации деяния (например, при оценке преступного последствия)» [19, с. 34].

Так как предмет представляет собой то, на что непосредственно направлено деяние, запрещенные субстанции или методы не могут являться предметом исследуемых преступлений, в отличие от посягательств на собственность, где, например, при краже лицо, ее совершающее, воздействует на имущество другого лица, но они являются средством совершения преступления.

При склонении к использованию спортсменами или в отношении спортсмена запрещенных субстанций или методов на них, в силу самих деяний (например, уговоров, советов, применение насилия, шантажа, введение спортсмену инъекции с запрещенной субстанцией вне его ведома) не будет оказываться вредное воздействие. В данных случаях речь идет именно о воздействии на спортсмена.

Последний, в соответствии с Законом о физической культуре и спорте, представляет собой физическое лицо, занимающееся выбранными видом или видами спорта и выступающее на спор-

тивных соревнованиях¹⁶. Именно он будет рассматриваться потерпевшим (этическое обозначение человека, выступающего предметом преступного посягательства).

В соответствии с Общероссийскими антидопинговыми правилами запреты распространяются на всех спортсменов, в том числе защищенных лиц и спортсменов-любителей, а также спортсменов, принимающих участие в спортивных соревнованиях, организованных физкультурно-спортивной организацией, зарегистрированной на территории Российской Федерации.

ЗАПРЕЩЕННЫЕ СУБСТАНЦИИ И МЕТОДЫ КАК СРЕДСТВА СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Для некоторых преступлений характерно также наличие орудий или средств совершения преступлений как обязательных признаков. Они представляют собой те предметы, вещества, приспособления, с помощью которых лицо совершает преступление. Верным считаем отграничение предмета от средств и орудий, отмеченное П. С. Яни: «Предмет – это то, что подвергается преступному воздействию для нанесения вреда объекту посягательства; орудия и средства – при помощи (посредством) чего преступление совершается» [20, с. 27–32]. Как глобальную, проблему такого разграничения описывает и Е. В. Благов: «Смешение “французского с нижегородским” особенно наглядно проявляется в отношении предмета и средств (орудий) совершения преступления. Обычно предмет преступления рассматривается в рамках учения об объекте. Вместе с тем предметом преступления нередко называется и то, с использованием чего оно совершается, т. е. средства

(орудия) совершения преступления» [21, с. 156–165].

В курсе уголовного права орудие и средства совершения преступления описываются так:

1) средства и орудия совершения преступления занимают второе по значимости место после способа совершения преступления;

2) средства и орудия совершения преступления являются немаловажными элементами составов преступлений. Они оказывают заметное влияние на характер и степень общественной опасности деяний.

Средства и орудия совершения преступления – это методы действия (бездействия), одушевленные и неодушевленные компоненты, используя которые виновный воздействует на объект уголовно-правовой охраны¹⁷. В. С. Комиссаров также отмечал, что «под средствами совершения преступления обычно имеются в виду такие предметы и явления внешнего мира, которые использует виновный для воздействия на объект либо предмет преступления (напр., различные приспособления, огонь, газ, радиация, эпидемия). Орудия – это также предметы внешнего мира, применяемые для непосредственного совершения преступления (напр., оружие, предметы, используемые в качестве оружия, транспортные средства)»¹⁸.

В. Б. Малинин и А. Ф. Парфенов считают, что «это предметы и процессы, используемые преступником при воздействии на потерпевшего и предмет преступления, т. е. для причинения вреда объекту посягательства» [22, с. 103]. Д. Б. Побережный указывает, что средство совершения преступлений для целей уголовного законодательства

¹⁶ О физической культуре и спорте в Российской Федерации : федер. закон от 4 дек. 2007 г. № 329-ФЗ (ред. от 30 дек. 2021 г.) // Рос. газ. 2007. 8 дек. ; 2022. 11 янв.

¹⁷ Курс уголовного права : в 5 т. : учеб. для вузов / под ред. Н. Ф. Кузнецовой, И. М. Тяжковой. М., 2002. Т. 1 : Преступление. С. 137.

¹⁸ Уголовное право Российской Федерации. Общая часть : учеб. для вузов / под ред. В. С. Комиссарова, Н. Е. Крыловой, И. М. Тяжковой. М., 2012. С. 78.

подразумевают «материальные и нематериальные объекты, которые осмысленно и активно используются индивидуумом для достижения преступного результата» [23, с. 112].

Именно используя такие средства в ст.ст. 230¹ и 230² УК РФ, специальный субъект воздействует на потерпевшего. Стоит обратить внимание, что в ряде случаев субъект может непосредственно не применять такие средства. Например, советы и уговоры, криминализованные в ст. 230¹ УК РФ, не обязательно сопровождаются передачей таких запрещенных субстанций или применением методов. В статье 230² УК РФ такие средства обязательны, так как без них невозможно совершить объективную сторону.

Это является дополнительным аргументом в поддержку нашего предложения об отказе от специального перечня, так как нет необходимости каким-либо образом дифференцировать средства совершения этих преступлений.

Н. Ф. Мурашов, проанализировав взгляды ученых на предмет преступления, предусмотренного ст. 230 УК РФ, указал, что большинство авторов рассматривают в качестве него наркотические средства, психотропные вещества и их аналоги [24, с. 3–11]. Ученый верно рассматривает наркотики в качестве средства совершения преступления в силу того, что последнее направлено не на них, а на лицо, склоняемое к потреблению. Данную позицию поддерживает А. А. Савинков [25].

Например, когда виновное лицо вынуждает лицо употребить наркотическое либо запрещенное средство, используя такие вещества, то в подобной ситуации это будет средствами совершения преступления. Но в иной ситуации (когда виновное лицо лишь советует употребить) они окажутся вне состава преступления. Кроме того, для склонения нет необходимости, чтобы потерпевший требовал от него виновным действия.

Поэтому запрещенные субстанции и методы не являются предметом совершения преступления, но будут являться средствами совершения преступления для состава ст. 230² УК РФ, а также в ряде случаев для ст. 230¹ УК РФ.

НЕКОТОРЫЕ ВЫВОДЫ

Так как запрещенные субстанции и методы представляют собой фармакологические вещества, способы и средства, включенные в запрещенные списки на международном и национальном уровнях, используемые в целях повышения результативности выступлений на спортивных соревнованиях, незаконные действия с ними или совершенные с помощью них, подлежат уголовно-правовому преследованию в рамках ст.ст. 230¹ и 230² УК РФ.

Наркотические средства, психотропные вещества, сильнодействующие вещества частично пересекаются с запрещенными субстанциями, но склонение к потреблению наркотических веществ квалифицируется по ст. 230 УК РФ, поэтому они исключены из-под действия ст. 230¹ УК РФ. Состав же склонения к использованию сильнодействующих веществ не криминализован, хотя ряд таких веществ включен в Специальный перечень. Мы полагаем, что склонение к потреблению сильнодействующих веществ должно получить самостоятельное регулирование в уголовном законодательстве.

При использовании их в отношении спортсмена вне зависимости от его согласия субъект воздействует на спортсмена, а не на предмет. Поэтому мы предлагаем рассматривать запрещенные субстанции и методы как средства совершения преступления, а в качестве потерпевшего – спортсмена. Для склонения же запрещенные субстанции и методы могут толковаться как средства, только если совершаемое действие связано с непосредственной передачей или введением этих субстанций или методов.

После изменений, внесенных в Специальный перечень, нет необходимости проводить дифференциацию в силу сходства этого перечня и Запрещенных списков. Поэтому для более эффективного применения ст.ст. 230¹ и 230² УК РФ следует отказаться от перечня запрещенных субстанций или методов, а также дополнительно указать на возможность привлечения к ответственности за применение в отношении спортсменов аналогов запрещенных субстанций.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Предложенные изменения позволят более эффективно реализовывать уголовную ответственность за нарушение антидопинговых правил. Кроме того, сформированный единый подход к запрещенным субстанциям и методам (определение их как средств совершения преступления) позволит сосредоточиться на повышении эффективности реализуемых уголовно-правовых мер.

Список литературы

1. Historical review of doping in sport / S. Ivanova, K. Ivanov, S. Papanov, P. Stoyanov, E. Penkova, S. Ivanov // Наука и Младост. 2016. С. 432–436.
2. Куликов Е. Спортивный допинг: история, пределы и перспективы // Логос. 2014. № 3 (99). С. 223–230.
3. Довгань Ю. Е., Довгань Е. А., Геворгян А. С. Допинг как социально-политическая проблема в современном мире: Российский и зарубежный опыт решения // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2020. № 1. С. 184–187. DOI: <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2020-1-1-184-187>
4. Mottram D. Banned Drugs in Sport. Does the International Olympic Committee (IOC) List Need Updating? // Sports Medicine. 1999. No. 27. P. 1–10. DOI: <https://doi.org/10.2165/00007256-199927010-00001>
5. Чеботарев А. В. Теоретические аспекты антидопинговых правил в международном и национальном регулировании // Правоведение. 2018. Т. 62, № 4. С. 765–778. DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu25.2018.411>
6. Чеботарев А. В. Юридическая ответственность за нарушение антидопинговых правил в России: проблемы и перспективы // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. № 3. С. 76–97. DOI: <http://doi.org/10.17323/2072-8166.2019.3.76.97>
7. Евсеев С. П. Критический анализ базовых понятий антидопингового кодекса // Ученые записки университета Лесгафта. 2016. № 9 (139). С. 46–56.
8. Гунина Л. Анаболические агенты в спорте: Механизм допингового действия и побочные эффекты // Наука в олимпийском спорте. 2015. № 4. С. 39–48.
9. Орехова А. В., Москаленко И. С., Шульгов Ю. И. Спортивный допинг: классификация и воздействие на человека // Символ науки. 2015. № 4. С. 190–193.
10. Шевченко О. А., Воронцов Д. И. Правовая основа создания системы предупреждения генного допинга и противодействия генетическим модификациям в спорте // Lex russica. 2019. № 9. С. 119–129. DOI: <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2019.154.9.119-129>
11. Редькина А. И., Шевченко О. А., Воронцов Д. И. Обеспечение защиты прав человека в контексте противодействия генному допингу // Управленческое консультирование. 2020. № 8 (140). С. 67–77. DOI: <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2020-8-67-77>
12. Ермаков М. Г. Свойства сильнодействующих и ядовитых веществ (ст. 234 УК РФ) // Научный вестник Омской академии МВД России. 2012. № 3 (46). С. 62–66.
13. Прокументов Л. М. Общая характеристика преступлений, посягающих на отношения, обеспечивающие здоровье населения в сфере спорта (ст.ст. 230¹, 230² УК РФ) // Вестник Томского государственного университета. Право. 2019. № 33. С. 126–131. DOI: <https://doi.org/10.17223/22253513/33/11>
14. Федоров А. В. Допинг и наркотики // Наркоконтроль. 2017. № 2. С. 10–21. DOI: <https://doi.org/10.18572/2072-4160-2017-2-10-21>
15. Кухарук В. В. Субстанции и (или) методы, запрещенные для использования в спорте, в уголовном законе // Право и политика. 2018. № 5. С. 42–51. DOI: <https://doi.org/10.7256/2454-0706.2018.5.23052>
16. Таций В. Я. Объект и предмет преступления в советском уголовном праве. Харьков : Выща школа : Изд-во при Харьков. гос. ун-те, 1988. 198 с.
17. Коржанский Н. И. Объект и предмет уголовно-правовой охраны. М. : Акад. МВД СССР, 1980. 248 с.
18. Хилота В. В. Предмет преступления в науке уголовного права: проблемы и противоречия // Журнал российского права. 2016. № 7 (235). С. 70–79. DOI: <https://doi.org/10.12737/20150>
19. Голубев С. И. Предмет экологического преступления : моногр. М. : Юрид. фирма Контракт, 2020. 176 с.
20. Яни П. С. Предмет и средство (орудие) преступления (на примере контрабанды) // Законность. 2020. № 10 (1032). С. 27–32.

21. Благоев Е. В. Признаки состава преступления: традиции и реальность // *Lex russica*. 2017. № 6 (127). С. 156–165. DOI: <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2017.127.6.156-165>
22. Малинин В. Б., Парфенов А. Ф. Объективная сторона преступления. СПб.: Изд-во Юрид. ин-та, 2004. 299 с.
23. Побережный Д. Б. О понятии средства совершения преступления // *Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена*. 2008. № 28 (63), ч. 1. С. 260–263.
24. Мурашов Н. Ф. Ответственность за склонение к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов (ст. 230 УК РФ). Некоторые спорные вопросы теории и практики // *Наркоконтроль*. 2016. № 2. С. 3–11.
25. Савинков А. А. Вопросы уголовно-правового противодействия склонению к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов // *Общество: политика, экономика, право*. 2019. № 5 (70). С. 39–48. DOI: <https://doi.org/10.24158/pep.2019.5.7>

References

1. Ivanova S., Ivanov K., Papanov S., Stoyanov P., Penkova E., Ivanov S. Historical Review of Doping in Sport. In: *Science and Youth*. Plovdiv, 2016. P. 432–436.
2. Kulikov E. Doping in Sports: History, Limits, Perspectives. *Logos*. 2014;3:223-230. (In Russ.).
3. Dovgan Yu. E., Dovgan E. A., Gevorgyan A. S. Doping as a Social and Political Problem in the Modern World: Russian and Foreign Experience. State and Municipal Management. Scholar Notes. 2020;1:184-187. DOI: <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2020-1-1-184-187> (In Russ.).
4. Mottam D. Banned Drugs in Sport. Does the International Olympic Committee (IOC) List Need Updating? *Sports Medicine*. 1999;27:1-10. DOI: <https://doi.org/10.2165/00007256-199927010-00001>
5. Chebotarev A. V. Theoretical Aspects of Anti Doping Rules in International and National Regulation. *Pravo-vedenie*. 2018;62(4):765-778. DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu25.2018.411> (In Russ.).
6. Chebotarev A. V. Liability for Violation of Anti-doping Rules in Russia: Issues and Prospects. *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki = Law. Journal of the Higher School of Economics*. 2019;3:76-97. DOI: <http://doi.org/10.17323/2072-8166.2019.3.76.97> (In Russ.).
7. Evseev S. P. Critical Analysis of Basic Concepts of the Anti-doping Code. *Uchenye zapiski universiteta imeni P. F. Lesgafta*. 2016;9:46-56. (In Russ.).
8. Gunina L. Anabolic Agents in Sport: Mechanism of Doping Action and Side Effects. *Science in Olympic Sport*. 2015;4:39-48. (In Russ.).
9. Orekhova A. V., Moskalenko I. S., Shul'gov Yu. I. Sports Doping: Classification and Its Impact on a Human Being. *Symbol of Science*. 2015;4:190-193. (In Russ.).
10. Shevchenko O. A., Vorontsov D. I. Legal Basis for the Creation of a System for Preventing Gene Doping and Countering Genetic Modification in Sport. *Lex Russica*. 2019;9:119-129. DOI: <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2019.154.9.119-129> (In Russ.).
11. Redkina A. I., Shevchenko O. A., Vorontsov D. I. Protection of Human Rights in the Context of Fight Against Gene Doping. *Administrative Consulting*. 2020;8:67-77. DOI: <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2020-8-67-77> (In Russ.).
12. Yermakov M. G. Attributes of Potent and Toxic Substances (Article 234 of the Criminal Code of the Russian Federation). *Nauchnyi vestnik Omskoi akademii MVD Rossii = Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the MIA of Russia*. 2012;3:62-66. (In Russ.).
13. Prozumentov L. M. General Characterization of Crimes that Encroach on the Relations Ensuring the Health of the Population in Sports (Article 230.1 and Article 230.2 of the Criminal Code of the Russian Federation). *Tomsk State University Journal of Law*. 2019;33:126-131. DOI: <https://doi.org/10.17223/22253513/33/11> (In Russ.).
14. Fedorov A. V. Doping and Drugs. *Narkokontrol*. 2017;2:10-21. DOI: <https://doi.org/10.18572/2072-4160-2017-2-10-21> (In Russ.).
15. Kukharuk V. V. Substances and/or Methods Prohibited for Use in Sports, in Criminal Law. *Law and Politics*. 2018;5:42-51. DOI: <https://doi.org/10.7256/2454-0706.2018.5.23052> (In Russ.).
16. Tatsii V. Ya. *Object and Subject of Crime in Soviet Criminal Law*. Kharkiv: Vyscha shkola Publ., Kharkiv State University Publ.; 1988. 198 p. (In Russ.).
17. Korzhanskii N. I. *Object and Subject of Criminal Law Protection*. Moscow: Academy of the Ministry of Internal Affairs of the USSR Publ.; 1980. 248 p. (In Russ.).
18. Khilyuta V. V. The Subject of Crime in Criminal Law: Problems and Contradictions. *Journal of Russian Law*. 2016;7:70-79. DOI: <https://doi.org/10.12737/20150> (In Russ.).
19. Golubev S. I. *The Subject of an Environmental Crime*. Moscow: Yurid. firma Kontrakt Publ., 2020. 176 p. (In Russ.).
20. Yani P. S. A Subject and Means (Instrument) of Crime (Based On the Example of Smuggling). *Zakonnost Journal*. 2020;10:27-32. (In Russ.).

21. Blagov E. V. Component Elements of a Crime: Tradition and Reality. *Lex Russica*. 2017;6:156-165. DOI: <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2017.127.6.156-165> (In Russ.).
22. Malinin V. B., Parfenov A. F. *The Objective Side of the Crime*. St. Petersburg: Law Institute Publ.; 2004. 299 p. (In Russ.).
23. Poberezhny D. B. Concept of Crime Commission Means. *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*. 2008;28(1):260-263. (In Russ.).
24. Murashov N. F. Responsibility for Inducement to Use Narcotic Drugs, Psychotropic Substances or Their Analogues (Article 230 of the Criminal Code of the Russian Federation). Some Contestable Issues of Theory and Practice. *Narkokontrol*. 2016;2:3-11. (In Russ.).
25. Savinkov A. A. Criminal Law Counter to Inducement to Use Narcotic Drugs, Psychotropic Substances or Their Analogs. *Society: Politics, Economics, Law*. 2019;5:39-48. DOI: <https://doi.org/10.24158/pep.2019.5.7> (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Антон Вячеславович Сынтин, преподаватель Омского юридического колледжа (ул. Короленко, 12, Омск, 644010, Российская Федерация); ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1076-930X>; e-mail: asyntin@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR

Anton V. Syntin, Lecturer at the Omsk Law College (12 Korolenko st., Omsk, 644010, Russian Federation); ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1076-930X>; e-mail: asyntin@gmail.com

Поступила | Received
11.05.2022

Поступила после рецензирования
и доработки | Revised
31.05.2022

Принята к публикации | Accepted
10.06.2022

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

Criminal Procedure

УДК 343.9:004

DOI: 10.19073/2658-7602-2022-19-2-156-164

EDN: DYEXOW

Оригинальная научная статья

Вопросы установления места совершения мошенничества, осуществленного с использованием информационных технологий: криминалистический и уголовно-процессуальный аспекты

Г. Д. Бадзгарадзе

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)

Университета прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Российская Федерация

✉ badzgaradze98@gmail.com

Аннотация. Автор рассматривает некоторые дискуссионные вопросы установления места совершения мошенничества, осуществленного с использованием информационных технологий. В результате проведенного исследования делается вывод, что современное развитие уголовно-процессуального законодательства не позволяет в должной степени разрешить практические проблемы и коллизии, которые выражаются в неурегулировании вопросов определения места совершения мошенничества, предметом которого являются безналичные денежные средства, когда оно было осуществлено посредством нескольких банковских и небанковских переводов безналичных денежных средств в пользу преступника, и предлагается решение проблемы посредством указания в постановлении Пленума Верховного Суда от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате», что местом совершения мошенничества, предметом которого выступают безналичные денежные средства, является местоположение (фактический адрес) финансовой организации (филиала, подразделения, представительства финансовой организации), в которой у потерпевшего был открыт счет и с которого была осуществлена последняя или наибольшая транзакция в преступных интересах субъекта преступления. Данные изменения, по мнению автора, позволят разрешить практические проблемы, возникающие при определении места предварительного расследования мошенничества, совершенного с использованием информационных технологий. Проводится анализ системы мест, которые можно считать местом совершения подобных мошенничеств, в криминалистическом смысле. Автор приходит к выводу, что среди таких мест можно выделить местонахождение преступника, местонахождение потерпевшего, а также местонахождение денежных средств потерпевшего, которые были обращены преступником в свою пользу. Результатом осуществленного анализа проблемы установления последнего места совершения мошенничества, осуществленного с использованием информационных технологий, является констатация отсутствия однозначных ответов, в связи с чем автор выражает надежду на получение не только конструктивных предложений, но и любых мнений, которые позволили бы приблизиться к ее разрешению.

Ключевые слова: безналичные денежные средства; место производства предварительного расследования; мошенничество, совершенное с использованием информационных технологий; киберпреступления; расследование киберпреступлений; противодействие киберпреступлениям; IT-преступления.

© Бадзгарадзе Г. Д., 2022

Для цитирования: Бадзгардзе Г. Д. Вопросы установления места совершения мошенничества, осуществленного с использованием информационных технологий: криминалистический и уголовно-процессуальный аспекты // Сибирское юридическое обозрение. 2022. Т. 19, № 2. С. 156–164. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2022-19-2-156-164>. EDN: <https://elibrary.ru/dyexow>

Original scientific article

Issues of Establishing the Place of Fraud Carried Out Using Information Technologies: Forensic and Criminal Procedure Aspects

G. D. Badzgaradze

St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation, Saint Petersburg, Russian Federation

✉ badzgaradze98@gmail.com

Abstract. The Author considers some debatable issues of establishing the place of fraud committed using information technology. The result of the study is the conclusion that the current development of criminal procedure legislation does not allow to adequately resolve practical problems and conflicts, which are expressed in the failure to resolve the issues of determining the place of committing fraud, the subject of which is non-cash funds, when it was carried out through several banking and non-banking transfers of non-cash funds in favor of the criminal, and proposes a solution to the problem by indicating in the decision of the Plenum of the Supreme Court dated November 30, 2017 No. 48 “On judicial practice in cases of fraud, misappropriation and embezzlement”, that the place of fraud, the subject of which are non-cash funds is the location (actual address) of the financial institution (branch, division, representative office of the financial institution), in which the victim had an account opened and from which the last or most transaction in the criminal interests of the subject of the crime. These changes, according to the Author, will allow solving practical problems that arise when determining the place of the preliminary investigation of fraud committed using information technology. An analysis is made of the system of places that can be considered a place of committing fraud using information technology, in a forensic sense. The Author comes to the conclusion that among such places one can single out the location of the offender, the location of the victim, as well as the location of the victim's funds, which were turned by the criminal in his favor. The result of the analysis of the problem of establishing the last place of committing fraud carried out using information technology is a statement of the absence of unequivocal answers, in connection with which the Author expresses the hope of receiving not only constructive suggestions, but also any opinions that would make it possible to get closer to its resolution.

Keywords: non-cash funds; place of preliminary investigation of fraud committed with the use of information technology, cybercrime, investigation of cybercrime, combating cybercrime, IT-crime.

For citation: Badzgaradze G. D. Issues of Establishing the Place of Fraud Carried Out Using Information Technologies: Forensic and Criminal Procedure Aspects. *Siberian Law Review*. 2022;19(2):156-164. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2022-19-2-156-164>. EDN: <https://elibrary.ru/dyexow> (In Russ.).

ВВЕДЕНИЕ

Непрекращающееся изменение общественных отношений в развитых государствах приводит к все большей цифровизации денежного обращения, ин-

форматизации и интеграции информационных технологий в жизнь и деятельность человека [1–2]. Данные процессы закономерно приводят к «перепрофилированию» деятельности преступного элемента,

что выражается в сокращении числа хищений, связанных с реальным контактом преступника и потерпевшего, и возрастании «виртуальных» связей между ними [3–5].

Об этом свидетельствуют и статистические данные о преступности в России за 2020 и 2021 гг. В 2020 г. количество краж сократилось на 3 %, грабежей – на 16,2 %, разбоев – на 21,7 %¹. Подобная тенденция сохранилась и в 2021 г.: количество краж уменьшилось на 2,4 %, грабежей – на 18,1 %, разбоев – на 16 %². При этом в последние годы наблюдается галопирующее возрастание числа совершаемых хищений с использованием информационных технологий, особенно мошенничества, предусмотренного ст.ст. 159, 159³, 159⁶ Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ). В совокупности за 2020 и 2021 гг. количество преступлений, предусмотренных ст. 159 УК РФ, совершенных с использованием информационных технологий, увеличилось на 98,96 %; предусмотренных ст. 159³ УК РФ – уменьшилось на 57,14 % (однако в 2019 г. количество данных преступлений увеличилось на 280 %³), предусмотренных ст. 159⁶ – уменьшилось на 59,4 %.

Увеличение числа преступлений, совершенных с использованием информационных технологий, обусловило рост тяжкой преступности в России. И как справедливо отметил Министр внутренних дел России В. А. Колокольцев, к этому привело именно резкое увеличение числа мошенничеств в телекоммуникационных сферах⁴.

Противодействие мошенничеству, совершенному с использованием информационных технологий, осложняется

не только количеством данных преступлений, но и способностью правоохранительных органов осуществлять деятельность по их раскрытию и расследованию. О неблагополучии в данной области свидетельствуют статистические данные раскрываемости рассматриваемых категорий преступлений. Так, за 2021 г. было раскрыто 21 610 из 240 117 преступлений рассматриваемой категории, что составляет всего 9 %. Более того, доля раскрываемых преступлений в сравнении с 2020 г. только уменьшилась.

Причин указанной низкой эффективности правоохранительных органов в рассматриваемой сфере много, и в качестве одной из наиболее существенных следует выделить проблему установления места совершения преступления, которую мы хотели бы рассмотреть в рамках настоящего исследования [6].

Место совершения любого преступления можно рассматривать с точки зрения криминалистики и с точки зрения уголовно-процессуального права. При этом примечательно, что именно при расследовании мошенничества, совершенного с использованием информационных технологий, столкновение этих двух юридических наук приводит к серьезным практическим проблемам, усложняющим процесс установления истины по уголовному делу.

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ АСПЕКТ ОПРЕДЕЛЕНИЯ МЕСТА ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ МОШЕННИЧЕСТВА, СОВЕРШЕННОГО С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

С позиции уголовно-процессуального права проблема, связанная с местом

¹ Состояние преступности в России за январь–декабрь 2020 года. М. : М-во внутр. дел Рос. Федерации ФКУ «Главный информационно-аналитический центр», 2020. С. 4.-

² Состояние преступности в России за январь–декабрь 2021 года. М. : М-во внутр. дел Рос. Федерации ФКУ «Главный информационно-аналитический центр», 2021. С. 3.

³ Состояние преступности в России за январь–декабрь 2019 года. М. : М-во внутр. дел Рос. Федерации ФКУ «Главный информационно-аналитический центр», 2021. С. 31.

⁴ Владимир Александрович Колокольцев // Офиц. сайт М-ва внутр. дел Рос. Федерации. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/speech/item/22548863/>

совершения преступления, выражается в определении подследственности в соответствии с нормами ст. 152 УПК РФ [7]. В соответствии с указанной нормой, по общему правилу, предварительное расследование производится по месту совершения преступления. При этом, как указывается в п. 5 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате», местом совершения мошенничества, состоящего в хищении безналичных денежных средств (а именно они, как правило, и являются предметом совершения мошенничества с использованием информационных технологий) выступает «место нахождения подразделения банка или иной организации, в котором владельцем денежных средств был открыт банковский счет или велся учет электронных денежных средств без открытия счета»⁵ [8].

Представляется, что разъяснения Верховного Суда в части, касающейся установления места совершения мошенничества, не соответствуют практическим потребностям, возникающим при производстве проверки сообщения о преступлении и предварительного расследования по уголовным делам о мошенничестве, совершенном с использованием информационных технологий [9]. Особенностью совершения данного преступления является то, что денежные средства потерпевшего могут изыматься не с одного счета в одном банке, но и с нескольких счетов в нескольких банках и (или) небанковских организациях, предоставляющих услуги по хранению цифровых денежных средств (WebMoney, ЮMoney, QIWI Кошелек и др.). Подобные преступные действия охвачены единым умыслом, направленным на хищение имущества путем обмана или злоупотребления доверием с использованием информационных технологий,

однако достоверно установить место совершения преступления, исходя из положений вышеупомянутого постановления Пленума Верховного Суда, не представляется возможным, поскольку денежные средства перечисляются не с одного банковского счета, а с нескольких. В качестве примера можно привести приговор Приволжского районного суда города Казани № 1-333/2018 1-9/2019 от 26 июня 2019 г. по делу № 1-333/2018 в отношении Мухтарова Р. Г., осуществлявшего мошенническую деятельность посредством заключения договоров подряда и поставки мебели через заблаговременно созданные сайт в сети «Интернет» и электронные почты без цели дальнейшего исполнения гражданско-правовых обязательств. По одному из эпизодов мошенничества в приведенном приговоре суда не установлено место совершения преступления; указывается место нахождения преступника в момент его совершения, указывается, что часть суммы, направленной на приобретение мебели потерпевшим, была переведена через терминал оплаты «Колибри»; часть суммы направлена через мобильное приложение ПАО «ВТБ» на счет приема интернет-платежей ООО РНКО «Единая Касса», открытый на имя осужденного. Подобные излишние формулировки суда, описывающие место совершения преступления, по нашему мнению, указывают на фактическую невозможность его четкого определения. При этом из вышеуказанного постановления Пленума Верховного Суда прямо следует, что в приведенном случае имеется два полноценных места совершения преступления: местонахождение терминала оплаты «Колибри» и филиала (представительства) ПАО «ВТБ», в котором открыт банковский счет.

Как справедливо указывает Ю. В. Павлюченко, подобные проблемы определения места совершения преступления,

⁵ О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате : постановление Пленума Верхов. Суда Рос. Федерации от 30 нояб. 2017 г. № 48 (ред. от 29 июня 2021 г.) // Рос. газ. 2017. 11 дек.

предметом которых являются безналичные денежные средства, часто приводят к неправильному определению подследственности и подсудности, что разрешается в лучшем случае на стадии апелляционного производства, а значит, противоречит принципам разумности сроков уголовного процесса и процессуальной экономии [10].

Место совершения преступления, связанное с деятельностью банка

Определение места совершения мошенничества, осуществленного с использованием информационных технологий, имеет важное криминалистическое значение и ряд особенностей. По существу, место совершения преступления с позиции уголовно-процессуального права представляет собой лишь один из элементов системы мест совершения мошенничества с использованием информационных технологий с позиции криминалистики.

Как нами указывалось ранее, в уголовно-процессуальном смысле местом совершения преступления будет местонахождение банковской организации, в которой у потерпевшего открыт счет и в котором находятся безналичные денежные средства. Однако если мы исходим из буквального толкования, что местом совершения преступления является место, где оно было совершено, то как им может признаваться место, в котором в соответствующее время отсутствовали и потерпевший, и преступник?

Углубляясь в правовую природу предмета преступления, нельзя не коснуться положений гражданского права, которые определяют юридический статус безналичных денежных средств. В соответствии со ст. 845 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) денежные средства, перечисленные на счет, находятся в распоряжении банка. Владелец же счета, исходя из положений ст.ст. 861 и 862 ГК РФ, вправе давать обя-

зательные для банка указания об осуществлении расчетов безналичными денежными средствами, хранящимися на счете, в формах поручения, расчетов по аккредитиву, по инкассо, чеками и иными формами, установленными банковскими правилами или применяемыми в банковской практике обычаями, а банк в свою очередь имеет право распоряжаться денежными средствами, переданными ему по договору банковского счета (банковского вклада и т. п.) [11].

Соответственно и мошенничество, совершенное с использованием информационных технологий, реализуется путем осуществления потерпевшим одного из вышеупомянутых указаний банку о совершении действий по переводу безналичных денежных средств в пользу преступника на его банковский или иной счет. Как правило, при мошенничестве, совершаемом с использованием информационных технологий, потерпевший дает дистанционные указания банку в форме поручений, из чего и следует, что на месте совершения преступления в уголовно-процессуальном смысле он не находится.

Более того, подразделение банка или иной организации, в которой у потерпевшего открыт банковский счет, нельзя считать полноценным местом совершения преступления, поскольку там не будет никаких его следов. По сути, месторасположение подразделения банка представляет собой всего лишь помещение, в котором банк осуществляет свою финансовую деятельность. Местом же хранения безналичных денежных средств, исходя из их технологической природы, будет выступать сервер системы хранения данных, расположенный в центре обработки данных (дата-центре).

Как правило, распоряжение переданными денежными средствами выражается в предоставлении кредитов различным лицам. При этом является очевидным то обстоятельство, что после указанных

действий банк фактически производит дополнительные безналичные денежные средства, налично подкрепленные суммой, значительно меньшей суммы безналичных денежных средств. Данное обстоятельство следует из того, что при передаче денежных средств владельцем счета банку он не теряет права их востребовать. Тогда как должник, взявший в кредит денежные средства, которыми распоряжается банк, приобретает право владения и распоряжения ими.

Поскольку наличные денежные средства владельца счета передаются банком в пользование и распоряжение должнику, то в зависимости от последующих условий хранения должником кредитных денежных средств местом нахождения денежных средств владельца банковского счета может быть как место, в котором банк хранит наличные (если мы исходим из того, что безналичные средства должны быть подтверждены наличными), либо место, определяемое должником банка (если денежные средства, переданные в кредит клиенту банка были им в последствии обналичены).

Если исходить из того, что местом нахождения безналичных денежных средств, являющихся предметом мошенничества, совершенного с использованием информационных технологий, является центр обработки данных (дата-центр), в котором находится система хранения данных, с определенной долей условности, состоящая из серверов, то ситуация усложняется тем, что следы преступных действий находятся не в дата-центре, а в сервере, расположенном в нем. При этом закодированные безналичные деньги перенаправляются посредством дачи дистанционного поручения банку в пользу преступника. В свою очередь банк (иная финансовая организация, предоставляющая услуги по переводу безналичных денежных средств) проверяет по формальным признакам правомерность исполнения данного дистан-

ционного поручения. В силу огромного количества подобных поручений проверка их правомерности достигается с минимальным человеческим участием – путем использования автоматизированного программного обеспечения, сущностью которого является изменение информации, содержащейся на электронных банковских счетах лица, дающего банковской (финансовой) организации поручение, и лица, в интересах которого дается это поручение. В указанном случае местом совершения преступления может выступать и местонахождение соответствующей электронно-вычислительной машины, на которой предустановлено соответствующее программное обеспечение, с помощью которого выполняются вышеупомянутые вычислительные операции.

На основании изложенного, автор вынужден признать, что не находит способа разрешения вопроса об определении места совершения преступления в криминалистическом понимании применительно к месту отчуждения принадлежащих потерпевшему безналичных денежных средств в пользу преступника, совершающего мошенничество с использованием информационных технологий.

МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ ПРЕСТУПНИКА И ПОТЕРПЕВШЕГО КАК МЕСТО МОШЕННИЧЕСТВА, СОВЕРШЕННОГО С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Одним из мест совершения мошенничества с использованием информационных технологий является место нахождения преступника в момент совершения преступления.

В связи с тем, что при совершении мошенничества с использованием информационных технологий, как правило, преступник и потерпевший находятся в разных местах, небезосновательно утверждение, что среди мест совершения рассматриваемой категории преступлений

нужно также выделить место нахождения потерпевшего.

При этом важно отметить, что современный уровень развития средств связи позволяет лицу в момент совершения преступления менять место нахождения, например, посредством удаленного доступа к другому устройству, находящемуся по иному адресу. Однако в силу того, что следы мошенничества, совершенного с использованием информационных технологий, чаще всего являются цифровыми, под местом нахождения преступника в криминалистическом смысле считается система мест, в которых он находился в ходе совершения преступления, и использовал информационные технологии для достижения преступных целей. Ситуация существования множественности мест преступления может усложняться в случае использования преступником в целях сокрытия следов преступления программного обеспечения для удаленного доступа и контроля компьютеров, обмена файлами между управляющей и управляемой машинами (TeamViewer, AnyDesk и др.). Данное программное обеспечение позволяет преступнику, находясь в отдаленном месте, давать с одного технического устройства удаленные команды другому техническому устройству по производству практически всего спектра возможных действий, осуществляемого последним устройством. Данные действия не требуют использования программного обеспечения, гарантирующего защищенные соединения, предоставляющие анонимность, однако не исключают его.

В свою очередь местом нахождения потерпевшего будет являться система мест, в которых он находился в ходе совершения мошенничества и использовал информационные технологии при взаимодействии с преступником.

Если же мошенничество с использованием информационных технологий было совершено без дистанционного контакта

преступника с потерпевшим в цифровой среде (данные ситуации возникают, когда преступник получает доступ к цифровым сервисам потерпевшего в сети Интернет без ведома последнего), то с криминалистической точки зрения местом преступления, связанным с потерпевшим, будет выступать местонахождение технического устройства, с которого он получал доступ для использования цифровых сервисов, хранящих цифровые активы, похищенные преступником.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вышеизложенное, на наш взгляд, служит достаточным обоснованием внесения изменения в п. 5 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате», где указать, что местом совершения мошенничества, предметом которого выступают безналичные денежные средства, является местоположение (фактический адрес) финансовой организации (филиала, подразделения, представительства финансовой организации), в которой у потерпевшего был открыт счет и с которого была осуществлена последняя или наибольшая транзакция в преступных интересах субъекта преступления. Данные изменения, по нашему мнению, позволят разрешить практические проблемы, возникающие при определении места предварительного расследования мошенничества, совершенного с использованием информационных технологий.

Кроме того, в связи с особенностями способа совершения и предмета мошенничества с использованием информационных технологий, а также характера оставляемых при этом следов, с криминалистической точки зрения существует система мест совершения мошенничества, совершенного с использованием информационных технологий. Данную систему можно представить

в виде местонахождения потерпевшего, местонахождения преступника, а также места, в котором хранились ценности потерпевшего и из которого они были направлены в пользу преступника.

При этом местонахождение как преступника, так и потерпевшего связано с местом нахождения технических средств, посредством использования которых они взаимодействовали друг с дру-

гом. Если же личностное взаимодействие преступника и потерпевшего отсутствовало, то местом совершения преступления с криминалистической точки зрения и применительно к потерпевшему будет являться местонахождение технического устройства, с которого потерпевшим осуществлялся доступ к цифровым сервисам, хранящим информационно-электронные активы.

Список литературы

1. Шувалова М. А. Осознание необходимости применения инновационных технологий в уголовном процессе // *Юридическая наука: история и современность*. 2021. № 1. С. 133–139.
2. Зазулин А. И. Функции цифровой информации и технологий в уголовном процессе // *Сибирское юридическое обозрение*. 2020. Т. 17, № 1. С. 75–82. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2020-17-1-75-82>
3. Филиппов А. Р. Феномен мошенничества в России XXI века: уголовно-правовая, криминологическая и социально-психологическая характеристика // *Юридическая наука: история и современность*. 2021. № 6. С. 134–146.
4. Старостенко О. А. Закономерности становления и развития кибермошенничества в России и за рубежом // *Вестник Уральского юридического института МВД России*. 2021. № 1 (29). С. 138–143.
5. Грачева Ю. В. Цифровые технологии и безопасность личности // *Криминалист*. 2019. № 1 (26). С. 25–29.
6. Баркалова Е. В., Ручкин К. В., Серова Е. Б. Актуальные вопросы уголовного преследования за совершение мошенничества с использованием информационно-телекоммуникационных технологий // *Криминалист*. 2021. № 3 (36). С. 57–64.
7. Костюк М. Ф., Басырова З. Р. Преступления против собственности с использованием цифровых технологий // *Юридическая наука: история и современность*. 2021. № 9. С. 154–159.
8. Степанова М. А., Царёв Е. В. Проблемы определения места совершения хищения денежных средств, с использованием информационно-телекоммуникационных технологий // *Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина*. 2021. № 1. С. 12–16.
9. Хайдаров А. А. Дистанционное мошенничество. Расследование преступления и доказывание в суде // *Уголовный процесс*. 2020. № 10. С. 24–35.
10. Павлюченко Ю. В. Место совершения преступления и момент его окончания по делам о мошенничестве в отношении безналичных денежных средств // *Уголовное право*. 2018. № 2. С. 69–78.
11. Савченко М. М. Правовая природа безналичных денежных и электронных денег как предмета преступных посягательств // *Бизнес. Образование. Право*. 2021. № 2 (55). С. 244–250. DOI: <https://doi.org/10.25683/VOLBI.2021.55.235>

References

1. Shuvalova M. A. Awareness of the Need to Use Innovative Technologies in Criminal Proceedings. *Juridical Science: History and Modernity*. 2021;1:133–139. (In Russ.).
2. Zazulin A. I. Functions of Digital Information and Technologies in Criminal Proceedings. *Siberian Law Review*. 2020;17(1):75–82. <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2020-17-1-75-82> (In Russ.).
3. Filippov A. R. The Phenomenon of Fraud in Russia of the XXI Century: Criminal-Legal, Criminological and Socio-Psychological Characteristics. *Juridical Science: History and Modernity*. 2021;6:134–146. (In Russ.).
4. Starostenko O. A. Regularities of the Formation and Development of Cyber Fraud in Russia and Abroad. *Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the of the Interior of the Russian Federation*. 2021;1:138–143. (In Russ.).
5. Gracheva Yu. V. Digital Technologies and Personal Security. *Criminalist*. 2019;1:25–29. (In Russ.).
6. Barkalova E. V., Ruchkin K. V., Serova E. B. Current Issues of Criminal Prosecution for Commission of Fraud with the Use of Information and Communication Technologies. *Criminalist*. 2021;3:57–64. (In Russ.).
7. Kostyuk M. F., Basyrova Z. R. Digital Property Crimes. *Juridical Science: History and Modernity*. 2021;9:154–159. (In Russ.).
8. Stepanova M. A., Tsarev E. V. Problems of Determining the Place of Embezzlement of Funds Using Information and Telecommunications Technologies. *Vestnik of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia*. 2021;1:12–16. (In Russ.).

9. Khaydarov A. A. Remote Fraud. Investigation and Evidence. *Criminal Procedure*. 2020;10:24-35. (In Russ.).
10. Pavlyuchenko Yu. V. Crime Scene and Its Commission End-Time on Fraud Cases in Relation To Wire Funds Transfers. *Ugolovnoe pravo*. 2018;2:69-78. (In Russ.).
11. Savchenko M. M. The Legal Nature of Non-Cash and Electronic Money as a Subject of Criminal Encroachments. *Business. Education. Right*. 2021;2:244-250. DOI: <https://doi.org/10.25683/VOLBI.2021.55.235> (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Георгий Давидович Бадзгардзе, аспирант кафедры уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации (Литейный пр., 44, Санкт-Петербург, 191104, Российская Федерация); ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7550-1430>; e-mail: badzgaradze98@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR

Georgiy D. Badzgaradze, Postgraduate Student of the Department of Criminal Procedure and Forensic Science at the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation (44 Liteiny pr., St. Petersburg, 191104, Russian Federation); ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7550-1430>; e-mail: badzgaradze98@gmail.com

Поступила | Received
04.05.2022

Поступила после рецензирования
и доработки | Revised
17.06.2022

Принята к публикации | Accepted
20.06.2022

УДК 343.137.5

DOI: 10.19073/2658-7602-2022-19-2-165-175

EDN: FSIISC

Оригинальная научная статья

Комплексирование как тенденция развития института специальных знаний в уголовном процессе с участием несовершеннолетних

А. С. Медведева *Северо-Западный региональный центр судебной экспертизы**Министерства юстиции Российской Федерации, Санкт-Петербург, Российская Федерация*

✉ 98765_89@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается комплексирование как значимая тенденция в генезисе института специальных знаний в уголовном процессе с участием несовершеннолетних. Изучаемое явление определено как совмещение одним лицом двух или более процессуальных функций и/или специальных знаний для обеспечения многосторонней оценки важных для уголовного дела обстоятельств и индивидуальных особенностей несовершеннолетнего. Выделены и представлены четыре исторических этапа формирования отечественного института специальных знаний в уголовном судопроизводстве с участием несовершеннолетних. Сделан вывод, что указанный институт прошел путь развития от ситуативного привлечения немногочисленных сведущих лиц через применение специальных знаний самими правоприменителями с факультативным привлечением сведущих лиц до сформировавшейся практики производства комплексных экспертиз (в которых комиссионность – не обязательное свойство) и активного привлечения разных сведущих лиц, в частности, педагога и психолога. Рассмотрены актуальные ситуации, в которых несовершеннолетие участников уголовного процесса наряду с их индивидуальными особенностями (психофизиологическими, культурными, религиозными, языковыми и другими) влечет необходимость комплексирования процессуальных функций и/или специальных знаний. Представлены результаты эмпирического исследования, проведенного автором статьи под руководством кандидата юридических наук, доцента Е. В. Елагиной (анкетирование 161 следователя и 116 прокуроров по вопросам привлечения сведущих лиц в досудебном производстве по уголовным делам с участием несовершеннолетних); показано, что в большинстве случаев респонденты отмечают ведущую роль психолога при производстве следственных действий с детьми и подростками. Отмечено, что функции, традиционно реализуемые педагогом, не отвечают целям его привлечения к уголовному процессу, в связи с чем необходимо исключить возможность такого привлечения. Сделан общий вывод, что при комплексировании первое место должно отводиться специальным психологическим знаниям, поскольку именно психологи компетентны в оценке ряда значимых для уголовного судопроизводства явлений (например, эмоциональных и поведенческих реакций несовершеннолетних лиц). Автором предложен способ оптимального комплексирования процессуальных функций и/или специальных знаний в уголовном процессе с участием несовершеннолетних – применение специальных знаний правоприменителем или совмещение одним сведущим лицом двух и более функций. Показано, что предложенный способ позволит сократить количество контактирующих с несовершеннолетним лиц и снизить психологическую нагрузку на него.

Ключевые слова: комплексирование; несовершеннолетние; педагог; психолог; сведущие лица; специальные знания; уголовный процесс.

Для цитирования: Медведева А. С. Комплексирование как тенденция развития института специальных знаний в уголовном процессе с участием несовершеннолетних // Сибирское юридическое обозрение. 2022. Т. 19, № 2. С. 165–175. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2022-19-2-165-175>. EDN: <https://elibrary.ru/fsiisc>

Original scientific article

Integration as a Trend in the Development of the Institute of Special Knowledge in Criminal Proceedings Involving Minors

A. S. Medvedeva

*North-Western Regional Center of Forensic Expertise of the Ministry of Justice of the Russian Federation,
St. Petersburg, Russian Federation*

✉ 98765_89@mail.ru

Abstract. The article considers complexing as a significant trend in the genesis of the institution of special knowledge in criminal proceedings involving minors. The phenomenon under study is defined as the combination by one person of two or more procedural functions and/or special knowledge to provide a multilateral assessment of the circumstances important for the criminal case and the individual characteristics of the minor. Four historical stages of the formation of the domestic institution of special knowledge in criminal proceedings involving minors are identified and presented. It is concluded that this institution has gone the way of development from the situational involvement of a few knowledgeable persons through the use of special knowledge by law enforcement officers themselves with the optional involvement of knowledgeable persons to the established practice of producing comprehensive examinations (in which the commission is not a mandatory property) and the active involvement of various knowledgeable persons, in particular, a teacher and a psychologist. Actual situations are considered in which the minority of the participants in the criminal process, along with their individual characteristics (psychophysiological, cultural, religious, linguistic and others), entails the need to combine procedural functions and / or special knowledge. The results of an empirical study conducted by the Author of the article under the guidance of Candidate of Legal Sciences, Docent E. V. Elagina (questionnaire survey of 161 investigators and 116 prosecutors on the involvement of knowledgeable persons in pre-trial proceedings in criminal cases involving minors) are presented; it is shown that in most cases respondents note the leading role of a psychologist in the production of investigative actions with children and adolescents. It is also noted that the functions traditionally implemented by the teacher do not meet the goals of his involvement in the criminal process, and therefore it is necessary to exclude the possibility of such involvement. A general conclusion is made that, when complexing, the first place should be given to special psychological knowledge, since it is psychologists who are competent in assessing a number of phenomena significant for criminal proceedings (for example, emotional and behavioral reactions of minors). The Author proposes a method for optimal integration of procedural functions and / or special knowledge in a criminal process involving minors – the use of special knowledge by a law enforcement officer or the combination of two or more functions by one knowledgeable person. It is shown that the proposed method will reduce the number of persons in contact with a minor and reduce the psychological burden on him.

Keywords: completion; juveniles; educator; psychologist; insiders; special knowledge; criminal procedure.

For citation: Medvedeva A. S. Integration as a Trend in the Development of the Institute of Special Knowledge in Criminal Proceedings Involving Minors. *Siberian Law Review*. 2022;19(2):165-175. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2022-19-2-165-175>. EDN: <https://elibrary.ru/fsiisc> (In Russ.).

ВВЕДЕНИЕ

В значительном количестве стран обязательной является реализация правосудия, «дружественного» по отношению к несовершеннолетнему. Это предполагает уважение прав ребенка¹ и их эффективное обеспечение, учет его возраста, степени зрелости и понимания им обстоятельств дела, активное использование полученных в установленном законом порядке данных о ребенке, условиях его жизни и воспитания. Применение специальных знаний в рамках уголовного судопроизводства с участием несовершеннолетних является одной из гарантий их прав и способствует повышению эффективности и результативности осуществляемых процессуальных действий.

С начала формирования и до настоящих дней институт специальных знаний претерпевал значительные изменения, трансформируясь от точечных включений отдельных сведущих лиц в виде предоставления пояснений и небольших консультаций суду и следственным органам в полноценные комплексные экспертизы с участием нескольких экспертов. При этом комплексирование стало тенденцией в генезисе института специальных знаний в уголовном процессе, равно как и основным направлением, свойственным зарубежным правовым порядкам.

Сам термин «комплексирование» означает создание комплекса – совокупности, сочетания неких предметов, явлений, процессов или др.² В теории судебной экспертизы и криминалистики под комплексированием понимается использование знаний и методов из области одной специальности при производстве судебной экспертизы, относящейся к другой специальности [1, с. 141]. В уголовно-процессуальном

плане комплексирование может быть определено как совмещение одним лицом двух или более процессуальных функций и/или специальных знаний для обеспечения многосторонней оценки важных для уголовного дела обстоятельств и индивидуальных особенностей несовершеннолетнего.

Способы и специфика осуществления комплексирования активно изучаются многими авторами. В частности, исследователи из шести стран Евросоюза – Бельгии, Великобритании, Венгрии, Италии, Нидерландов и Франции – разработали проект “Co-operation in interpreter-mediated questioning of minors”, направленный на выявление неопределенностей и пробелов регламентации взаимодействия сведущих лиц между собой, с несовершеннолетними участниками и с сотрудниками правоохранительных органов; в частности, исследователи выявили, что эффективному достижению целей процессуального действия будет способствовать предварительное интервью привлеченного переводчика с несовершеннолетним, а также знакомство переводчика с актом освидетельствования несовершеннолетнего психологом, что создаст максимально полное представление о языковой компетенции ребенка с учетом его уровня психического и интеллектуального развития [2].

В нашей стране ориентация на комплексирование и поиск возможностей его достижения формировались с учетом ограничений, накладываемых историческими реалиями и степенью развития сопутствующих правовых институтов, что требует более внимательного рассмотрения.

¹ Здесь и далее, по аналогии с Уголовно-процессуальным кодексом Киргизской Республики, номинация «ребенок» обозначает лицо, не достигшее возраста 18 лет (Уголовно-процессуальный кодекс Киргизской Республики от 28 окт. 2021 г. № 129 : введен в действие Законом Киргиз. Респ. от 28 окт. 2021 г. № 126 (ред. от 18 янв. 2022 г. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/112308>).

² Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный : в 2 т. М. : Рус. яз., 2000. Т. 1. 1213 с.

**ЭТАПЫ ФОРМИРОВАНИЯ
ИНСТИТУТА СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ
В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ
С УЧАСТИЕМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ**

Первый этап становления института специальных знаний начинается в 1832 г., когда впервые в отечественном уголовно-процессуальном законодательстве было употреблено понятие «особые сведения или опытность» (ст. 943 Свода уголовных законов 1832 года) [3, с. 210]. На этом этапе применение специальных знаний носило эпизодический характер, не являлось обязательным и не рассматривалось в качестве одной из гарантий прав несовершеннолетних участников уголовного процесса.

Второй этап начинается с принятия Устава уголовного судопроизводства 1864 года и появления педагога – первого сведущего лица, специальные знания которого применимы только в отношении несовершеннолетних. Новеллы Устава 1864 года предусматривали приглашение переводчиков и толмачей в случаях, когда среди участников процесса были лица (в том числе несовершеннолетние), не владевшие языком уголовного судопроизводства³. Примечательно, что впоследствии, уже после реформ Александра II, перечень сведущих лиц, которые взаимодействовали с несовершеннолетним, был расширен: в него были внесены также врачи, учителя, воспитатели, привлечение которых осуществлялось на основании ходатайства родителей, требования прокуратуры или усмотрения суда. Вместе с тем следователем обязательно должен был быть решен вопрос о «разумении» несовершеннолетнего лица, предполагающий оценку степени его «умственного и нравственного развития, осознания пре-

ступности учиненного им деяния, причин, приведших к совершению преступления, характера и поведения, обстановки, обусловившей “порочное” развитие»⁴. Хотя на данном этапе все еще рано говорить о совмещении одним лицом двух или более процессуальных функций и/или специальных знаний, у несовершеннолетнего лица, ставшего участником уголовного судопроизводства, появилась вероятность столкнуться с вмешательством нескольких сведущих лиц, что можно трактовать как начало будущей научной дискуссии о возможности комплексирования.

Третьим этапом в развитии института специальных знаний в уголовном судопроизводстве с участием несовершеннолетних можно считать привнесение законодателем еще одной новеллы, ставшей значимой предпосылкой комплексирования. В 1910 г. в Петербурге был открыт первый в России специальный суд по делам несовершеннолетних, смоделированный по образцу суда для несовершеннолетних, созданного в Чикаго, а через несколько лет аналогичные суды уже функционировали в Москве, Харькове, Киеве, Одессе, Риге, Томске и Саратове. Судьями выступали лица, имеющие знания в области детской психологии. При этом возможность привлекать сведущих лиц необходимых специализаций – педагогов, переводчиков, врачей и иных – также сохранялась у следователей и судей [4, с. 115]. Таким образом, кроме уже известных правопорядку носителей специальных знаний (сведущих лиц) появились правоприменители-носители специальных знаний, что послужило началом практики комплексирования. Первая половина XX в. также характеризовалась бурным развитием детской психологии

³ Судебные уставы 20 ноября 1864 года: с изложением рассуждений, на коих они основаны : в 4 ч. 2-е изд., доп. СПб. : Тип. 2-го отд-ния Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1867. Ч. 1. URL: <https://www.prilib.ru/item/372592>

⁴ Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3. Т. 17. № 14233. СПб. : Тип. 2-го отд-ния Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1830. URL: <http://elibrary.ru/nodes/178-rossiya-zakony-i-postanovleniya-polnoe-sobranie-zakonov-rossiyskoy-imperii-sobranie-1-e-s-1649-po-12-dekabrya-1825-g-spb-1830>

и педологии – комплексной междисциплинарной науки о ребенке, объединяющей результаты исследования детского развития, полученные представителями различных отраслей знания (антропологами, биологами, педиатрами, психологами, социологами и др.). Педология в силу своего комплексного характера стала ориентировать специалистов на необходимость одновременного учета различных факторов, биологических и социальных, оказывающих влияние на развитие психики несовершеннолетних, их состояние и поведение. Однако после упразднения педологии ЦК ВКП(б) постановил «восстановить полностью в правах» педагогику и педагогов (постановление ЦК ВКП(б) от 4 июля 1936 г. «О педологических извращениях в системе наркомпросов»)⁵.

Следующим существенным изменением, привнесенным законодателем в регулирование института специальных знаний, которое знаменует начало четвертого этапа в его генезисе, является обя́зание следователей и судей привлекать педагогов при несовершеннолетии одного из участников уголовного процесса. Это произошло в 2001 г. в связи с принятием нового Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ). Обязательное привлечение педагога по замыслу законодателя должно было послужить дополнительной процессуальной гарантией и гарантией большей комплексности в применении специальных знаний, поскольку при факультативности привлечения педагога учет особенностей несовершеннолетнего мог остаться только на усмотрении следователя или судьи. В 50-х и в 60-х гг. XX в. юристы начали говорить о необходимости исполь-

зования специальных психологических знаний в уголовном процессе, а в 1977 г. сотрудниками отдела правовой психологии Всесоюзного института по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности при Генеральной прокуратуре СССР была издана монография «Судебно-психологическая экспертиза»⁶. Позднее были заложены основы производства комплексных судебных психолого-психиатрических экспертиз; применительно к несовершеннолетним оценивалась способность обвиняемых с отставанием в психическом развитии, не связанным с психическим расстройством, в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий либо руководить ими, способность правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для дела, и давать о них показания, и др. В 2013 г. в уголовно-процессуальном законодательстве появилась еще одна процессуальная фигура, призванная обеспечить гарантии соблюдения прав несовершеннолетних участников уголовного судопроизводства, – психолог; также были предусмотрены и случаи его обязательного участия⁷. На практике правоприменители стали активно привлекать к участию в производстве следственных действий с несовершеннолетними сведущих лиц с квалификацией «педагог-психолог», название которой, на первый взгляд, может указывать на комплексирование одним лицом специальных знаний в области педагогики и психологии. Однако педагог-психолог – это, с одной стороны, квалификация лица с высшим педагогическим образованием, и, с другой, – штатная должность в образовательном учреждении, предполагающая

⁵ Большая российская энциклопедия : в 35 т. / гл. ред. Ю. С. Осипов. М. : Большая рос. энцикл., 2004–2017. URL: <https://bigenc.ru/philosophy/text/2708853>

⁶ Сафуанов Ф. С. Судебно-психологическая экспертиза : учеб. для акад. бакалавриата. М. : Юрайт, 2017. С. 29.

⁷ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования прав потерпевших в уголовном судопроизводстве : федер. закон от 28 дек. 2013 г. № 432-ФЗ. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

осуществление психолого-педагогического сопровождения образовательного процесса⁸; соответственно, о комплексировании речи не идет. Сложившаяся практика активного привлечения педагогов-психологов может быть обусловлена непониманием правоприменителем разницы между компетенциями педагогов и психологов, являясь «удобным» решением при необходимости обеспечения требований ст.ст. 191 и 425 УПК РФ.

Таким образом, в формировании института специальных знаний в уголовном судопроизводстве с участием несовершеннолетних прослеживается тенденция к постепенному увеличению количества привлекаемых сведущих лиц, чьи специальные знания необходимы для оценки важных для уголовного дела обстоятельств и индивидуальных особенностей несовершеннолетнего. Это свидетельствует о постепенном понимании целесообразности многосторонней оценки состояния и поведения ребенка, вовлеченного в уголовный процесс. Для повышения эргономичности судопроизводства специальные знания стали использоваться в комплексе; были также предприняты первые попытки комплексирования процессуальных функций и специальных знаний, которое наиболее ярко стало проявляться только в последнее десятилетие.

**АКТУАЛЬНЫЕ СИТУАЦИИ
ДЛЯ КОМПЛЕКСИРОВАНИЯ
ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ФУНКЦИЙ
И СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ
В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ**

С УЧАСТИЕМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

В уголовном судопроизводстве нередко возникают ситуации, при которых ком-

плексирование процессуальных функций и/или специальных знаний становится особенно востребованным в силу некоторых значимых для дела обстоятельств и индивидуальных особенностей несовершеннолетнего участника.

Одной из таких ситуаций является инвалидность ребенка. За последние семь лет в России наблюдался ежегодный рост количества несовершеннолетних инвалидов, по состоянию на 1 января 2022 г. их число достигло 728 988⁹. Дети и подростки с указанным статусом в силу своей особенной уязвимости нередко становятся потерпевшими по уголовным делам, и даже изначально здоровый ребенок, ставший жертвой преступления, может впоследствии получить инвалидность, что потребует привлечения сведущих лиц иных квалификаций, нежели традиционные для уголовного процесса с участием несовершеннолетних педагог и психолог. Это также актуально и для несовершеннолетних правонарушителей. В качестве примера можно привести исследование Университета Кливленда, Огайо, США, результаты которого показали, что среди 397 несовершеннолетних правонарушителей, находящихся на испытательном сроке, более 30 % имели инвалидность, более 39 % страдали психическим расстройством, более 30 % страдали от злоупотребления психоактивными веществами, более 55 % стали жертвами жестокого обращения [5, с. 202]. Исходя из этих обстоятельств, закономерно предложить, что работа с несовершеннолетними участниками уголовного судопроизводства требует комплексирования специальных знаний, особенно в области дефектологии, медицины, психологии, социальной работы и др.

⁸ Об утверждении профессионального стандарта «Педагог-психолог (психолог в сфере образования)»: приказ М-ва труда и социал. защиты Рос. Федерации от 24 июля 2015 г. № 514н. Доступ из СПС «Гарант»

⁹ Таблица 8.1 Численность детей-инвалидов в возрасте до 18 лет, получающих социальные пенсии по субъектам Российской Федерации // Федер. служба гос. статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13964>

У несовершеннолетних могут иметься сенсорные нарушения, не попадающие под критерии групп инвалидности, но оказывающие влияние на эффективность их участия в уголовном процессе. Это обуславливает необходимость привлечения сурдо- и тифлопереводчиков. Кроме того, вероятнее всего возникнет (и должна возникнуть) потребность в специальных знаниях лиц, имеющих представление об особенностях психического развития детей с сенсорными нарушениями, врожденными и приобретенными, о наиболее часто встречающихся у них индивидуально-психологических особенностях – сурдопсихолога и тифлопсихолога. Совмещение указанных специальных знаний одним лицом обеспечит аутентичность и продуктивность коммуникации несовершеннолетних участников уголовного судопроизводства, имеющих отсутствие или существенное нарушение зрения/слуха.

Еще одной значимой для комплексирования ситуаций является специфика населения, неоднородного по культурной, религиозной, языковой принадлежности, что обуславливает необходимость привлечения сведущих лиц таких квалификаций, как переводчик, лингвист, религиовед, культуролог. Это особенно актуально для Российской Федерации как многонационального государства. При этом в рамках уголовного судопроизводства важно оценить упомянутые особенности не сами по себе, а то, какое влияние они оказывают на поведение несовершеннолетнего лица. Представляется, что сведущее лицо, имеющее подготовку как в сфере детской психологии, так и в этнопсихологии, психологии религии и других предметных областях способно это осуществить.

РОЛЬ ПСИХОЛОГА ПРИ КОМПЛЕКСИРОВАНИИ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ФУНКЦИЙ И СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

С УЧАСТИЕМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Участие психолога, выступающего в процессуальном статусе «эксперт», в производстве комплексных судебных экспертиз (таких, как психолого-психиатрическая, психолого-лингвистическая) является традиционным и полностью обеспечено научно-методическими разработками. При этом с недавнего времени стало подчеркиваться, что производство судебных психологических экспертных исследований является особо сложным видом профессиональной деятельности, а их результаты имеют высокую значимость для расследования преступлений и рассмотрения уголовных дел судами. По этой причине было принято решение, что психологические экспертизы могут выполняться только государственными судебными экспертами, прошедшими специализированную подготовку и с определенной периодичностью подтверждающими свою компетентность¹⁰. Вместе с тем законом предусматривается, что комплексная экспертиза может выполняться единолично в случаях, если эксперт владеет знаниями в разных областях¹¹. Подобные ситуации представляют собой яркий пример комплексирования специальных знаний. Дополнительно следует отметить, что в отечественной теории судебной экспертизы процесс производства комплексных психолого-психиатрической и психолого-лингвистической экспертиз определяется не как последовательное производство (сначала одна, а потом вторая), а как интеграция, суммарное использование методов двух разных наук, в результате которого получается

¹⁰ Об утверждении перечня видов судебных экспертиз, проводимых исключительно государственными судебно-экспертными организациями : распоряжение Правительства Рос. Федерации от 16 нояб. 2021 г. № 3214-р. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

¹¹ О судебной экспертизе по уголовным делам : постановление Пленума Верхов. Суда Рос. Федерации от 21 дек. 2010 г. № 28 (п. 12). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

не сложение, а совокупность признаков, иными словами, считается комплексированием специальных знаний [6, с. 8].

Роль психолога при производстве следственных действий с участием несовершеннолетнего менее очевидна, чем при производстве экспертизы, и требует детального рассмотрения. Как уже было отмечено, в настоящее время следователи по-прежнему чаще привлекают для участия в следственных действиях педагогов или педагогов-психологов. Однако все чаще авторы стали говорить о том, что специальные знания психолога являются более подходящими для реализации как задачи по защите прав несовершеннолетних, так и остальных задач следственных действий, чем специальные знания педагога [7, с. 168; 8, с. 125]. В целях получения значимых данных о проблемах, возникающих при привлечении разных сведущих лиц в досудебном производстве по уголовным делам с участием несовершеннолетних, автором данной статьи на базе Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации под руководством кандидата юридических наук, доцента Е. В. Елагиной было проведено эмпирическое исследование (анкетирование 161 следователя и 116 прокуроров). Было выявлено, что работники следственных органов и прокуратуры отмечают ведущую роль психолога при производстве следственных действий с детьми и подростками, при этом репрезентативность полученных данных была обеспечена широкой географической принадлежностью 277 респондентов. Е. В. Елагина справедливо отмечает, что «именно психолог может способствовать побуждению допрашиваемого к даче правдивых и достоверных показаний. Немаловажна помощь психолога в предотвращении агрессивности несовершеннолетнего, нервозности, чувства стыдливости, настороженности,

замкнутости. Нельзя переоценить значение участия именно психолога в допросе несовершеннолетнего, пострадавшего от сексуального насилия, которое всегда носит психотравмирующий характер» [7, с. 167].

Специальные знания психолога имеют большое значение в разных ситуациях уголовного судопроизводства. В силу наличия большого количества разных предметных областей науки психологии (детская, этническая, медицинская, юридическая и др.), сведущее в ней лицо может способствовать максимальной эффективности реализации следственного действия с несовершеннолетним лицом. В частности, в США и других странах мира допрос ребенка проводится психологом с использованием протоколов “NICHHD” и “RADAR”, в соответствии с которыми беседа включает в себя важные этапы (установление контакта, проработка сопротивления и пр.) и ориентирована на возраст несовершеннолетнего (дошкольный, младший школьный, подростковый)¹². Влияние различных значимых индивидуальных особенностей (культурных, языковых, обусловленных физическими нарушениями и др.) несовершеннолетнего лица на его сознание и поведение также способно оценить исключительно сведущее в психологии лицо, что обуславливает неизбежность его привлечения к производству следственного действия с несовершеннолетним. При этом возможны ситуации комплексирования. В частности, сам правоприменитель, имеющий психологическое образование, может применять полученные знания при реализации, например, допроса или очной ставки. Кроме того, может быть привлечено сведущее одновременно в психологии и других науках (например, дефектологии, социологии, культурологии, религиоведении) лицо, а также переводчик с высшим психологическим образованием.

¹² NICHHD Protocol. International Evidence-Based Investigative Interviewing of Children. URL: <http://nichhd-protocol.com/>

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Комплексирование процессуальных функций и специальных знаний можно назвать тем путем, по которому идет генезис института специальных знаний в уголовном судопроизводстве с участием несовершеннолетних: от ситуативного привлечения немногочисленных сведущих лиц через применение специальных знаний самими правоприменителями с факультативным привлечением сведущих лиц к настоящему моменту законодатель пришел к сформировавшейся практике производства комплексных экспертиз (в которых комиссионность – необязательное свойство) и активного привлечения разных сведущих лиц для участия в производстве следственных действий, особенно педагога и психолога.

Нельзя обойти вниманием тот факт, что процессуальный статус педагога и психолога как ведущих для уголовного судопроизводства с участием несовершеннолетних сведущих лиц законодателем по-прежнему четко не определен [7, с. 164]. При этом важно отметить, что функции педагога, отраженные в дефиниции п. 62 ст. 5 УПК РФ, полностью корреспондируют Федеральному закону от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»¹³ и не отвечают целям привлечения данного участника в соответствии со ст.ст. 191 и 425 УПК РФ. Данное обстоятельство обуславливает необходимость исключения педагога из указанных статей УПК РФ, а также исключения п. 62 из ст. 5 УПК РФ и замену педагога психологом в ст. 280 УПК РФ, поскольку знание особенностей психологии несовершеннолетних относится к компетенции психолога.

Поскольку оптимальные для несовершеннолетнего участника условия расследования обеспечиваются диффе-

ренцированно, исходя из его процессуального статуса, индивидуально-психологических особенностей, сложившейся следственной ситуации и ряда иных значимых факторов, представляется допустимым констатировать, что и дальнейшее развитие института специальных знаний в уголовном процессе с участием несовершеннолетних должно следовать тенденции комплексирования, которое позволяет достичь наиболее продуктивного взаимодействия всех участников, а также снизить существенную нагрузку и возможное психотравмирующее воздействие уголовного судопроизводства на несовершеннолетних. Последнее наиболее актуально для потерпевших детей и свидетелей, но в ряде случаев важно и для несовершеннолетних подозреваемых/обвиняемых.

При комплексировании первое место должно отводиться специальным психологическим знаниям, поскольку эффективность коммуникации всех участников, негативное психологическое воздействие на несовершеннолетних при производстве следственных действий, их эмоциональные и поведенческие реакции – это предмет психологии, следовательно, компетентен оценивать указанные явления именно психолог. В качестве оптимального способа комплексирования можно выделить совмещение нескольких компетенций одним процессуальным участником, что свойственно зарубежным правовым порядкам. Это осуществимо путем применения специальных знаний правоприменителем или совмещения одним сведущим лицом двух и более функций. Согласно опыту зарубежных стран подобное комплексирование сокращает количество контактирующих с несовершеннолетним лиц и тем самым снижает психологическую нагрузку на него¹⁴.

¹³ *Рос. газ.* 2012. 31 дек.

¹⁴ *Guidelines of the Committee of Ministers of the Council of Europe on child-friendly justice : monograph // Council of Europe. 2011. URL: <https://rm.coe.int/16804b2cf3>*

Список литературы

1. Майлис Н. П., Орлова В. Ф. Еще раз о комплексной экспертизе и путях ее развития // Теория и практика судебной экспертизы. 2014. № 1 (33). С. 138–147.
2. Balogh K., Salaets H. *Children and Justice: Overcoming Language Barriers. Cooperation in Interpreter-mediated Questioning of Minors*. Cambridge ; Antwerp ; Portland : Intersentia, 2015. 424 p. URL: https://www.arts.kuleuven.be/tolkwetenschap/projecten/co_minor_in_quest/children-and-justice-1 (дата обращения: 20.04.2022).
3. Светличный А. А. Зарождение и развитие института специальных знаний в уголовном судопроизводстве в дореволюционной России // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 2 (51). С. 137–144.
4. Сулейманова С. Т. Ювенальная юстиция в эпоху постмодернизма // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2007. № 4. С. 114–120.
5. Mallett C. A. Disparate Juvenile Court Outcomes for Disabled Delinquent Youth: A Social Work Call to Action // *Child & Adolescent Social Work Journal*. 2009. Vol. 26, iss. 3. P. 197–207. DOI: <http://dx.doi.org/10.1007/s10560-009-0168-y>
6. Смирнова С. А., Секераж Т. Н., Кузнецов В. О. Междисциплинарные исследования в судебно-экспертных учреждениях Минюста России: актуальные направления лингвистической и психологической экспертизы // Теория и практика судебной экспертизы. 2017. Т. 12, № 4. С. 6–11. DOI: <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2017-12-4-106-109>
7. Елагина Е. В. Участие педагога в допросе несовершеннолетнего свидетеля или потерпевшего (ст.ст. 191, 280 УПК РФ), подозреваемого или обвиняемого (ч. 3 ст. 425 УПК РФ) // Актуальные вопросы прокурорской деятельности / Н. А. Васильчикова [и др.]; под ред. Г. В. Штадлера. СПб. : С.-Петерб. юрид. ин-т (филиал) Ун-та прокуратуры Рос. Федерации. 2018. Вып. 7. С. 159–169.
8. Машинская Н. В. Проблемы обеспечения эффективного участия педагога и психолога в досудебном производстве по уголовным делам несовершеннолетних // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. 2015. № 2. С. 123–130.

References

1. Mylis N. P., Orlova V. F. Revisiting Integrated Approaches to Forensic Investigation and Their Anticipated Development. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2014;1:138-147. (In Russ.).
2. Balogh K., Salaets H. *Children and Justice: Overcoming Language Barriers. Cooperation in Interpreter-mediated Questioning of Minors*. Cambridge – Antwerp – Portland: Intersentia; 2015. 424 p. URL: https://www.arts.kuleuven.be/tolkwetenschap/projecten/co_minor_in_quest/children-and-justice-1 (accessed: 20.04.2022).
3. Svetlichnyi A. A. Formation and Development of the Institution of Special Knowledge in the Pre-Revolution Russia. *Actual Problems of Russian Law*. 2015;2:137-144. (In Russ.).
4. Suleimanova S. T. Juvenile Justice in the Era of Postmodernism. *University Proceedings. Volga Region. Social Sciences*. 2007;4:114-120. (In Russ.).
5. Mallett C. A. Disparate Juvenile Court Outcomes for Disabled Delinquent Youth: A Social Work Call to Action. *Child & Adolescent Social Work Journal*. 2009;26(3):197-207. DOI: <http://dx.doi.org/10.1007/s10560-009-0168-y>
6. Smirnova S. A., Sekerazh T. N., Kuznetsov V. O. Interdisciplinary Evaluations Performed by Forensic Science Organizations of the Russian Ministry of Justice: Current Trends in Forensic Linguistics and Forensic Psychology. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2017;12(4):6-11. DOI: <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2017-12-4-106-109> (In Russ.).
7. Elagina E. V. Participation of a Teacher in the Interrogation of a Minor – Witness or Victim (Articles 191, 280 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation), Suspect or Accused (Part 3 of Article 425 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation). In: Vasil'chikova N. A., Shtadler G. V. (Ed.). *Topical Issues of Prosecutorial Activity. Iss. 7*. St. Petersburg: St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation Publ.; 2018. P. 159–169. (In Russ.).
8. Mashinskaya N. V. Ensuring Active Involvement of Teachers and Psychologists in Pretrial Juvenile Criminal Proceedings. *Vestnik of Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanitarian and Social Sciences*. 2015;2:123-130. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Анна Сергеевна Медведева, старший государственный судебный эксперт Северо-Западного регионального центра судебной экспертизы Министерства

ABOUT THE AUTHOR

Anna S. Medvedeva, Senior Forensic Expert of the North-Western Regional Center of Forensic Expertise of the Ministry of Justice of the Russian Federation

юстиции Российской Федерации (ул. Некрасова, 8–10, Санкт-Петербург, 191014, Российская Федерация); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0921-588X>; e-mail: 98765_89@mail.ru

(8–10 Nekrasova st., St. Petersburg, 191014, Russian Federation); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0921-588X>; e-mail: 98765_89@mail.ru

Поступила | Received
04.05.2022

Поступила после рецензирования
и доработки | Revised
05.06.2022

Принята к публикации | Accepted
10.06.2022

КРИМИНАЛИСТИКА, СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Criminalistics, Forensic Activity, Operational And Investigative Activities

УДК 343.132.1

DOI: 10.19073/2658-7602-2022-19-2-176-184

EDN: GDBIUU

Оригинальная научная статья

Вопросы теории и практики следственного эксперимента

О. В. Чельшева

Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия,
Санкт-Петербург, Российская Федерация;

Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Российская Федерация

✉ chelysheva2007@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена всестороннему исследованию следственного эксперимента как одного из видов процессуальных действий, производимых в рамках уголовного судопроизводства. Во введении рассмотрен генезис теоретических основ следственного эксперимента, обозначена актуальность темы статьи в современной обстановке. Выявлены проблемы, связанные с пониманием следственного метода исследования, который лежит в основе следственного эксперимента как следственного действия, отмечена спорность отдельных суждений, высказываемых в криминалистической литературе. Автором опровергается попытка определить сущность следственного эксперимента через понятия «воспроизведение». В связи с этим подвергнут критике законодательный подход к определению следственного эксперимента, который не дает возможности отграничить его от иных следственных действий, связанных с воспроизведением действий, событий, реконструкцией обстановки и тому подобное. Особенно важным представляется отграничение следственного эксперимента от проверки показаний на месте. Обоснована необходимость формулирования определения понятия следственного эксперимента через понятие «опыт». Кроме того, рассмотрены вопросы классификации следственных экспериментов, в основу которой положено их целевое назначение. Обосновано теоретическое и практическое значение предлагаемой классификации. Описаны особенности тактики производства следственного эксперимента в зависимости от отнесения такового к той или иной группе. В частности, отражены особенности использования «реквизита», необходимого в процессе опытов, определения состава участников следственного действия, воссоздания условий реального события. Кроме того, затронуты вопросы использования результатов следственного эксперимента в доказывании по уголовным делам, в связи с чем подняты вопросы об особенностях оценки результатов рассматриваемого следственного действия. Таким образом, в рамках статьи исследована гносеологическая сущность следственного эксперимента, сформулировано определение понятия данного следственного действия, представлены виды следственных экспериментов и раскрыто их содержание. Обоснованы основные тактические рекомендации по производству отдельных видов следственных экспериментов.

Ключевые слова: следственный эксперимент; метод эксперимента; следственные действия; тактические приемы; расследование преступлений.

© Чельшева О. В., 2022

Для цитирования: Чельшева О. В. Вопросы теории и практики следственного эксперимента // Сибирское юридическое обозрение. 2022. Т. 19, № 2. С. 176–184. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2022-19-2-176-184>. EDN: <https://elibrary.ru/gdbiiu>

Original scientific article

Problems of Theory and Practice of Investigative Experiment

O. V. Chelysheva

North-Western Branch of the Russian State University of Justice, Saint Petersburg, Russian Federation;
Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia, Saint Petersburg, Russian Federation
✉ chelysheva2007@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to a comprehensive study of the investigative experiment as one of the types of procedural actions performed within the framework of criminal proceedings. In the introduction, the genesis of the theoretical foundations of the investigative experiment is considered, the relevance of the topic of the article in the modern setting is indicated. The Author identified problems associated with understanding the investigative method of research, which underlies the investigative experiment as an investigative action, noted the controversy of individual judgments expressed in forensic literature. The Author refutes an attempt to define the essence of the investigative experiment through the concept of “reproduction”. In this regard, the legislative approach to the definition of an investigative experiment has been criticized, which does not make it possible to distinguish an investigative experiment from other investigative actions related to the reproduction of actions, events, reconstruction of the situation, etc. Particularly important is the delimitation of the investigative experiment from the verification of testimony on the spot. The necessity of formulating the definition of the concept of an investigative experiment through the concept of “experience” is substantiated. In addition, the issues of classification of investigative experiments, which are based on the intended purpose of the investigative action, are considered. The theoretical and practical significance of the proposed classification is substantiated. The Author of the article describes the features of the tactics of conducting an investigative experiment, depending on its assignment to a particular group. In particular, the features of the use of “props” used in the process of experiments, determining the composition of the participants in the investigative action, the need to recreate the conditions of a real event are reflected. In addition, the issues of using the results of an investigative experiment in proving in criminal cases are raised, in connection with which questions are raised about the features of evaluating the results of the investigative action in question. Thus, within the framework of the article, the epistemological essence of the investigative experiment is investigated, the definition of the concept of this investigative action is formulated, the types of investigative experiments are presented and their content is disclosed. The main tactical recommendations for the production of certain types of investigative experiments are substantiated.

Keywords: investigative experiment; experimental method; investigative actions; tactical techniques; investigation of crimes.

For citation: Chelysheva O. V. Problems of Theory and Practice of Investigative Experiment. *Siberian Law Review*. 2022;19(2):176-184. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2022-19-2-176-184>. EDN: <https://elibrary.ru/gdbiiu> (In Russ.).

ВВЕДЕНИЕ

Возможность производства следственного эксперимента в процессе расследования преступлений предусмотрена ст. 181 Уголовно-процессуального кодекса Рос-

сийской Федерации (далее – УПК РФ), в соответствии с которой «в целях проверки и уточнения данных, имеющих значение для уголовного дела, следователь вправе произвести следственный

© Chelysheva O. V., 2022

эксперимент путем воспроизведения действий, а также обстановки или иных обстоятельств определенного события».

Попытки осознать гносеологическую сущность данного следственного действия, выработать наиболее эффективные приемы его производства имеют длительную историю. Первые фундаментальные научные исследования, посвященные следственному эксперименту, появились в 50–60-х гг. XX в. В числе ученых, занимавшихся указанной темой, такие выдающиеся криминалисты, как Л. Е. Ароцкер¹, Р. С. Белкин², Н. И. Гуковская³. В дальнейшем научный анализ следственного эксперимента был продолжен Б. С. Альхамду⁴, А. П. Глазыриным, Ф. В. Кругликовым⁵, А. Б. Манчу⁶, С. Б. Россинским [1], А. С. Рубананом⁷ и др. Все перечисленные ученые заложили основы теории и практики следственного эксперимента. Благодаря им были развиты научные положения о сущности данного следственного действия, его месте в системе процессуальных способов получения доказательств по уголовным делам, систематизации видов следственного эксперимента, тактических приемах, обеспечивающих достоверность его результатов.

Несмотря на большое значение указанных исследований и видимую очевидность изложенных в них положений, сущность и содержание рассматриваемого следственного действия до настоящего времени вызывают немало вопросов. Они связаны, в частности, с определением понятия и сущности следственного экс-

перимента, его отграничением от иных следственных действий, возможностью применения ряда тактических приемов, обеспечивающих достоверность получаемых результатов, а также их оценкой.

Понятие и сущность следственного эксперимента как следственного действия и метода познания события преступления

На наш взгляд, проблема понимания сущности следственного эксперимента во многом обусловлена не вполне корректным описанием данного следственного действия в УПК РФ, в соответствии с которым оно проводится путем воспроизведения действий, а также обстановки или иных обстоятельств определенного события. Представляется, что термин «воспроизведение» не дает полного представления о истинной сущности и содержании действий следователя при производстве следственного эксперимента. Отметим, что только в рассматриваемом случае законодатель использует в названии процессуального действия термин, обозначающий метод научного познания. Этого нельзя не учитывать при определении сущности следственного эксперимента.

Эксперимент как метод научного познания условно связан с воспроизведением, однако таковое относится в первую очередь к условиям, в которых протекает деятельность субъекта познания. Воспроизведенные условия также являются контролируруемыми и при необходимости

¹ Ароцкер Л. Е. Следственный эксперимент в советской криминалистике : дис. ... канд. юрид. наук. Харьков, 1951. 300 с.

² Белкин Р. С. Экспериментальный метод исследования в советском уголовном процессе и криминалистике : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1961. 40 с.

³ Гуковская Н. И. Теория и практика проведения следственного эксперимента на предварительном следствии : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1958. 268 с.

⁴ Альхамду Б. С. Психологические основы и тактика следственного эксперимента : дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 1992. 174 с.

⁵ Глазырин Ф. В., Кругликов А. П. Следственный эксперимент : учеб. пособие. Волгоград, 1981. 70 с.

⁶ Манчу А. Б. Следственный эксперимент: теория и практика : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1966. 266 с.

⁷ Рубан А. С. Следственный эксперимент: теория и практика : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. 291 с.

изменяемыми. Действия же участвовавших в преступлении лиц также могут воспроизводиться в ходе следственного эксперимента, однако, это обстоятельство не является определяющим в установлении сущности рассматриваемого следственного действия. Воспроизведение действий может иметь место и в других следственных действиях, например, в процессе производства проверки показаний на месте. Однако в указанном следственном действии воспроизводимые действия носят демонстрационный характер, в то время как в следственном эксперименте – опытный. Согласно методологии научного исследования, эксперимент и представляет собой «разновидность опыта, имеющего целенаправленно познавательный, методический характер»⁸. Эксперимент относится к эмпирическим методам познания, именно вследствие того, что под опытом понимается знание, полученное человеком в процессе непосредственного контакта с исследуемым объектом.

Эксперимент также тесно связан с методом наблюдения, однако, в отличие от последнего, предполагает активное воздействие на исследуемый объект. «Сущность экспериментального метода состоит в таком исследовании объекта, когда исследователь активно влияет на него путем создания искусственных условий, необходимых для выявления соответствующих свойств или же путем изменения процесса в заданном направлении» [2, с. 119].

Таким образом, эксперимент – это научно поставленный опыт, наблюдение исследуемого объекта в учитываемых условиях, которые позволяют следить за ходом явления и воспроизводить его многократно при повторении этих условий. О по-

становке опытов в ходе следственного эксперимента говорилось и в уголовно-процессуальном кодексе РСФСР, действовавшем до 2001 г. На наш взгляд, такой подход был более удачным, чем используемый в ст. 183 УПК РФ. Это подтверждается и высказываниями ряда известных ученых-криминалистов по этому поводу.

Так, по мнению Р. С. Белкина и А. Р. Белкина, «нельзя сводить содержание следственного эксперимента к понятию “воспроизведение”, даже если употреблять этот термин в условном смысле. И уже совершенно неверным... будет ограничение следственного эксперимента *воспроизведением только обстановки* события. При таком конструировании определения следственного эксперимента из него выхолащивается главное – производство опытов, испытаний, т. е. экспериментальный метод установления фактов»⁹.

Указанные авторы также указывают, что «вообще сам термин “воспроизведение” можно понимать лишь в условном смысле. Воспроизвести или воссоздать тот или иной факт, обстоятельство – это значит вновь получить *тот же самый* факт, вызвать к жизни вновь то же самое явление. Но нет и не может быть двух тождественных явлений, обстоятельств, фактов»¹⁰. С данным утверждением, на наш взгляд, следует согласиться. Действительно, при производстве следственного эксперимента можно лишь совершить сходные действия, создать подобные условия, но не те же самые, которые существовали при обстоятельствах, связанных с преступлением.

Акцент на необходимости определения понятия следственного эксперимента через понятие опытов делается и другими учеными [3, с. 245].

⁸ Берзин В. Ф. Эксперимент при проведении криминалистических экспертиз : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Киев, 1963. 15 с.

⁹ Белкин Р. С., Белкин А. Р. Эксперимент в уголовном судопроизводстве : метод. пособие. М. : ИНФРА-М : Норма, 1997. С. 8.

¹⁰ Там же. С. 9.

Исследуемым объектом при следственном эксперименте являются процессы и явления, связанные с совершением расследуемого преступления. Исходя из этого, можно констатировать, что сущность следственного эксперимента состоит в постановке опытов, заключающихся в наблюдении за ходом явления, имитирующего обстоятельства расследуемого преступления в воссозданных, учитываемых и контролируемых условиях, предусматривающих возможность многократного повторения. Сказанное не означает, что поставленные опыты всегда подлежат многократному повторению в ходе следственного эксперимента, однако такая возможность имеется. Необходимость же ее реализации определяется конкретной следственной ситуацией, особенностями задач, стоящих перед следствием.

Так, в практике автора статьи проводился следственный эксперимент, целью которого была проверка возможности подозреваемого проникнуть в помещение через окно, не задев стоящие на нем горшки с цветами. Уже первая попытка подозреваемого выполнить данные действия оказалась успешной, в результате чего повторения опыта не потребовалось.

Следственный эксперимент не относится к первоначальным следственным действиям. Он проводится на том этапе предварительного расследования, когда уже имеется информация об определенных обстоятельствах совершенного преступления. При этом цель следственного эксперимента всегда заключается в проверке предположений о данных обстоятельствах (гипотез).

Виды следственных экспериментов

УПК РФ определяет не только цель и сущность следственного эксперимента, но и его виды. Согласно ст. 181 УПК РФ путем производства рассматриваемого

следственного действия «проверяется возможность восприятия каких-либо фактов, совершения определенных действий, наступления какого-либо события, а также выявляются последовательность происшедшего события и механизм образования следов». Представляется, что ныне действующий УПК в целом корректно определяет виды следственного эксперимента в зависимости от особенностей решаемых задач. Аналогичным образом решался вопрос о видах следственных экспериментов и в работах многих криминалистов, изданных еще до принятия УПК РФ.

Например, в учебном пособии Р. С. Белкина и А. Р. Белкина классификация следственных экспериментов представлена следующим образом: «а) следственный эксперимент по установлению возможности восприятия какого-либо факта, явления; б) следственный эксперимент по установлению возможности совершения какого-либо действия; в) следственный эксперимент по установлению возможности существования какого-либо явления; г) следственный эксперимент по установлению отдельных деталей механизма события; д) следственный эксперимент по установлению процесса образования следов события, обнаруженных в ходе расследования»¹¹.

Представляется, что, несмотря на попытки некоторых авторов выделить большее количество видов следственных экспериментов, разработать классификацию, которая была бы полностью исчерпывающей невозможно. При внимательном рассмотрении становится ясным, что виды экспериментов, выделяемые сверх того, что указано в УПК РФ, на деле оказываются лишь разновидностями выше перечисленных видов. Так, следственный эксперимент, проводимый в целях установления времени, которое необходимо затратить на совершение тех или иных действий,

¹¹ Белкин Р. С., Белкин А. Р. Указ. соч. С. 15.

на наш взгляд, является разновидностью эксперимента по установлению возможности совершения каких-либо действий в определенных условиях.

ОСОБЕННОСТИ ТАКТИКИ ПРОИЗВОДСТВА СЛЕДСТВЕННЫХ ЭКСПЕРИМЕНТОВ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ВИДА И ОЦЕНКА ИХ РЕЗУЛЬТАТОВ

В криминалистической литературе¹² высказывается мнение, что все виды следственных экспериментов можно разделить на две группы:

1) эксперименты, состоящие в воспроизведении чьих-либо действий. К ним относятся эксперименты, проводимые в целях установления возможности восприятия каких-либо событий в определенных условиях и возможности совершения каких-либо действий в определенных условиях;

2) эксперименты, состоящие в реконструкции каких-либо событий. К ним относятся эксперименты, проводимые для установления возможности существования какого-либо явления (события), установления деталей механизма какого-либо события, установления процесса образования следов, обнаруженных в ходе события.

Представляется, что такое подразделение является корректным и имеет большое теоретическое и практическое значение.

Так, при производстве экспериментов первой группы, заключающихся в воспроизведении чьих-либо действий, в число участников эксперимента включаются лица, выполняющие действия, аналогичные тем, которые выполнялись в процессе совершения преступления. Это обстоятельство обуславливает необходимость решения вопроса о том, кто именно будет привлечен в качестве участника следственного эксперимента. От правильного

решения зависит достоверность результатов всего следственного действия.

В связи с этим рассмотрим два варианта экспериментов, относящихся к первой группе. Первый вариант – это эксперименты, результат которых зависит от физических или психических свойств человека, выполняющего опытные действия, его профессиональных или иных умений и навыков. Такая ситуация имеет место в случаях, когда опытным путем проверяется возможность конкретного человека увидеть и различить объект в определенных условиях (с определенного расстояния, в условиях низкой освещенности и т. п.). Примером такого эксперимента может служить проверка способности конкретного лица выполнить действия, требующие определенной физической подготовки (проникнуть в помещение через форточку, перелезть через забор и т. п.). В этих и подобных случаях опытные действия во время эксперимента должны выполняться теми лицами, которые участвовали в реальных событиях, имевших отношение к преступлению (потерпевшими, обвиняемыми, свидетелями).

Второй вариант – это эксперименты, в которых такая зависимость отсутствует. В данных случаях устанавливается принципиальная возможность что-либо воспринимать (видеть или слышать) либо совершать какие-либо действия в определенных условиях.

Примерами такого эксперимента могут служить случаи проверки возможности выноса каких-либо предметов через определенные отверстия, видимости какого-либо объекта с определенного места с учетом имеющихся препятствий и т. п. В этих случаях опытные действия могут выполняться любыми лицами, т. е. реальные участники событий могут быть заменены статистами.

¹² Ляхов Ю. А., Луценко О. А., Чупилкин Ю. Б. Следственный эксперимент в уголовном судопроизводстве : учеб. пособие. Ростов н/Д : Изд-во СКАГС, 2006. 88 с.

Вторая группа следственных экспериментов, состоящих в реконструкции событий, не требует решения сложных вопросов о составе участников, поскольку проверка не касается возможностей людей. Однако возникают проблемы с подбором объектов, используемых в реконструкции.

Так, основные практические проблемы в указанных случаях связаны с решением вопроса о том, следует ли использовать в процессе реконструкции именно те объекты, которые применялись в процессе совершения преступления. Чаще всего данные объекты заменяются макетами, муляжами, аналогами, манекенами. Это связано с тем, что недопустимо использовать в опытах вещественные доказательства, являющиеся объектами – следоносителями, объекты, которые могут представлять опасность для участников эксперимента, или иных лиц. Манекенами заменяются трупы, а в некоторых случаях и живые лица. В каждом конкретном случае следователь должен учесть все обстоятельства дела и решить возникшие задачи, касающиеся свойств используемых объектов. При подготовке «реквизита» необходимо иметь в виду, что данные объекты должны обладать теми свойствами реальных объектов, которые могут повлиять на результат опытов (масса, объем, форма, размер и т. п.).

Еще один вопрос связан с выбором условий: места, времени и обстановки следственного действия. Необходимость в решении данного вопроса возникает при производстве обеих групп следственных экспериментов. Подход к его решению такой же, как и при подборе «реквизита», т. е. воспроизведению подлежат те условия, которые могут оказать влияние на результат опытов. Причем в определенных случаях, чтобы добиться сходства нужных условий, приходится изменить другие.

Так, для организации следственного эксперимента по установлению возмож-

ности видеть одним из важнейших условий, подлежащих воспроизведению, является уровень освещенности. В то же время, если преступление было совершено на открытой местности, уровень освещения зависит, в том числе, от астрономических параметров (времени восхода и захода солнца), которые, в свою очередь, связаны с временем года и конкретной датой. Однако следственный эксперимент часто проводится через длительный промежуток со времени реальных событий. В связи с этим требуется изменение времени проведения следственного эксперимента таким образом, чтобы оно совпало по уровню освещенности.

Для использования данных следственного эксперимента в доказывании важно не только получить достоверные результаты опытов, но и правильно их оценить, определив место в системе доказательств, собранных по делу. В целом оценка результатов следственного эксперимента осуществляется по тем же критериям, что и другие доказательства. Оценка производится на предмет относимости, допустимости и достоверности.

Специфика усматривается в способности результатов рассматриваемого следственного действия устанавливать обстоятельства преступления, имеющие значение для дела. По своему содержанию результат проведенных опытов может быть положительным, или отрицательным. Способность указанных результатов в плане возможности доказывания искомых фактов принципиально разная. Складывается парадоксальная, на первый взгляд, ситуация, заключающаяся в том, что отрицательный результат имеет большее доказательственное значение, чем положительный, поскольку достоверно доказывает отсутствие искомого факта. Например, если в ходе следственного эксперимента была установлена невозможность лица видеть событие преступления в определенных условиях, это означает,

что данное лицо его не видело. Если же в ходе эксперимента установлена возможность видеть определенные объекты, т. е. результат является положительным, то это не доказывает, что лицо действительно видело данные объекты. Искомый факт остается лишь предположением и должен устанавливаться другими способами.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Заканчивая рассмотрение вопросов, поставленных в настоящей статье, считаем возможным сделать следующие выводы.

Следственный эксперимент является важным следственным действием, сущность которого состоит в постановке опытов, заключающихся в наблюдении за ходом явления, имитирующего обстоятельства расследуемого преступления в воссозданных, учитываемых и контро-

лируемых условиях, предусматривающих возможность многократного повторения.

Представляется правильным объединение всех видов следственных экспериментов в две группы: 1) воспроизведение чьих-то действий; 2) реконструкция каких-то событий. В соответствии с данными группами определяются особенности тактических задач и решений, принимаемых следователем при организации следственного эксперимента.

Виды результатов следственного эксперимента целесообразно определять по их содержанию как положительные и отрицательные, что позволяет корректно установить их значение для установления обстоятельств, имеющих значение для дела. При этом положительный результат лишь предположительно свидетельствует о существовании искомого обстоятельства.

Список литературы

1. Россинский С. Б. Следственные действия : моногр. М. : Норма, 2018. 240 с.
2. Чернецкий О. К. Следственный эксперимент как форма применения экспериментального метода в уголовном процессе // Ученые записки крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Юридические науки. 2015. Т. 1 (67), № 2. С. 118–122.
3. Егорова Е. В. О понятии и сущности следственного эксперимента // Вестник экономической безопасности. 2017. № 2. С. 244–250.

References

1. Rossinskii S. B. *Investigative Actions*. Moscow: Norma Publ.; 2018. 240 p. (In Russ.).
2. Chernetskii O. Investigatory Experiment as a Form of Application of the Experimental Method in the Criminal Proceedings. *Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical Science*. 2015;1(2):118-122. (In Russ.).
3. Egorova E. V. On the Meaning and Essence of the Investigative Experiment. *Vestnik Ekonomicheskoi Bezopasnosti*. 2017;2:244-250. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ольга Владиславовна Челышева, профессор кафедры уголовно-процессуального права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия (Александровский парк, 5, Санкт-Петербург, 197046, Российская Федерация), профессор кафедры криминалистики Санкт-Петербургского университета МВД России (ул. Летчика Пилутова, 1, Санкт-Петербург, 198206,

ABOUT THE AUTHOR

Olga V. Chelysheva, Professor of the Department of Criminal Procedure Law at the North-Western Branch of the Russian State University of Justice (5 Aleksandrovsky park, St. Petersburg, 197046, Russian Federation), Professor of the Department of Criminalistics at the Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia (1 Pilot Pilyutov, St. Petersburg, 198206, Russian Federation), Doctor of Legal Sciences,

Российская Федерация), доктор юридических наук, профессор; ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7373-7933>; e-mail: chelysheva2007@yandex.ru

Professor; ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7373-7933>; e-mail: chelysheva2007@yandex.ru

Поступила | Received
28.04.2022

Поступила после рецензирования
и доработки | Revised
14.06.2022

Принята к публикации | Accepted
20.06.2022

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО, АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС Administrative Law, Administrative Process

УДК 342:614

DOI: 10.19073/2658-7602-2022-19-2-185-198

EDN: GQCWYW

Оригинальная научная статья

Государственное управление в сфере охраны здоровья населения в новой парадигме публичной власти: проблемы соотношения конституционно-правового и административно-правового регулирования

Е. В. Епифанова

Кубанский государственный университет, Краснодар, Российская Федерация

✉ epifanova_elen@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию проблем соотношения конституционно-правового и административно-правового регулирования государственного управления в сфере охраны здоровья населения в системе социального управления. Цель статьи – выявить соотношение предмета регулирования конституционного и административного права в сфере государственного управления в части охраны здоровья в системе социального управления, обозначить его отличительные черты. Поставленная цель была достигнута при помощи общенаучных методов (анализ, синтез, диалектический, историко-правовой метод) и формально-юридического метода. Государственное управление осуществляется постоянно, вне зависимости от наличия или отсутствия у конкретного государства конституции, иных конституционных актов и даже при отсутствии конституционных идей, как это было в России вплоть до XIX в. Концепция административно-правового регулирования публичного управления в сфере охраны здоровья населения в современных условиях базируется на конституционных нормах о праве граждан на охрану здоровья и медицинскую помощь (ст. 41 Конституции РФ), а также на нормах об организации публичной власти в Российской Федерации. Анализируя юридическую литературу, действующее законодательство, автор пришел к выводу, что для анализа соотношения концепций конституционно-правового и административно-правового регулирования в сфере охраны здоровья непреходящее значение имеют положения ст.ст. 71 и 72 Конституции РФ. В частности, закрепляя за федеральным центром организацию публичной власти, Конституция РФ тем самым предопределяет принципы организации системы государственного управления в сфере охраны здоровья. Кроме того, ст. 71 Конституции РФ оставляет в ведении федеральных органов установление единых правовых основ системы здравоохранения, что трансформируется в законодательном и подзаконном регулировании, в том числе вопросов управления системой здравоохранения. Административному праву в силу широких возможностей оперативного подзаконного регулирования свойственен учет в отраслевых нормах новейших достижений естественных и гуманитарных наук порой быстрее, чем это делает законодатель.

Ключевые слова: государственное управление; конституционно-правовое регулирование; административно-правовое регулирование; публичная власть; административно-правовое регулирование в сфере охраны здоровья.

© Епифанова Е. В., 2022

Для цитирования: Епифанова Е. В. Государственное управление в сфере охраны здоровья населения в новой парадигме публичной власти: проблемы соотношения конституционно-правового и административно-правового регулирования // Сибирское юридическое обозрение. 2022. Т. 19, № 2. С. 185–198. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2022-19-2-185-198>. EDN: <https://elibrary.ru/gqcwyw>

Original scientific article

Public Administration in the Field of Public Health Protection in the New Paradigm of Public Authority: Problems of Correlation Between Constitutional and Administrative Law Regulation

E. V. Epifanova

Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation

✉ epifanova_elen@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the study of the problems of correlation between the constitutional-legal and administrative-legal regulation of public administration in the field of public health protection in the system of social administration. The purpose of the article is to identify the relationship between the subject of regulation of constitutional and administrative law in the field of public administration in terms of health protection in the system of social administration, to identify its distinctive features. The goal was achieved with the help of general scientific methods (analysis, synthesis, dialectical, historical and legal method) and the formal legal method. State administration is carried out constantly, regardless of the presence or absence of a constitution in a particular state, other constitutional acts, and even in the absence of constitutional ideas, as was the case in Russia until the 19th century. The concept of administrative and legal regulation of public administration in the field of public health in modern conditions is based on constitutional norms on the right of citizens to health protection and medical care (Article 41 of the current Constitution of the Russian Federation), as well as on the norms on the organization of public power in the Russian Federation. Analyzing the content of the legal literature, the current legislation, the Author came to the conclusion that for the analysis of the correlation between the concepts of constitutional and legal and administrative-legal regulation in the field of health care, the provisions of Art. 71 and 72 of the Constitution of the Russian Federation. In particular, assigning the organization of public authority to the federal center, the Constitution of the Russian Federation thereby predetermines the principles of organization of the public administration system in the field of health care. In addition, Art. 71 of the Constitution of the Russian Federation leaves the federal authorities in charge of establishing a unified legal framework for the healthcare system, which is being transformed into legislative and subordinate regulation, including issues of managing the healthcare system. Administrative law, due to the wide possibilities of operational by-law regulation, is characterized by taking into account the latest achievements in the natural and human sciences in industry standards, sometimes faster than the legislator does.

Keywords: public administration; constitutional law regulation; administrative law regulation; public authority; administrative law regulation in the field of health care.

For citation: Epifanova E. V. Public Administration in the Field of Public Health Protection in the New Paradigm of Public Authority: Problems of Correlation Between Constitutional and Administrative Law Regulation. *Siberian Law Review*. 2022;19(2):185-198. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2022-19-2-185-198>. EDN: <https://elibrary.ru/gqcwyw> (In Russ.).

ВВЕДЕНИЕ

Давняя дискуссия о соотношении конституционного и административного права в правовом регулировании вообще, заставляет нас обратиться и к частным вопросам такого соотношения применительно к объекту исследования.

Принадлежащее Фрицу Вернеру высказывание о том, что «административное право есть конкретизированное конституционное право» [1, с. 5], в значительной степени отражает либеральные идеи германского государства 20-х гг. прошлого века. В современных условиях нет возможности говорить о четком разделении конституционно-правового и административно-правового регулирования в сфере публичного управления охраной здоровья населения в Российской Федерации. Нормы Конституции РФ создают принципиальную основу, на которой базируется институты административного права, включающие в себя нормы о публичном управлении в сфере здравоохранения.

Вместе с тем существует понимание того, что часть норм административного и административно-процессуального права относительно автономна. Трудно ожидать от Конституции любого государства, включая и нашу страну, чтобы в относительно небольшом нормативном акте были сконцентрированы буквально все принципиальные положения, определяющие функционирование общества, государства и личности.

Примечательно, что государственное управление осуществляется постоянно, даже вне зависимости от наличия или отсутствия у конкретного государства писанной или неписанной конституции, иных конституционных актов и даже при отсутствии конституционных идей, как это довольно долго было в России (вплоть до 19 века).

РЕГУЛИРОВАНИЕ

УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СФЕРЕ ОХРАНЫ ЗДОРОВЬЯ: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ ЭКСКУРС

Нормативное регулирование управленческой деятельности в сфере охраны здоровья, по сведениям И. Г. Банниковой, берет свое начало с учреждения Иваном Грозным Аптекарской палаты, затем преобразованной в аптекарский приказ [2, с. 51].

В конце X в. был издан Церковный Устав великого князя Владимира Святославовича, который узаконил правовое положение врачей в системе монастырской медицины. В соответствии с ним к «церковным людям» помимо духовенства, паломников и рабов, отпущенных на волю и не приписанных ни к какой общине, престарелых, сирот, хромцов, слепцов, гостиниц были отнесены больницы и «лечцы», т. е. врачеватели были отнесены к числу лиц, подведомственных епископу [3, с. 38–40]. Таких исторических данных можно приводить много вплоть до начала реального конституционно-правового регулирования на территории нынешней Российской Федерации.

По мнению О. С. Третьяковой, «государственную значимость вопросы здравоохранения в России приобрели в 1917 г., когда они были возведены в ранг государственной задачи. Свидетельством этого явилось обеспечение государственного руководства и финансирования здравоохранения и медицинской науки, а также провозглашение в 1918 г. принципа бесплатной для всех граждан страны медицинской помощи» [4, с. 179].

Но подчеркнем, что даже в эпоху первых конституционных актов нормы об охране здоровья появились не сразу, а вот нормы о государственном управлении в указанной сфере уже фигурировали в Конституции РСФСР 1918 г., ст. 43 которой был учрежден народный комиссариат

здравоохранения. В последующей Конституции РСФСР 1925 г.¹ реализовалась та же конструкция. Право на охрану здоровья даже не декларировалось, но дважды, в ст.ст. 37 и 47, говорится о наркомате здравоохранения и народном комиссаре здравоохранения соответственно.

Впервые на конституционном уровне нормы об управлении в сфере здравоохранения были дополнены материальным правом на охрану здоровья лишь в Конституции РСФСР 1937 г.² в ст. 124. Статья 123 предусматривала право на отдых, включая санаторный. С точки зрения конституционного регулирования системы государственного управления здравоохранением ст. 47 Конституции РСФСР 1937 г. предусматривала наличие народного комиссара здравоохранения и соответствующего комиссариата.

Конституция РСФСР 1978 г.³, закрепляя право на охрану здоровья в ст. 40, не исключила упоминание о конкретном органе государственного управления в сфере охраны здоровья.

Таким образом, мы видим разные конструкции конституционно-правового регулирования управления в сфере охраны здоровья. В историческом ракурсе конституционно-правовое регулирование выступало некоей переменной составляющей, в то время как на протяжении всей истории развития права в России административно-правовое регулирование присутствует. Другими словами, административно-правовое регулирование может базироваться на конституционных нормах при своей относительной автономности, определяемой историческими условиями наличия или отсутствия конституционных норм, их фактической применимости.

СОВРЕМЕННЫЕ КОНЦЕПЦИИ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ВОПРОСОВ УПРАВЛЕНИЯ В СФЕРЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ

Обращаясь к концепции административно-правового регулирования публичного управления в сфере охраны здоровья населения, мы говорим в современных условиях о том, что она базируется на конституционных нормах о праве граждан на охрану здоровья и медицинскую помощь (ст. 41 действующей Конституции РФ), а также на нормах об организации публичной власти в Российской Федерации.

В основу концепции административно-правового регулирования вопросов управления в сфере здравоохранения положен системный подход. Он берет свое начало с небезызвестной «Тектологии» А. А. Богданова [5], получил развитие в работах по кибернетике Н. Винера [6], ряда советских [7; 8], а позднее и российских ученых [9; 10].

Ценность системного подхода А. А. Богданова, по мнению Б. В. Россинского, состоит в том, что «он сформулировал предложение об объединении различных гуманитарных, биологических, физических наук в единые направления и необходимости рассмотрения таких глобальных образований как систем с определенными взаимоотношениями, обусловленными “цепными связями” между ними» [10, с. 13–14].

Действительно, говоря о концепции административно-правового регулирования государственного управления в сфере охраны здоровья, мы не можем не учитывать развития биологии, медицины, химии, физики, смежных с ними естественных и гуманитарных наук (например,

¹ Конституция СССР 1924 года // Сайт Конституции Рос. Федерации. URL: http://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1925/red_1925/5508616/chapter/eed1ae62dec183ef16d17f74b00255dd/

² Конституция СССР 1936 года // Сайт Конституции Рос. Федерации. URL: https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1937/red_1937/3959896/chapter/0eef7b353fed1e431bd36a533e32c19f/

³ Конституция СССР 1977 года // Сайт Конституции Рос. Федерации. URL: http://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1978/red_1978/5478721/

медицинской этики). Административному праву в силу широких возможностей оперативного подзаконного регулирования свойственен более быстрый учет в отраслевых нормах новейших достижений естественных и гуманитарных наук, чем это делает законодатель. Например, в условиях начала пандемии COVID-19 именно акты подзаконного характера, исходящие от органов исполнительной власти, формировали юридические основания защиты населения от распространения коронавирусной инфекции с учетом имеющихся медицинских представлений о характере коронавирусной инфекции⁴.

Еще одной характерной чертой концепции административно-правового регулирования в сфере охраны здоровья выступает оперативность административно-правового регулирования на основе принципов, установленных в законодательных актах, но с учетом различных обстоятельств экономического, медицинского, политического характера. Например, формирование перечня жизненно необходимых и важнейших лекарственных препаратов для медицинского применения⁵ осуществляется органами исполнительной власти с учетом возможностей отечественного фармакологического производства, возможностей импортирования, общей экономической ситуации в стране.

Возвращаясь к соотношению конституционно-правового и административно-правового регулирования отношений по управлению в сфере здравоохранения, считаем методологически правильным проиллюстрировать преломление конституционных норм в данной сфере в административно-правовое регулирование.

И начать необходимо даже не с конституционных норм о праве на охрану здоровья, а с общих основ конституционного строя.

ПРЕЛОМЛЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННЫХ НОРМ В СФЕРЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ В АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ

Федеративный характер российского государства, закрепленный в ст. 1 Конституции РФ, предопределяет построение как системы органов, осуществляющих государственное управление в сфере здравоохранения (вкпче с ч. 3 ст. 5 и ст. 72 Конституции РФ), так и систему соответствующего нормативно-правового регулирования.

Признание человека с его правами и свободами высшей ценностью предопределяет объект публичного управления в сфере охраны здоровья. Несмотря на имеющиеся разногласия в трактовках объекта государственного управления [11, с. 87–94], есть понимание, что в итоге публично-властное воздействие в анализируемой сфере государственного управления осуществляется в интересах здоровья человека.

Социальный характер Российской Федерации позволяет понять приоритетность административно-правового регулирования любых вопросов, связанных со здравоохранением. Часто здравоохранение рассматривается как элемент социальной политики [12, с. 17–22]. В новейшей истории был период организационного объединения этих объектов государственного управления. В частности, в соответствии

⁴ О дополнительных мерах по снижению рисков распространения COVID-2019 : постановление Глав. гос. санитар. врача Рос. Федерации от 13 марта 2020 г. № 6 // Офиц. интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>

⁵ Об утверждении перечня жизненно необходимых и важнейших лекарственных препаратов, а также перечней лекарственных препаратов для медицинского применения и минимального ассортимента лекарственных препаратов, необходимых для оказания медицинской помощи : распоряжение Правительства Рос. Федерации от 12 окт. 2019 г. № 2406-р (ред. от 23 дек. 2021 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2019. № 42, ч. 3, ст. 5979.

с Указом Президента РФ от 12 мая 2008 г. № 724 «Вопросы системы и структуры федеральных органов исполнительной власти» (ред. от 8 февраля 2011 г.)⁶ предусматривалось существование единого Министерства здравоохранения и социального развития⁷, а также наличие Федеральной службы по надзору в сфере здравоохранения и социального развития⁸.

И хотя в дальнейшем произошло организационное разделение данных сфер управления, это лишь подчеркивает разное представление о методах административно-правовой реализации конституционной нормы о социальном характере нашего государства.

Из содержания ст. 11 Конституции РФ становится понятным, что функции государственного управления дифференцированы по иному принципу, нежели классическое разделение властей. Можно констатировать, что функции государственного управления в сфере здравоохранения конституционно разделены не только между органами государственной власти федерации и ее субъектов, но и между органами, не входящими в систему разделения властей, а также в форме публичного аутсорсинга делегированы как государственным, так и негосударственным организациям. Соответственно и административно-правовое регулирование дифференцировано между указанными субъектами.

Безусловно, соотнося конституционно-правовое и административно-правовое регулирование в сфере охраны здоро-

вья, нельзя обойти стороной ч. 4 ст. 15 Конституции РФ, провозглашающую общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации частью отечественной правовой системы с приоритетом международных актов и закона. Однако современная редакция ст. 79 Конституции РФ позволяет в необходимых случаях отойти от принципа данного приоритета.

Важное уточнение применительно к деятельности по охране здоровья следует из трактовки ч. 1 ст. 8 Конституции РФ, провозглашающей свободу экономического пространства в Российской Федерации. В свете ситуаций, связанных с решениями о введении в отношении Российской Федерации ограничительных мер экономического характера, государственные органы в целях защиты права на охрану здоровья могут вводить соответствующие ограничительные меры по перемещению медицинских товаров и изделий за пределы территории Российской Федерации⁹.

Норма ч. 3 ст. 17 Конституции РФ о том, что реализация прав и свобод не должна нарушать права третьих лиц, находит свое непосредственное выражение в законодательстве об охране здоровья. Нормы об информированном добровольном согласии пациента на оказание ему медицинской помощи имеют ряд исключений в случаях, когда неоказание такой помощи обуславливает высокую степень вероятности заболеваний иных лиц, например при тяжелых инфекционных

⁶ Собр. законодательства Рос. Федерации. 2008. № 20, ст. 2290 ; 2011. № 7, ст. 938.

⁷ Об утверждении Положения о Министерстве здравоохранения и социального развития Российской Федерации : постановление Правительства Рос. Федерации от 30 июня 2004 г. № 321 (ред. от 27 дек. 2010 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2004. № 28, ст. 2898.

⁸ Об утверждении Положения о Федеральной службе по надзору в сфере здравоохранения и социального развития : постановление Правительства Рос. Федерации от 30 июня 2004 г. № 323 (ред. от 27 дек. 2010 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2004. № 28, ст. 2900.

⁹ О введении временного запрета на вывоз за пределы Российской Федерации медицинских изделий, ранее ввезенных в Российскую Федерацию с территории иностранных государств, принявших решение о введении в отношении Российской Федерации ограничительных мер экономического характера : постановление Правительства Рос. Федерации от 6 марта 2022 г. № 302. URL: <http://static.government.ru/media/files/9Coz7V1DgfXnLXGUA888aLJs3BksA0Bc.pdf>

заболеваниях типа туберкулеза, корона-вирусной инфекции и иных массовых инфекционных заболеваний. Аналогично выглядят заложенные в гл.гл. 30, 31, 31¹ Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации (далее – КАС РФ) ситуации о подконтрольных суду вопросах недобровольного оказания медицинской помощи, если это влечет опасность иным лицам.

Закрепленное в ч. 1 ст. 20 Конституции РФ право на жизнь в его административно-правовом истолковании явно соотносится с уже описанной ранее проблемой возникновения административной правосубъектности у зачатых, но еще не родившихся субъектов. Подчеркнем еще раз, что отечественный законодатель вводит элементы правосубъектности у эмбрионов на поздних сроках беременности женщины, но оставляет без ответа судьбу иных эмбрионов человека.

Особого внимания заслуживает содержание ст. 21 Конституции РФ о достоинстве личности. Применительно к вопросам административно-правового регулирования в сфере охраны здоровья, это конституционное предписание находит выражение в том, что оказание медицинской помощи не является основанием для умаления достоинства личности. Особенно остро данный вопрос стоит относительно некоторых категорий заболеваний, носящих специфическую социальную окраску [13, с. 16–19]. Речь идет о психических заболеваниях, венерических заболеваниях, СПИД, туберкулезе.

Так, Закон РФ от 2 июля 1992 г. № 3185-1 «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» (ред. от 30 декабря 2021 г.)¹⁰ во вводящей части акцентирует внимание на том

обстоятельстве, что психические заболевания могут изменять отношение общества к человеку (в общем-то вся история человечества знает специфическое отношение к этим людям).

Пункт 2 ст. 5 данного закона прямо говорит о том, что все лица, страдающие психическими расстройствами, при оказании им психиатрической помощи имеют право на уважительное и гуманное отношение, исключающее унижение человеческого достоинства.

Отметим, что применительно к венерическим заболеваниям и ВИЧ-инфекции подобной оговорки о защите достоинства в действующем законодательстве нет, хотя общественная опасность распространения такого рода заболеваний отражена в ст. 6.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ). В отношении больных туберкулезом ст. 12 Федерального закона от 18 июня 2001 г. № 77-ФЗ «О предупреждении распространения туберкулеза в Российской Федерации» (ред. от 26 мая 2021 г.)¹¹ гарантирует им уважительное отношение со стороны медицинских работников и лиц, участвующих в оказании противотуберкулезной помощи.

По мнению Н. И. Альжевой, «под уважительным отношением медицинских работников и иных работников, участвующих в оказании противотуберкулезной помощи, понимается отношение, которое не ущемляет права и интересы больных, а наоборот, принимает во внимание и соблюдает права и интересы лиц, находящихся под диспансерным наблюдением в связи с туберкулезом, при оказании им противотуберкулезной помощи»¹².

В то же время Н. С. Бондарь справедливо замечает, что «существенные

¹⁰ *Ведомости* Съезда нар. депутатов Рос. Федерации и Верхов. Совета Рос. Федерации. 1992. № 33, ст. 1913 ; *Собр. законодательства Рос. Федерации*. 2022. № 1, ч. 1, ст. 60.

¹¹ *Собр. законодательства Рос. Федерации*. 2001. № 26, ст. 2581 ; 2021. № 22, ст. 3687.

¹² *Альжева Н. И.* Комментарий к Федеральному закону от 18 июня 2001 г. № 77-ФЗ «О предупреждении распространения туберкулеза в Российской Федерации» (постатейный). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

особенности конституционного оформления категории достоинства человека могут быть связаны с национальными, религиозными традициями, конкретно-историческими особенностями отдельных стран» [14, с. 20]. Таким образом, что для одного не является ущемлением его достоинства, для другого может быть таковым, например, из-за его религиозных воззрений [15, с. 148–151].

Во взаимосвязи с конституционной нормой об охране достоинства личности ч. 2 ст. 21 Конституции РФ закрепляет запрет на недобровольное участие в медицинских опытах. Нормы административного права должны конкретизировать указанные конституционные законоположения в той части, которая касается государственного контроля за проведением медицинских опытов. Однако в ходе проводимого исследования нами не обнаружено норм, помимо общих упоминаний о контроле оказания медицинской помощи, которые бы конкретизировали порядок публичного контроля за проведением медицинских опытов. А опыт, в том числе и автора данной работы, говорит о том, что кроме добровольного согласия самого пациента при проведении, например, экспериментов по оценке эффективности лекарственных препаратов, никакого государственного контроля в этой части не осуществляется. Мы считаем, что только добровольного информированного согласия пациента в данном случае недостаточно, тем более, что исчерпывающей информации об эффекте экспериментальной терапии пациент получить и не может. Между тем в судебной практике были

попытки обосновать со стороны административных истцов некоторые «антиковидные» меры их, по мнению истцов, экспериментальным характером¹³.

Тесно связано с медицинской деятельностью право на свободу и личную неприкосновенность, предусмотренные ст. 22 Конституции РФ. Почему-то в юридической литературе это право трактуется исключительно во взаимосвязи с нормами уголовного и уголовно-процессуального законодательства, но не законодательства о медицинской деятельности. Между тем целый ряд медицинских вмешательств предполагает ограничение свободы и личной неприкосновенности [16–18]. Речь идет как о законодательстве о психиатрической медицинской помощи, оказываемой в недобровольном порядке, так и об изоляции лиц, которые больны некоторыми видами особо опасных инфекционных заболеваний, например, открытой формой туберкулеза.

Аналогична ситуация с конституционным правом на защиту частной жизни. В сфере медицинской деятельности данная норма трансформируется в подзаконных актах, так или иначе регулирующих соблюдение врачебной тайны¹⁴. Такого рода информация отнесена к персональным данным, которые подлежат распространению только в случаях и на условиях, предусмотренных федеральным законом.

К информации о частной жизни лица, сбор, хранение и распространение которой не допускаются, в том числе относятся сведения о состоянии здоровья и иные медицинские данные, которыми могут воспользоваться недобросовестные

¹³ Об оставлении без изменения Решения Верховного Суда РФ от 01.04.2021 № АКПИ21-78, которым было отказано в удовлетворении коллективного административного искового заявления и административных исковых заявлений о признании частично недействующим пункта 4.4 санитарно-эпидемиологических правил СП 3.1.3597-20 «Профилактика новой коронавирусной инфекции (COVID-19)», утв. постановлением Главного государственного санитарного врача РФ от 22.05.2020 № 15 : апелляц. определение Апелляц. коллегии Верхов. Суда Рос. Федерации от 28 июня 2021 г. № АПЛ21-202. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

¹⁴ Об утверждении типовой формы контракта с иностранной организацией на оказание услуг, связанных с лечением гражданина Российской Федерации за пределами территории Российской Федерации : приказ Минздрава России от 20 янв. 2014 г. № 29н (ред. от 28 нояб. 2016 г.) // Рос. газ. 2014. 22 мая.

лица в целях незаконной трансплантации органов и тканей, для медицинских опытов с участием человека и в иных целях, создающих угрозу личной безопасности человека.

Поэтому в ч. 2 ст. 24 Конституции РФ предусмотрено, что органы государственной власти, органы местного самоуправления, их должностные лица обязаны обеспечить каждому возможность ознакомления с документами и материалами, непосредственно затрагивающими его права и свободы, если иное не предусмотрено законом, за исключением случаев, когда это необходимо для, в том числе, защиты здоровья в соответствии с ч. 3 ст. 55 Конституции РФ.

Указанные нормы выводят нас на более общую проблему формирования медицинских биобанков, которую рано или поздно необходимо будет нормативно регулировать, несмотря на то, что Конституционный Суд РФ не увидел на данном этапе необходимости более детального, дифференцированного урегулирования вопросов обеспечения защиты различных типов медицинской информации¹⁵.

Существенный интерес представляет соотношение нормы ст. 28 Конституции РФ о праве действовать в соответствии с религиозными убеждениями с положениями административного права. В части административно-правового и административно-процессуального урегулирования особенностей реализации данного права следует выделить положения гл. 31.1 КАС РФ, которые предполагают оказание медицинской помощи несовершеннолетним, законные пред-

ставители которых, в том числе по религиозным мотивам, не дают согласия на проведение отдельных медицинских процедур. В частности, такая практика сложилась из за деятельности признанной в России экстремистской решением Верховного Суда РФ по административному делу № АКПИ17-238 и Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ по делу № АПЛ17-216 секты Свидетели Иеговы, адепты которой выступают против переливания крови [19, с. 105–110].

Аналогично выглядит ситуация отказа от вскрытия тела умершего, которое, в частности, запрещается исламом.

Может быть и обратная ситуация, когда врачи по своим религиозным убеждениям отказываются от предоставления медицинской помощи. Так, описан нашедший отражение в зарубежной судебной практике случай отказа от консультирования гомосексуальных пар врачом по религиозным убеждениям о браке и сексуальным отношениям [20, с. 58–62].

В контексте соотношения конституционно-правового и административно-правового регулирования охраны здоровья надо также обратить внимание на содержание ч. 3 ст. 37 Конституции РФ, которая провозглашает право на труд в условиях, отвечающих требованиям безопасности и гигиены. Не вдаваясь в дискуссию о том, сохранила ли действующая Конституция РФ право на труд в принципе или речь идет только об аспектах безопасности и гигиеничности труда, определимся с тем, что эти самые требования по безопасности и гигиене труда представляют собой, как правило, нормы трудового права¹⁶.

¹⁵ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Скипакевича Игоря Самуиловича на нарушение его конституционных прав пунктом 10 части 4 статьи 13, пунктом 5 статьи 78, статьями 87 и 90 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»: определение Конституц. Суда Рос. Федерации от 24 сент. 2013 г. № 1333-О. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

¹⁶ МР 2.2.0244-21.2.2. Гигиена труда. Методические рекомендации по обеспечению санитарно-эпидемиологических требований к условиям труда. Методические рекомендации (вместе с «Рекомендациями к условиям труда в зависимости от вида деятельности и особенностей технологических процессов»): приказ Глав. гос. санитар. врача Рос. Федерации от 17 мая 2021 г. // Бюл. норматив. и метод. документов Госсанэпиднадзора. 2021. № 3.

Причем, целый ряд таких требований относится еще к актам советского периода развития отечественного права¹⁷ и должны были в период 2018–2019 гг. стать «жертвой» так называемой регуляторной гильотины, если бы не пандемия коронавируса COVID-19.

Но если речь идет о порядке осуществления государственного или муниципального контроля (надзора) за соблюдением санитарно-гигиенических норм и норм о безопасности труда, то такого рода акты представляют собой составную часть административного права¹⁸.

Конституционная норма (ст. 38 Конституции РФ) о защите материнства и детства трансформирована в многочисленных административно-правовых актах о защите здоровья беременных женщин, женщин, имеющих несовершеннолетних детей, да и, собственно, самих несовершеннолетних. К таким мерам относится и ограничение абортов на поздних сроках беременности [21, с. 63–66], и приоритет охраны детского здоровья [22, с. 65–70], и государственный контроль за суррогатным материнством, которое, по мнению некоторых авторов, является методом лечения бесплодия у человека [23, с. 66–75]. К мерам по административно-правовой защите детства также относится административное законодательство о профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, которое, в частности, предусматривает профилактические учеты несовершеннолетних:

– употребляющих наркотики, психотропные и одурманивающие вещества, алкоголь;

– совершивших административное правонарушение, в частности предусмотренные статьями типа 6.1, 6.3 КоАП РФ.

Соответствующие полномочия согласно п. 6 ч. 2 ст. 9 Федерального закона от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» (ред. от 24 апреля 2020 г.)¹⁹ возлагаются на органы управления здравоохранением.

Субъекты Российской Федерации вправе устанавливать дополнительные меры по защите здоровья детей, в частности, организуют круглосуточный прием медицинскими организациями заблудившихся, подкинутых, безнадзорных, беспризорных, находящихся в социально опасном положении или проживающих в семьях, находящихся в социально опасном положении. При этом в соответствии, например, с ч. 6 ст. 10 Закона Краснодарского края от 21 июля 2008 г. № 1539-КЗ «О мерах по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних в Краснодарском крае» (ред. от 9 ноября 2020 г.) «медицинские организации немедленно информируют органы внутренних дел о случаях доставления беспризорных и безнадзорных несовершеннолетних без сопровождения сотрудников органов внутренних дел для оказания медицинской помощи»²⁰.

Аналогичные нормы предусмотрены законодательством практически всех субъектов Российской Федерации²¹.

Социальное обеспечение в случае болезни, закрепленное в ч. 1 ст. 39

¹⁷ Санитарно-гигиенические требования к структурным подразделениям больниц и других стационаров, условиям труда и личной гигиене персонала : утв. Минздравом СССР 29 дек. 1984 г. № 3182а-84. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

¹⁸ Об утверждении санитарных правил и норм СанПиН 3.3686-21 «Санитарно-эпидемиологические требования по профилактике инфекционных болезней» (вместе с «СанПиН 3.3686-21. Санитарные правила и нормы...») : постановление Глав. гос. санитар. врача Рос. Федерации от 28 янв. 2021 г. № 4 (ред. от 11 февр. 2022 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>

¹⁹ Собр. законодательства Рос. Федерации. 1999. № 26, ст. 3177 ; 2020. № 17, ст. 2725.

²⁰ Кубанские новости. 2008. 22 июля ; Официальный сайт администрации Краснодарского края. URL: <http://admkrasnodar.ru>

²¹ О профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних в Воронежской области : закон Воронеж. обл. от 27 дек. 2007 г. № 163-ОЗ // Молодой коммунар. 2008. 12 янв.

Конституции РФ, выступает, на наш взгляд, частным случаем права на охрану здоровья. В силу характера некоторых заболеваний человек не может осуществлять нормальную трудовую или предпринимательскую деятельность. В то же время жизненные потребности на период заболевания могут увеличиваться по сравнению с обычной жизнедеятельностью – возникает потребность в лекарствах, средствах реабилитации, иногда в специализированном уходе или специфической реабилитации, требующих финансовых затрат. Таким образом, социальное обеспечение в период болезни играет двойную функцию: поддержание жизнедеятельности и покрытие тех расходов на лечение, которые не покрываются за счет средств страховой медицины. Административно-правовое регулирование в этой части касается вопросов государственного управления в сфере социальной защиты. В частности, Положение о министерстве труда и социальной защиты РФ²² предусматривает ряд полномочий данного министерства в сфере здравоохранения, в частности по вопросам медико-социальной экспертизы и социальных выплат в случае болезни.

Статья 41 Конституции РФ носит основополагающий характер для характеристики конституционно-правового регулирования в сфере охраны здоровья. Все многочисленные административно-правовые акты федерального и регионального уровней, правоприменительная административная практика базируются на данном конституционном положении. Важно заметить, что содержание ст. 41 Конституции РФ выходит за пределы исключительно медицинских мер, включая многочисленные профилактические предписания в части развития физической культуры [24, с. 52–54], экологического [25, с. 35–39]

и санитарно-эпидемиологического благополучия [26, с. 9–19], реализуемые в том числе через механизм административно-правового регулирования. И хотя, безусловно ст. 41 Конституции РФ создает конституционную базу реализации права на охрану здоровья, она в полной мере формирует конституционные основы административно-правового регулирования в сфере охраны здоровья только вкупе с иными статьями Конституции РФ, имеющими государственное-управленческое значение. Следуя хронологии статей Конституции РФ, обратим внимание на содержание ст. 42, а именно на ту ее часть, где закреплено право на компенсацию вреда здоровью, нанесенного экологическим правонарушением.

Конечно, не все статьи гл. 8 КоАП РФ предполагают возможность непосредственного причинения вреда здоровью человека, но действия или бездействия, предусмотренные такими статьями, как, например, ст.ст. 8.2, 8.2.2, 8.2.3, 8.3, 8.5, 8.13, 8.14, 8.21, 8.22, 8.23, 8.31, 8.32, 8.51 КоАП РФ, могут влечь непосредственный вред здоровью человека. В этом смысле отдельного внимания заслуживает проблема отложенного или накопительного вреда, т. е. последствий, которые не проявляются сразу или проявляются при своем накопительном воздействии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Для анализа соотношения концепций конституционно-правового и административно-правового регулирования в сфере охраны здоровья непреходящее значение имеют положения ст.ст. 71 и 72 Конституции РФ. В частности, закрепляя за федеральным центром организацию публичной власти, Конституция РФ тем самым предопределяет принципы организации системы государственного управления

²² Об утверждении Положения о Министерстве труда и социальной защиты Российской Федерации : с изм. и доп., вступ. в силу с 1 марта 2022 г. : постановление Правительства Рос. Федерации от 19 июня 2012 г. № 610 (ред. от 8 окт. 2021 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2012, № 26, ст. 3528.

в сфере охраны здоровья. Кроме того, ст. 71 Конституции РФ оставляет за федеральными органами установление единых правовых основ системы здравоохранения, что трансформируется в законодательном и подзаконном регулировании, в том числе вопросов управления системой здравоохранения.

Важнейшее значение приобретает п. «м» ст. 71 Конституции РФ в части, связанной с обеспечением безопасности личности при применении информационных технологий и обороте информационных данных. Эта норма напрямую связана с защитой персональных данных пациентов, а также с функционированием биобанков, включая популяционные биобанки, данные которых в условиях возможностей разработки биологического оружия имеют двойственное значение как для разработки методов лечения, так и для разработки биологического оружия по расовому признаку.

Пункт «ж» ст. 72 Конституции РФ, определяя, что к совместному ведению федерации и ее субъектов относится координация вопросов здравоохранения, в том числе обеспечение оказания доступной и качественной медицинской помощи, сохране-

ние и укрепление общественного здоровья, создание условий для ведения здорового образа жизни, формирования культуры ответственного отношения граждан к своему здоровью, создает предпосылки формирования двухуровневой системы государственного управления в сфере здравоохранения, включающей в себя федеральный и региональный уровни. Дополняются данные нормы полномочиями по борьбе с эпидемиями и защите окружающей природной среды. Подтверждает тезис о двухуровневой системе административно-правового и административно-процессуального регулирования в сфере охраны здоровья п. «к» ч. 1 ст. 72 Конституции РФ, относящий административное и административно-процессуальное (за исключением административного судопроизводства) право к совместному ведению федеративного центра и субъектов РФ.

Часть 2 ст. 74 Конституции РФ выступает своеобразным дополнением положений ст. 55 данного нормативного акта в том смысле, что создает конституционно-правовые и административно-правовые ограничения реализации прав и свобод в целях защиты здоровья.

Список литературы

1. Стариллов Ю. Н. Административное право : в 2 ч. Воронеж : Изд-во ВГУ, 1998. Ч. 1 : История, наука, предмет, нормы. 392 с.
2. Банникова И. Г. Право на охрану здоровья и медицинскую помощь: содержание и историческая ретроспектива // Вестник Пензенского государственного университета. 2014. № 2 (6). С. 51–55.
3. Ковригина Г. Д. Правовое регулирование целительской деятельности в России: история вопроса и современные общеюридические начала // Медицинское право. 2008. № 4. С. 38–41.
4. Третьякова О. С. Здравоохранение России и его правовое регулирование: от монастырской медицины до создания государственной системы здравоохранения // Таврический медико-биологический вестник. 2017. Т. 20, № 2-1. С. 172–180.
5. Богданов А. Всеобщая организационная наука (Тектология) / под ред. Г. Д. Гловели. 6-е изд., испр. и доп. М. : URSS : ЛЕНАНД, 2019. 679 с.
6. Винер Н. Кибернетика или управление и связь в животном и машине / пер. с англ. ; предисл. Г. Н. Поварова. 2-е изд. М. : Совет. радио, 1968. 326 с.
7. Афанасьев В. Г. Системность и общество. М. : Политиздат, 1980. 368 с.
8. Садовский В. Н. Основания общей теории систем: логико-методологический анализ. М. : Наука, 1974. 276 с.
9. Фомин Э. В., Фомина Ю. А. Общий системный подход и социально-экономические системы (от управления к самоорганизации). М. : ЛЕНАНД, 2014. 160 с.
10. Россинский Б. В. Проблемы государственного управления с позиции теории систем : моногр. М. : Норма : ИНФРА-М, 2021. 264 с.
11. Слепышев А. Л. Государственное управление: объекты и приоритеты. Часть I // Социум и власть. 2015. № 2 (52). С. 87–94.

12. Низова Л. М., Соловьева И. Г. Здравоохранение как элемент социальной политики на региональном уровне // Социальная политика и социальное партнерство. 2018. № 11. С. 17–22.
13. Копыткин С. А., Назарова А. Б. О необходимости мер профилактического воздействия в отношении лиц, имеющих социально значимые заболевания в учреждениях уголовно-исполнительной системы // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2018. № 2. С. 16–19. DOI: <https://doi.org/10.18572/2072-4438-2018-2-16-19>
14. Бондарь Н. С. Конституционная категория достоинства личности в ценностном измерении: теория и судебная практика // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 4. С. 19–31.
15. Васильев Д. Ф., Кругова Н. В., Кулиш А. С. Право, религия и медицина: пути взаимодействия на благо пациента // Тверской медицинский журнал. 2017. № 5. С. 148–151.
16. Chica-Velez S. A., Salazar-Ortiz C. A. Post-new Public Management, Governance and Innovation. Three Concepts regarding Organizational Form and Public Management // Opera. 2021. № 28. P. 17–51.
17. Public Innovation and Living Labs in Action: A Comparative Analysis in post-New Public Management Contexts, International Journal of Public Administration / J. I. Criado, T. F. Dias, H. Sano, F. Rojas-Martin, A. Silvan, A. I. Filho // International Journal of Public Administration. 2021. Vol. 44, iss. 6. P. 451–464. DOI: <https://doi.org/10.1080/01900692.2020.1729181>
18. Dubois H. F. W., Fattore G. Definitions and Typologies in Public Administration Research: The Case of Decentralization // International Journal of Public Administration. 2009. Vol. 32, iss. 8. P. 704–727. DOI: <https://doi.org/10.1080/01900690902908760>
19. Париллов О. В. Смерть ребенка из-за отказа от гемотрансфузии по религиозным мотивам: юридический аспект // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2020. № 2 (50). С. 105–110. DOI: <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2020-2-105-110>
20. Маркова Е. Н. Право врачей на отказ от предоставления медицинских услуг по религиозным соображениям // Юридический мир. 2019. № 2. С. 58–62.
21. Тищенко Е. В. Проблемы демаркации начала человеческой жизни // Конституционное и муниципальное право. 2018. № 9. С. 63–66.
22. Борисова Л. В. Защита права на образование и охрану здоровья обучающихся детей в контексте добровольности туберкулинодиагностики // Юрист. 2021. № 4. С. 65–70. DOI: <https://doi.org/10.18572/1812-3929-2021-4-65-70>
23. Богданова Е. Е., Белова Д. А. Актуальные проблемы реформирования законодательства о суррогатном материнстве // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16, № 4 (125). С. 66–75. DOI: <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2021.125.4.066-075>
24. Ищенко С. А. Государственно-частное партнерство в сфере физической культуры и спорта и его административно-правовое регулирование // Административное право и процесс. 2021. № 9. С. 52–54. DOI: <https://doi.org/10.18572/2071-1166-2021-9-52-54>
25. Вершило Н. Д. К вопросу о государственном экологическом контроле и надзоре // Законы России: опыт, анализ, практика. 2017. № 6. С. 35–38.
26. Винокуров В. А. Санитарно-эпидемиологическое благополучие населения и новая коронавирусная инфекция: проблемы правового регулирования // Медицинское право. 2020. № 4. С. 9–19.

References

1. Starilov Yu. N. *Administrative Law. Ch. 1: History, Science, Subject, Norms*. Voronezh: Voronezh State University Publ.; 1998. 392 p. (In Russ.).
2. Bannikova I. G. The Right to Health Care and Medical Care: Content and Historical Retrospective. *Vestnik of Penza State University*. 2014;2:51-55. (In Russ.).
3. Kovrigina G. D. Legal Regulation of Healing Activities in Russia: the History of the Issue and Modern General Legal Principles. *Medical Law*. 2008;4:38-41. (In Russ.).
4. Tretyakova O. S. Health Care in Russia and Its Legal Regulation: from Monastic Medicine up to Creation of State Health Care System. *Tavricheskiy Mediko-Biologicheskii Vestnik*. 2017;20(2-1):172-180. (In Russ.).
5. Bogdanov A. *General Organizational Science (Tectology)*. 6th ed. Moscow: URSS Publ., LENAND Publ.; 2019. 679 p. (In Russ.).
6. Viner N. *Cybernetics or Control and Communication in the Animal and the Machine*. 2nd ed. Moscow: Soviet radio Publ.; 1968. 326 p. (In Russ.).
7. Afanas'ev V. G. *Consistency and Society*. Moscow: Politizdat Publ.; 1980. 368 p. (In Russ.).
8. Sadovskii V. N. *Foundations of the General Theory of Systems: a Logical and Methodological Analysis*. Moscow: Nauka Publ.; 1974. 276 p. (In Russ.).
9. Fomin E. V., Fomina Yu. A. *General Systemic Approach and Socio-Economic Systems (from Management to Self-Organization)*. Moscow: LENAND Publ.; 2014. 160 p. (In Russ.).

10. Rossinskii B. V. *Problems of Public Administration from the Standpoint of Systems Theory*. Moscow: Norma Publ., INFRA-M Publ.; 2021. 264 p. (In Russ.).
11. Slepyshev A. L. Public Administration: Objects and Priorities. Part I. *Society and Power*. 2015;2:87-94. (In Russ.).
12. Nizova L. M., Solovjeva I. G. Public Health as an Element of Social Policy at the Regional Level. *Social Policy and Social Partnership*. 2018;11:17-22. (In Russ.).
13. Kopytkin S. A., Nazarova A. B. On the Need of Preventive Measures in Respect of the Persons Suffering from Socially Significant Diseases in Penal System Institutions. *Criminal-Executory System: Law, Economy, Management*. 2018;2:16-19. DOI: <https://doi.org/10.18572/2072-4438-2018-2-16-19> (In Russ.).
14. Bondar N. S. Constitutional Category of Human Dignity in Value-Based Measurement: Theory and Court Practice. *Constitutional and Municipal Law*. 2017;4:19-31. (In Russ.).
15. Vasil'ev D. F., Krugova N. V., Kulish A. S. Law, Religion and Medicine: Ways of Interaction for the Benefit of the Patient. *Tver Medical Journal*. 2017;5:148-151. (In Russ.).
16. Chica-Velez S. A., Salazar-Ortiz C. A. Post-new Public Management, Governance and Innovation. Three Concepts regarding Organizational Form and Public Management. *Opera*. 2021;28:17-51. (In Spanish).
17. Criado J. I., Dias T. F., Sano H., Rojas-Martín F., Silvan A., Filho A. I. Public Innovation and Living Labs in Action: A Comparative Analysis in post-New Public Management Contexts, *International Journal of Public Administration*. 2021;44(6):451-464. DOI: <https://doi.org/10.1080/01900692.2020.1729181>
18. Dubois H. F. W., Fattore G. Definitions and Typologies in Public Administration Research: The Case of Decentralization. *International Journal of Public Administration*. 2009;32(8):704-727. DOI: <https://doi.org/10.1080/01900690902908760>
19. Parilov O. V. Death of a Child Because of Refusal to Hemotransfusion on Religious Motives: Legal Aspect. *Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2020;2:105-110. DOI: <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2020-2-105-110> (In Russ.).
20. Markova E. N. The Doctors' Right to Refuse from Medical Service Rendering on Religious Grounds. *Juridical World*. 2019;2:58-62. (In Russ.).
21. Tishchenko E. V. Issues of Demarcation of the Beginning of a Human Life. *Constitutional and Municipal Law*. 2018;9:63-66. (In Russ.).
22. Borisova L. V. Protection of the Right to Education and Health of Pupils Within the Framework of the Voluntary Nature of Tuberculinodiagnosis. *Jurist*. 2021;4:65-70. DOI: <https://doi.org/10.18572/1812-3929-2021-4-65-70> (In Russ.).
23. Bogdanova E. E., Belova D. A. Actual Problems of Reforming Legislation on Surrogacy. *Actual Problems of Russian Law*. 2021;16(4):66-75. DOI: <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2021.125.4.066-075> (In Russ.).
24. Ishchenko S. A. Public Private Partnership in Physical Education and Sports and Its Administrative Law Regulation. *Administrative Law and Procedure*. 2021;9:52-54. DOI: <https://doi.org/10.18572/2071-1166-2021-9-52-54> (In Russ.).
25. Vershilo N. D. To the Question of the State Environmental Control And Supervision. *Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice*. 2017;6:35-38. (In Russ.).
26. Vinokurov V. A. Sanitary and Epidemiological Welfare of the Population and the Novel Coronavirus Infection: Legal Regulation Issues. *Medical Law*. 2020;4:9-19. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Елена Владимировна Епифанова, профессор кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Кубанского государственного университета (ул. Рашпилевская, 43, Краснодар, 350000, Российская Федерация), кандидат юридических наук, доцент; ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9541-0923>; e-mail: epifanova_elen@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Elena V. Epifanova, Professor of the Department of Theory and History of State and Law at the Kuban State University (43 Rashpilevskaya st., Krasnodar, 350000, Russian Federation), Candidate of Legal Sciences, Associate Professor; ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9541-0923>; e-mail: epifanova_elen@mail.ru

Поступила | Received
04.05.2022

Поступила после рецензирования
и доработки | Revised
22.06.2022

Принята к публикации | Accepted
20.06.2022

СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА Judicial Practice

УДК 343.123

DOI: 10.19073/2658-7602-2022-19-2-199-211

EDN: GRMNGV

Обзор

Некоторые вопросы прекращения уголовных дел

Ю. В. Деришев

Сибирский юридический университет, Омск, Российская Федерация

✉ derishev.omsk@mail.ru

Е. И. Чекмезова

Сибирский юридический университет, Омск, Российская Федерация

✉ e555@list.ru

Д. Д. Тулева

Прокуратура Омской области, Омск, Российская Федерация

✉ tuleva.d@prokuratura.omsk.ru

М. В. Киселева

Прокуратура Омской области, Омск, Российская Федерация

✉ obl@prokuratura.omsk.ru

П. В. Козловский

Омская академия МВД России, Омск, Российская Федерация

✉ pkozlovskii@mvd.ru

Аннотация. Настоящей публикацией освещается опыт работы научно-методического совета при прокуратуре Омской области, среди основных задач которого остаются выработка и обсуждение совместно с представителями правовой науки обоснованных рекомендаций по совершенствованию прокурорского надзора, законодательства и правоприменительной практики, консультативных заключений правового характера по вопросам, возникающим в практике прокурорского надзора. В связи с этим в статье обсуждаются отдельные актуальные проблемы правоприменительной практики, поднятые на одном из последних заседаний научно-методического совета при прокуратуре Омской области. Так, на основе системного анализа погрешностей реализации института судебного штрафа предлагается обеспечить прокурорам осуществление системного надзора за соблюдением требований закона при его применении, для чего необходимо более тщательное изучение уголовных дел, а также надлежащая инициатива по установлению обстоятельств, связанных с применением судебного штрафа, и своевременному оспариванию необоснованных судебных решений. Кроме того, практика правоприменения высвечивает принципиальную проблему единого толкования оснований прекращения уголовного дела (уголовного преследования) в отношении лица, совершившего запрещенное уголовным законом деяние в состоянии невменяемости. По результатам исследования правовых ситуаций и различных подходов к их разрешению в статье аргументируется необходимость принятия решения по изученным уголовным делам по основаниям, предусмотренным п. 4 ч. 1 ст. 24 УПК РФ (в связи со смертью подозреваемого или обвиняемого). В иных подобных ситуациях, связанных с уголовным преследованием данных лиц, решение необходимо принимать с учетом конкретных обстоятельств уголовного дела.

© Деришев Ю. В., Чекмезова Е. И., Тулева Д. Д., Киселева М. В., Козловский П. В., 2022

Ключевые слова: уголовное преследование; судебный штраф; прокурорский надзор; невменяемость; смерть обвиняемого; состав преступления; прекращение уголовного дела.

Для цитирования: Деришев Ю. В., Чекмезова Е. И., Тулева Д. Д., Киселева М. В., Козловский П. В. Некоторые вопросы прекращения уголовных дел // Сибирское юридическое обозрение. 2022. Т. 19, № 2. С. 199–211. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2022-19-2-199-211>. EDN: <https://elibrary.ru/grmngv>

Review

Some Issues of Terminating a Criminal Case

Yu. V. Derishev

Siberian Law University, Omsk, Russian Federation

✉ derishev.omsk@mail.ru

E. I. Chekmezova

Siberian Law University, Omsk, Russian Federation

✉ e555@list.ru

D. D. Tuleva

Prosecutor's Office of the Omsk Region, Omsk, Russian Federation

✉ tuleva.d@prokuratura.omsk.ru

M. V. Kiseleva

Prosecutor's Office of the Omsk Region Omsk, Russian Federation

✉ obl@prokuratura.omsk.ru

P. V. Kozlovskiy

Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Omsk, Russian Federation

✉ pkozlovskii@mvd.ru

Abstract. This publication continues the experience of covering the work of the Scientific and Methodological Council under the Prosecutor of the Omsk Region, among the main tasks of which remains the development and discussion, together with representatives of legal science, of sound recommendations on problematic issues of prosecutorial supervision, legislation and law enforcement practice, legal advisory opinions on issues arising in prosecutorial practice. In this regard, the article proposes to discuss certain topical problems of law enforcement practice raised at one of the last meetings of the Scientific and Methodological Council under the Prosecutor of the Omsk Region. Thus, based on a systematic analysis of errors in the implementation of the institution of a judicial fine, it is proposed to provide prosecutors with systematic supervision over compliance with the requirements of the law when it is applied, which requires a more thorough study of criminal cases, as well as a proper initiative to establish the circumstances associated with the application of a judicial fine, and timely challenging unfounded court decisions. In addition, the practice of law enforcement highlights the fundamental problem of a unified interpretation of the grounds for terminating a criminal case (criminal prosecution) against a person who has committed an act prohibited by criminal law in a state of insanity. Based on the analysis of legal situations and various approaches to their resolution, the article argues for the need to make a decision on the studied criminal cases on the grounds of paragraph 4 of part 1 of Art. 24 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in connection with the death of a person involved in criminal proceedings. In other similar situations, but related to the criminal prosecution of these persons, the decision must be made taking into account the specific circumstances of the criminal case.

Keywords: criminal prosecution; judicial fine; prosecutor's supervision; insanity; death of the accused; the composition of the crime; terminating a criminal case.

For citation: Derishev Yu. V., Chekmezova E. I., Tuleva D. D., Kiseleva M. V., Kozlovsky P. V. Some Issues of Terminating a Criminal Case. *Siberian Law Review*. 2022;19(2):199-211. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2022-19-2-199-211>. EDN: <https://elibrary.ru/grmngv> (In Russ.).

На очередное заседание научно-методического совета при прокуратуре Омской области были представлены материалы по отдельным проблемам правоприменения. На основе их изучения, оценки правовых позиций по данным вопросам научно-методический совет разработал и предлагает следующие рекомендации.

1. Проблемы применения института судебного штрафа. Судами области в 2021 г. прекращено 150 уголовных дел в отношении 156 лиц (2020 г. – 314 дел в отношении 328 лиц). По ходатайствам следователей и дознавателей в порядке ст. 446² Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) прекращены 84 дела в отношении 87 лиц, по инициативе суда в порядке ст. 446³ УПК РФ – 66 дел в отношении 69 лиц.

Анализ судебной практики показал, что судами допускались факты реализации института судебного штрафа по делам о деяниях, повлекших причинение вреда здоровью потерпевшего, экологического ущерба, по делам о преступлениях коррупционной направленности, а также в отношении лиц, совершивших преступления, обладающие повышенной степенью общественной опасности, в том числе о нарушениях требований охраны труда.

Например, постановлением мирового судьи судебного участка № 9 в Кормиловском судебном районе Омской области от 20 октября 2021 г. ввиду заявленного стороной защиты и подсудимым ходатайства прекращено уголовное дело в отношении Ю., обвиняемого по ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 291² Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), с назначением меры уголовно-правового харак-

тера в виде судебного штрафа в размере 20 000 руб. Согласно материалам дела Ю. покушался на дачу инспектору ДПС ГИБДД УМВД России по Омской области взятки в размере 7 000 руб.

При принятии решения суд указал, что Ю. впервые совершил покушение на преступление небольшой тяжести, вину признал, раскаялся, принес извинения, возместил ущерб, перечислив в качестве добровольного пожертвования 3 000 руб. в КУ «Детский дом № 4» Омской области и 5 000 руб. в БФ «Подари жизнь».

Данное решение оспорено в апелляционном порядке государственным обвинителем, возражавшим в судебном заседании по поводу удовлетворения ходатайства. Однако Кормиловским районным судом Омской области 6 декабря 2021 г. решение суда первой инстанции в отношении Ю. признано законным, доводы акта прокурорского реагирования отклонены.

Кроме того, постановлением Седельниковского районного суда Омской области от 31 августа 2021 г. удовлетворено ходатайство в отношении П., подозреваемого по ч. 1 ст. 292 УК РФ. Уголовное дело прекращено, П. от уголовной ответственности освобожден с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа в размере 25 000 руб.

П. подозревался в том, что, являясь должностным лицом, главой органа местного самоуправления – Унарского сельского поселения Седельниковского муниципального района Омской области, выполняя организационно-распорядительные и административно-хозяйственные функции, из иной личной заинтересованности, используя свое служебное положение, удостоверил официальные документы с заведомо ложными сведениями

по приемке работ по капитальному ремонту здания дома культуры указанного поселения. Действиями П. причинен имущественный ущерб бюджету сельского поселения в размере 19 535,08 руб., дискредитирован авторитет органов местного самоуправления, а также подорвано доверие граждан к государству вследствие формирования негативного мнения у общества о неспособности органов местного самоуправления и подведомственных им муниципальных учреждений надлежащим образом выполнять поставленные перед ними задачи.

Мотивируя возможность освобождения от уголовной ответственности, суд указал, что П. возместил причиненный преступлением ущерб, в содеянном раскаялся, способствовал расследованию, характеризуется положительно. Между тем судом не было учтено, что инкриминированное П. деяние направлено против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления, а его общественная опасность состоит в нарушении установленного порядка деятельности публичного аппарата власти и управления в сфере обращения с официальными документами, в качестве дополнительного объекта преступления выступают охраняемые законом интересы граждан, организаций и государства. Несмотря на приведенные выше доводы акта прокурорского реагирования судьей Омского областного суда 28 октября 2021 г. постановление в отношении П. оставлено без изменения.

Государственный обвинитель не согласился также с принятым в порядке ст. 446³ УПК РФ решением Усть-Ишимского районного суда Омской области от 17 марта 2021 г. о прекращении уголовного дела в отношении А., обвиняемого в соверше-

нии преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 222 УК РФ, с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа в размере 15 000 руб.

Суд при реализации положений ст. 76² УК РФ сослался на совершение А. противоправного деяния средней тяжести впервые. Судья Омского областного суда, отклоняя 3 июня 2021 г. доводы апелляционного представления, указал, что А. не оказывал сопротивления сотрудникам правоохранительных органов, выдал карабин.

Учитывая изложенное выше, следует отметить, что институт судебного штрафа, являясь гибридной формой уголовного судопроизводства, предназначен для поощрения постпреступного поведения лиц. На наш взгляд, его применение должно быть обусловлено учетом следующих моментов.

Во-первых, исходя из буквального толкования положений ст. 76² УК РФ, можно прийти к выводу, что данный институт применим только в случае совершения лицом преступления по конструкции объективной стороны с материальным составом.

Однако закон не содержит запрета на возможность освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа при соблюдении предусмотренных ст. 76² УК РФ условий и в тех случаях, когда диспозиция соответствующей статьи Уголовного кодекса РФ не предусматривает причинение ущерба или иного вреда в качестве обязательного признака объективной стороны преступления (преступления с формальным составом)¹.

Такой подход высшей судебной инстанции к применению данного института изменил вектор судебной практики,

¹ Обзор судебной практики освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа (статья 76² УК РФ) : утв. Президиумом Верхов. Суда Рос. Федерации 10 июля 2019 г. URL: <https://legalacts.ru/sud/obzor-sudebnoi-praktiki-osvobozhdeniia-ot-ugolovnoi-otvetstvennosti-s-naznacheniem-sudebnogo-shtrafa-statia-762-uk-rf>

предоставляя возможность лицам, совершившим преступление, быть освобожденными от уголовной ответственности без возмещения ущерба или заглаживания вреда в отношении конкретного потерпевшего. Возмещение и заглаживание причиненного вреда не может быть осуществлено путем совершения действий имущественного и иного характера в отношении субъектов, не связанных с преступлением.

Во-вторых, правоприменитель, инициируя вопрос о судебном штрафе, не может и не должен игнорировать информацию о соотношении размера причиненного вреда и суммы, потраченной на возмещение ущерба. Кроме того, отсутствие нормы, требующей получения согласия прокурора для направления следователем в суд ходатайства о назначении судебного штрафа, на наш взгляд, не должно быть препятствием для согласования единой позиции по данному вопросу во избежание затягивания процесса привлечения к уголовной ответственности.

Так, в 2021 г. количество судебных решений в порядке ст. 446² УПК РФ, принятых вопреки позиции прокурора, участвовавшего в судебном заседании, составило 25 в отношении 25 лиц (2020 г. – 80 и 80 соответственно). В анализируемые периоды прокуроры в указанных случаях не соглашались с ходатайствами следователей. Например, постановлением Куйбышевского районного суда г. Омска от 2 ноября 2021 г. удовлетворено ходатайство следователя второго отдела по расследованию ОВД СУ СК РФ по Омской области, в связи с чем уголовное дело в отношении Ю., обвиняемой в совершении преступления, предусмотренного ч. 5 ст. 159 УК РФ, прекращено с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа в размере 100 000 руб.

Суд в решении указал, что Ю. впервые совершила преступление средней тяжести, ранее к уголовной ответствен-

ности не привлекалась, характеризуется положительно, возместила ущерб, а также иным образом загладила причиненный вред путем перечисления 15 000 руб. в благотворительный центр «Радуга».

Позиция прокурора об отсутствии оснований для удовлетворения ходатайства ввиду установленных по делу фактических обстоятельств, подтверждающих, что Ю. на протяжении длительного периода совершала хищение денежных средств, принадлежащих Главному управлению информационной политики Омской области, в связи с чем причинен значительный ущерб в сумме 2 903 710 руб., оставлена судом без внимания, что обусловило оспаривание вынесенного судебного постановления.

Омским областным судом 20 января 2022 г. апелляционное представление удовлетворено с отменой постановления о применении судебного штрафа и отказом в удовлетворении ходатайства следователя.

В-третьих, прокурор, который участвует в судебном заседании, может заявить о непричастности лица к совершенному преступлению. Так, Ф. Н. Багаутдинов, А. А. Хайдаров, рассматривая в своей статье вопросы соотношения полномочий прокурора, следователя и руководителя следственного органа при производстве о применении судебного штрафа, приводят следующий пример.

Органами предварительного следствия Б. обвинялся в том, что он допустил нарушение правил безопасности при ведении лесозаготовительных работ, что повлекло по неосторожности смерть человека. Следователь направил дело в суд с ходатайством о его прекращении и назначении судебного штрафа. В судебном заседании обвиняемый Б. ходатайство поддержал. Прокурор возражал против удовлетворения ходатайства и заявил о непричастности Б. к совершению инкриминируемого ему преступления. Тем не менее

постановлением Пошехонского районного суда Ярославской области от 7 апреля 2017 г. Б. была назначена мера уголовно-правового характера в виде судебного штрафа. В апелляционном представлении прокурор поставил вопрос об отмене постановления суда на том основании, что указанное решение принято вопреки заключению прокурора.

Суд апелляционной инстанции указал, что в силу ч. 7 ст. 246 УПК РФ, если в ходе судебного разбирательства государственный обвинитель придет к убеждению, что представленные доказательства не подтверждают предъявленное подсудимому обвинение, то он отказывается от обвинения и излагает суду мотивы отказа. Полный или частичный отказ государственного обвинителя от обвинения в ходе судебного разбирательства влечет за собой прекращение уголовного дела или уголовного преследования полностью или в соответствующей его части по основаниям, предусмотренным пп. 1, 2 ч. 1 ст. 24 и пп. 1, 2 ч. 1 ст. 27 УПК РФ. Как видно из материалов дела, при рассмотрении соответствующего ходатайства следователя государственный обвинитель фактически отказался от обвинения Б. по ч. 2 ст. 216 УК РФ, заявив о непричастности обвиняемого к совершению инкриминируемого ему преступления.

Суд апелляционной инстанции постановление районного суда в отношении Б. отменил. Ходатайство следователя о прекращении в отношении Б. уголовного дела на основании ст. 25¹ УПК РФ в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа оставлено без удовлетворения. Материалы уголовного дела были возвращены руководителю следственного органа [1, с. 16–19].

В-четвертых, следует учитывать, что целесообразно применять дифференцированный подход при применении института судебного штрафа в отношении отдельных категорий преступлений (например,

против половой неприкосновенности и половой свободы личности, безопасности движения и эксплуатации транспорта, коррупционных деяний, а также тех, следствием которых явилась смерть человека, иных, обладающих повышенной степенью общественной опасности), что будет соответствовать принципу справедливости.

Предложение по наделению прокурора полномочием согласовывать ходатайство следователя о прекращении уголовного дела в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа поддержано быть не может. Вопрос о месте и роли прокурора в уголовном процессе должен решаться системно. Более предпочтительным представляется ликвидация механизма направления материалов уголовного дела в суд с ходатайством следователя или дознавателя. Решение о прекращении уголовного дела в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа должно решаться судом по итогам судебного разбирательства в общем или особом порядке.

Таким образом, прокурорам необходимо обеспечить осуществление системного надзора за соблюдением требований закона при применении института судебного штрафа. Для формирования обоснованной позиции относительно возможности реализации положений ст. 76² УК РФ следует тщательно изучать уголовные дела, а также проявлять в судебном процессе активность по установлению обстоятельств, подтверждающих либо опровергающих факт возмещения ущерба, заглаживания причиненного преступлением вреда. В случае вынесения судом незаконных решений необходимо организовать работу по их своевременному оспариванию.

2. Проблемные вопросы прекращения уголовных дел в отношении невменяемых лиц. В рамках осуществления прокурорского надзора серьезно обозначилась проблема единого толкования оснований

прекращения уголовного дела (уголовного преследования) в отношении лица, совершившего запрещенное уголовным законом деяние в состоянии невменяемости. Более того, на обсуждение научно-методического совета были выдвинуты *две противоположные позиции*.

Первая. Предметом анализа стало уголовное дело, возбужденное 1 мая 2021 г. следственным отделом по Центральному административному округу г. Омска Следственного управления Следственного комитета России по Омской области по ч. 1 ст. 105 УК РФ по факту обнаружения трупа женщины с множественными колото-резаными ранами головы, шеи, туловища и конечностей.

Предварительным следствием установлено, что 30 апреля 2021 г. в период времени с 09.18 час. до 20.53 час. гр-н Н., находясь по месту проживания и желая причинить смерть своей матери, нанес последней клинком ножа не менее 11 ударов в область головы, не менее 2 ударов в область груди, не менее 3 ударов в область спины, не менее 4 ударов в область кистей, не менее 4 ударов в область плеч, не менее 1 удара в область шеи. От полученных повреждений женщина скончалась на месте происшествия. После произошедшего Н. совершил самоубийство, выпрыгнув из окна квартиры.

В связи с этим и на основании проведенного расследования 28 июня 2021 г. следователем уголовное дело прекращено по основанию, предусмотренному п. 4 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, – в связи со смертью подозреваемого.

В то же время в материалах уголовного дела имеется заключение судебно-психиатрической комиссии экспертов, в соответствии с которым подозреваемый обнаруживал в прошлом, а также непосредственно перед гибелью (самоубийством) и в период, предшествующий убийству матери, признаки хронического психического расстройства в форме пара-

ноидальной шизофрении, эпизодический тип течения с нарастающим дефектом, параноидальный синдром. Согласно заключению, его психическое состояние в юридически значимый период определялось наличием стойких бредовых идей, направленных в адрес матери, с бредовой интерпретацией происходящих событий, что оказало существенное влияние на его поведение в исследуемой ситуации и лишало способности в период инкриминируемого деяния осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими.

Как известно, состав преступления – это система предусмотренных уголовным законом объективных и субъективных признаков, характеризующих общественно опасное деяние как преступление. Отсутствие хотя бы одного из этих признаков означает отсутствие и состава преступления в целом.

Субъект преступления – элемент состава преступления, объединяющий признаки, характеризующие лицо, совершившее преступное посягательство. К признакам субъекта преступления относятся: его физическая природа, возраст, вменяемость и признаки специального субъекта. При этом лицо, признанное невменяемым, не является субъектом преступления, а значит, в его деянии нет состава преступления.

В соответствии с ч. 1 ст. 439 УПК РФ по окончании предварительного следствия о применении принудительной меры медицинского характера следователь выносит постановление: 1) о прекращении уголовного дела – по основаниям, предусмотренным статьями 24 и 27 УПК РФ, а также в случаях, когда характер совершенного деяния и психическое расстройство лица не связаны с опасностью для него или других лиц либо возможностью причинения им иного существенного вреда; 2) о направлении уголовного дела в суд для применения принудительной меры медицинского характера.

При этом необходимо учитывать также требования правовой статистики. Так, пп. 2.12, 2.13 и 37 совместного приказа Генеральной прокуратуры Российской Федерации, МВД России, МЧС России, Минюста России, ФСБ России, Минэкономразвития России, ФСКН России от 29 декабря 2005 г. № 39/1070/1021/253/780/353/399 «О едином учете преступлений» установлено, что прекращение уголовного дела в связи со смертью подозреваемого или обвиняемого является нереабилитирующим основанием, а прекращение уголовного дела в случае применения п. 1 ч. 1 ст. 439 УПК РФ – реабилитирующим².

В случае прекращения уголовного дела и применения пп. 1, 2 ч. 1 ст. 439 УПК РФ, преступление подлежит снятию с учета и постановке на отдельный учет. Вместе с тем уголовное дело прекращено по основанию, предусмотренному п. 4 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, в связи с чем осталось на учете, а лицо после принятия такого процессуального решения признано совершившим преступление, а не запрещенное уголовным законом деяние.

В связи с этим, в том числе с точки зрения логики уголовной статистики, было предложено: вследствие невменяемости вышеуказанных лиц на момент совершения им инкриминируемых деяний, уголовное дело должно прекращаться по основанию, предусмотренному п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ – в связи с отсутствием в деянии этих лиц состава преступления.

Вторая. Другая группа исследователей, используя в том числе и материалы вышеуказанного расследования, в основу своих выводов положили результаты анализа результатов расследования по уголовному делу, возбужденному следователем следственного отдела по Кировскому административному округу гор. Омска Следственного управления Следственного комитета России по Омской области

13 марта 2021 г. по факту убийства своего малолетнего сына гр-кой Х. по признакам преступления, предусмотренного п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ. После совершения преступления Х. покончила жизнь самоубийством, употребив медицинские препараты.

В рамках предварительного следствия была проведена амбулаторная посмертная судебная психолого-психиатрическая экспертиза. Согласно заключению комиссии экспертов от 15 июля 2021 г. № 660/А мать в период, предшествующий убийству сына, а также в период, предшествующий своей смерти, обнаруживала признаки психического расстройства в форме депрессивного эпизода тяжелой степени со стойкими суицидальными тенденциями. Об этом свидетельствуют данные, указанные свидетелями, о появлении на фоне гормонального сдвига, вызванного предшествующей беременностью и родами, стойко сниженного фона настроения с подавленностью, апатией, заниженной самооценкой, с идеями самообвинения, самоуничтожения, пессимистическим виденьем будущего, утратой прежних интересов, удовольствий (ангедония), которые усугубились на фоне субъективно-значимой ситуации – тревогой за состояние сына, нарастанием ипохондрической убежденности в наличии у ребенка тяжелого, неизлечимого заболевания, ухудшением на этом фоне ее психофизического самочувствия. Имеющиеся на тот период проявления психического расстройства у подозреваемой были выражены столь значительно, что оказали существенное влияние на критическое отношение к своему психическому состоянию, отношению к ситуации в целом, ужали круг возможных решений, оказали влияние на ее поведение и лишили возможности осознавать фактический характер общественную опасность своих действий и руководить ими.

В связи с тем, что Х. скончалась, 15 ноября 2021 г. следователем вынесено

² URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=359914>

постановление о прекращении уголовного дела в отношении Х. по основанию, предусмотренному п. 4 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, т. е. в связи со смертью подозреваемого.

При оценке законности указанного процессуального решения учитывались положения ст. 19 УК РФ и п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, из толкования которых следует, что уголовную ответственность может нести лишь вменяемое и достигшее возраста уголовной ответственности физическое лицо, в противном случае, состав преступления отсутствует.

При этом анализ ч. 1 ст. 439 УПК РФ позволяет прогнозировать три возможных варианта итоговых решений следователя при расследовании уголовного дела в отношении невменяемого лица: 1) прекращение уголовного дела (преследования) по самостоятельным основаниям, предусмотренным ст.ст. 24 и 27 УПК РФ, например непричастность подозреваемого или обвиняемого к совершению преступления (п. 1 ч. 1 ст. 27 УПК РФ); 2) прекращение уголовного дела по п. 1 ч. 1 ст. 439 УПК РФ, когда характер совершенного деяния и психическое расстройство лица не связаны с опасностью для него или других лиц либо возможностью причинения им иного существенного вреда; 3) направление уголовного дела в суд для применения принудительной меры медицинского характера.

Исходя из наступивших последствий, гр-ка Х. была опасна для себя и других лиц. Ее причастность к причинению смерти ребенка и суициду была доказана в ходе предварительного расследования в полном объеме. В случае, если бы Х. осталась жива, по результатам расследования следователь в соответствии с требованиями ст. 439 УПК РФ мог принять лишь одно процессуальное решение – вынести постановление о направлении уголовного дела в суд для применения принудительной меры медицинского характера.

При этом возможность следователя прекратить уголовное дело по основанию,

предусмотренному п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, ввиду отсутствия одного из элементов состава преступления – вменяемого лица, в таком случае законодателем исключена. Факт смерти лица, в данном случае, при условии доказанности его причастности, предоставляет следователю основания для прекращения уголовного дела по п. 4 ч. 1 ст. 24 УПК РФ и не противоречит положениям, изложенным в ч. 1 ст. 439 УПК РФ.

Кроме того, в соответствии с п. 3 ч. 2 ст. 133 УПК РФ подозреваемый или обвиняемый, уголовное преследование в отношении которого прекращено по основаниям, предусмотренным пп. 1, 2, 5 и 6 ч. 1 ст. 24 и пп. 1 и 4–6 ч. 1 ст. 27 УПК РФ, имеют право на реабилитацию, в том числе право на возмещение вреда, связанного с уголовным преследованием. В силу ч. 4 ст. 133 УПК РФ, правила настоящей статьи не распространяются на случаи, когда примененные в отношении лица меры процессуального принуждения или постановленный обвинительный приговор отменены или изменены ввиду издания акта об амнистии, истечения сроков давности, недостижения возраста, с которого наступает уголовная ответственность, или в отношении несовершеннолетнего, который хотя и достиг возраста, с которого наступает уголовная ответственность, но вследствие отставания в психическом развитии, не связанного с психическим расстройством, не мог в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) и руководить ими в момент совершения деяния, предусмотренного уголовным законом, или принятия закона, устраняющего преступность или наказуемость деяния, за исключением случаев вынесения судом постановления, предусмотренного п. 1 ч. 3 ст. 125¹ УПК РФ.

Из положений указанных норм закона следует, что прекращение уголовного дела (уголовного преследования) в отношении

невменяемого лица, признанного в установленном порядке обвиняемым или подозреваемым по основанию, предусмотренному п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, повлечет признание за ним права на реабилитацию, а также последствия, вытекающие из этого права.

При этом, прекращая уголовное дело (преследование) по самостоятельному основанию – п. 4 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, следователь не нарушает конституционные права участников уголовного судопроизводства. Так, обращаясь к вопросу о правовой природе прекращения уголовного преследования по нереабилитирующим основаниям, Конституционный Суд Российской Федерации пришел к следующим выводам: решение о прекращении уголовного дела не подменяет собой приговор суда и, следовательно, не является актом, которым устанавливается виновность обвиняемого в том смысле, как это предусмотрено ст. 49 Конституции Российской Федерации³; при выявлении такого рода оснований к прекращению уголовного дела лицо, в отношении которого уголовное дело подлежит прекращению, вправе настаивать на продолжении расследования и рассмотрении дела в судебном заседании, а в случае вынесения решения о прекращении уголовного дела – обжаловать его в установленном процессуальным законом судебном порядке; тем самым лицам, заинтересованным в исходе дела, обеспечивается судебная защита их прав и законных интересов в рамках уголовного судопроизводства⁴.

Таким образом, в рассматриваемом случае прекращения уголовного дела по п. 4 ч. 1 ст. 24 УПК РФ за близкими

родственниками умершего лица, привлеченного к уголовной ответственности и признанного невменяемым, в случае несогласия с выводами следователя о причастности последнего к совершению уголовно-наказуемого деяния, сохранится право получить судебную защиту. Однако прекращение уголовного дела и уголовного преследования в отношении такого лица по п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ в силу положений п. 3 ч. 2 ст. 133 УПК РФ повлечет необоснованное признание права на реабилитацию.

Исходя из изложенного, с точки зрения правовых последствий принятия итогового процессуального решения по делу, во избежание возможного необоснованного возникновения права на реабилитацию, нарушения прав потерпевших на возмещение вреда, причиненного преступлением, прекращение уголовного дела в отношении указанной категории лиц по п. 4 ч. 1 ст. 24 УПК РФ является наиболее приемлемым.

Как видно, данное предложение противоречит первой высказанной по данной проблеме позиции, согласно которой в данной ситуации уголовное дело подлежит прекращению по п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ в связи с отсутствием в действиях лица состава преступления.

В связи с этим научно-методический совет при прокуратуре Омской области принял *следующие рекомендации*.

Уголовные дела о деяниях, запрещенных уголовным законом, совершенных лицами в состоянии невменяемости, или о преступлениях, совершенных лицами, которых психическое расстройство настигло после их совершения, в том

³ По делу о проверке конституционности статьи 6 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина О. В. Сушкова : постановление Конституц. Суда Рос. Федерации от 28 окт. 1996 г. № 18-П. URL: <https://legalacts.ru/doc/postanovlenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-28101996-n/>

⁴ По делу о проверке конституционности положения пункта 8 постановления Государственной Думы от 26 мая 2000 года «Об объявлении амнистии в связи с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» в связи с жалобой гражданки Л. М. Запорожец : постановление Конституц. Суда Рос. Федерации от 24 апр. 2003 г. № 7-П. URL: <https://legalacts.ru/doc/postanovlenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-24042003-n/>

числе в ходе уголовного судопроизводства, что делает невозможным назначение или исполнение наказания, в соответствии с УПК РФ *обладают существенными особенностями*, которые помещены законодателем в отдельную гл. 51 УПК РФ.

В соответствии с ч. 1 ст. 433 УПК РФ производство о применении принудительных мер медицинского характера осуществляется в отношении двух категорий лиц: 1) совершивших запрещенное уголовным законом деяние в состоянии невменяемости; 2) у которых после совершения преступления наступило психическое расстройство, делающее невозможным назначение наказания или его исполнение.

Вполне очевидно, что процессуальное положение указанных в ч. 1 ст. 433 УПК РФ субъектов может быть различным и зависеть от этапов производства по уголовному делу, а также момента установления невменяемости лица. С этим могут быть связан и выбор итогового решения по уголовному делу.

Как справедливо указывается в процессуальной литературе, «несмотря на то, что уголовно-процессуальный закон предусмотрел возможность ведения производства о применении принудительных мер медицинского характера в отношении вышеперечисленных категорий лиц, их правовое положение несколько различно, и это положение, на наш взгляд, должно влиять на применение некоторых положений, предусмотренных ст.ст. 439, 443 УПК РФ» [2, с. 95–96].

Действительно, производство о применении принудительных мер медицинского характера может осуществляться не только по факту совершения преступления, но чаще всего лишь в связи с выявлением деяния, запрещенного уголовным законом, что определяет наличие особого предмета доказывания, предусмотренного ст. 434 УПК РФ, отличного от общих обстоятельств, подлежащих доказыванию и закрепленных в ст. 73 УПК РФ.

При этом в соответствии с п. 1 ч. 1 ст. 439 УПК РФ по результатам предварительного следствия выносится постановление о прекращении уголовного дела по основаниям, предусмотренным ст.ст. 24 и 27 УПК РФ, а также в случаях, когда характер совершенного деяния и психическое расстройство лица не связаны с опасностью для него или других лиц, либо возможностью причинения им иного существенного вреда. На основании ч. 3 ст. 443 УПК РФ суд, опираясь на обстоятельства, предусмотренные ст.ст. 24–28 УПК РФ, принимает решение о прекращении уголовного дела независимо от наличия и характера заболевания лица.

Более того, «предусматривая возможность прекращения уголовного дела по основаниям, предусмотренным ст.ст. 24–28 УПК РФ, уголовно-процессуальный закон регламентирует такую деятельность правоприменителя независимо от того, в отношении которого из лиц, указанных в ч. 1 ст. 433, принимается такое решение» [2, с. 96].

Как представляется, перед следователями возникает острая проблема применения указанных норм к лицам, признанным невменяемыми, когда они, не являясь субъектами преступлений, не подлежат уголовной ответственности, а значит и не могут от нее освободиться. Так, нельзя прекратить уголовное преследование в соответствии со ст. 27 УПК РФ в отношении лица, совершившего запрещенное уголовным законом деяние в состоянии невменяемости, так как уголовное преследование в данном случае не осуществляется. Данные обстоятельства требуют отдельных корректировок действующего законодательства, в частности, расширения субъектного состава указанных норм УПК РФ за счет включения в него наряду с подозреваемым и обвиняемым также «лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского

характера», и кроме того введения возможности прекращения данного производства.

Тем не менее в соответствии с абз. 2 п. 21 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 7 апреля 2011 г. № 6 «О практике применения судами принудительных мер медицинского характера»⁵ суд выносит постановление о прекращении уголовного дела при наличии оснований, предусмотренных ст.ст. 24–28 УПК РФ, независимо от наличия и характера заболевания лица. При этом наличие психического заболевания лица никак не влияет на возможность применения с оговорками, указанными выше, любых оснований для прекращения уголовного дела, а значит и производства о применении принудительных мер медицинского характера.

Таким образом в анализируемых выше правовых ситуациях уголовного преследования не было и логическим завершением данных производств было бы применение принудительных мер медицинского характера. Вместе с тем для наступления данных юридических последствий возникли объективные препятствия, связанные со смертью лица, в отношении которого велось данное производство. В связи с этим анализируемые уголовные дела вполне обоснованно прекращены по основаниям п. 4 ч. 1 ст. 24 УПК РФ в связи со смертью лица, привлеченного к производству по уголовному делу. В иных подобных ситуациях, связанных с уголовным преследованием данных лиц, решение необходимо принимать с учетом конкретных обстоятельств уголовного дела.

Список литературы

1. Багаутдинов Ф. Н., Хайдаров А. А. Роль и полномочия прокурора в механизме реализации положений уголовно-процессуального закона о судебном штрафе // Российская юстиция. 2018. № 10. С. 16–19.
2. Суховерхова Е. В., Ендольцева Е. В. Прекращение уголовного преследования (уголовного дела) в отношении лиц, совершивших запрещенное уголовным законом деяние в состоянии невменяемости, и лиц, у которых после совершения преступления наступило психическое расстройство, делающее невозможным назначение наказания или его исполнение // Вестник Московского университета МВД России. 2013. № 7. С. 94–101.

References

1. Bagautdinov F. N., Khaydarov A. A. Role and Powers of the Prosecutor in the Mechanism of Implementation of the Provisions of the Criminal Procedure Law on Judicial Fine. *Russian Justice*. 2018;10:16-19. (In Russ.).
2. Sukhoverkhova E. V., Endoltseva Yu. V. Termination of Criminal Prosecution (Criminal Case) Against Those Who Have Committed Criminal Offense Prohibited in the State of Insanity, and Those Who, After Committing a Crime Becomes Insane, Making It Impossible to Sentencing or Execution. *Vestnik of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2013;7:94-101. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Юрий Владимирович Дерисhev, профессор кафедры уголовного права Сибирского юридического университета (ул. Короленко, 12, Омск, 644010, Россия), доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5243-6143>; e-mail: derishev.omsk@mail.ru;

ABOUT THE AUTHORS

Yury V. Derishev, Professor of the Department of Criminal Law at the Siberian Law University (12 Korolenko st., Omsk, 644010, Russian Federation), Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation; ORCID: 0000-0002-5243-6143; e-mail: derishev.omsk@mail.ru;

⁵ URL: <https://legalacts.ru/doc/postanovlenie-plenuma-verkhovnogo-suda-rf-ot-07042011/>

Елена Ивановна Чекмезова, доцент кафедры уголовного права Сибирского юридического университета (ул. Короленько, 12, Омск, 644010, Россия), кандидат юридических наук, доцент; ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6060-4517>; e-mail: e555@list.ru;

Динара Даулетбаевна Тулева, заместитель председателя научно-методического совета при прокуратуре Омской области, старший помощник прокурора области по правовому обеспечению Прокуратуры Омской области (ул. Ленина, 1, Омск, 644099, Россия); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0216-8638>; e-mail: tuleva.d@prokuratura.omsk.ru;

Мария Владимировна Киселева, старший прокурор апелляционного отдела уголовно-судебного управления Прокуратуры Омской области (ул. Ленина, 1, Омск, 644099, Россия); ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9266-7694>; e-mail: obl@prokuratura.omsk.ru;

Петр Валерьевич Козловский, начальник научно-исследовательского отдела Омской академии МВД России (ул. Комарова, 7, Омск, 644092, Россия), кандидат юридических наук; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4221-3501>; e-mail: pkozlovskii@mvd.ru

Elena I. Chekmezova, Associate Professor of the Department of Criminal Law at the Siberian Law University (12 Korolenko st., Omsk, 644010, Russian Federation), Candidate of Legal Sciences, Associate Professor; ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6060-4517>; e-mail: e555@list.ru;

Dinara D. Tuleva, Deputy Chairman of the Scientific and Methodological Council at the Prosecutor's Office of the Omsk Region, Senior Assistant to the Regional Prosecutor for Legal Support at the Prosecutor's Office of the Omsk Region (1 Lenin st., Omsk, 644099, Russian Federation); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0216-8638>; e-mail: tuleva.d@prokuratura.omsk.ru;

Mariya V. Kiseleva, Senior Prosecutor of the Appellate Division of the Criminal Judicial Department of the Prosecutor's Office of the Omsk Region (1 Lenin st., Omsk, 644099, Russian Federation); ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9266-7694>; e-mail: obl@prokuratura.omsk.ru;

Petr V. Kozlovskiy, Head of the Research Department at the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia (7 Komarova pr., Omsk, 644092, Russian Federation), Candidate of Legal Sciences; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4221-3501>; e-mail: pkozlovskii@mvd.ru

Поступила | Received
14.06.2022

Поступила после рецензирования
и доработки | Revised
14.06.2022

Принята к публикации | Accepted
24.06.2022

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

В целях повышения качества публикуемых материалов все присланные работы (научные статьи, сообщения, обзоры, рецензии и т. д.) проходят рецензирование, а также проверку системой «Антиплагиат». К рассмотрению принимаются только оригинальные статьи, ранее не публиковавшиеся в других изданиях и не находящиеся на рассмотрении в других изданиях. Предоставляемая для публикации статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы. Статьи принимаются на русском и (или) английском языке. Материалы для публикации на английском языке представляются зарубежными авторами без перевода в какой-либо их части на русский язык.

Требования к оформлению рукописи научной статьи, направляемой в журнал

Рукопись научной статьи (далее – рукопись, статья) представляется в электронном виде в формате, поддерживаемом Microsoft Word версии 2007 или выше (doc, docx, rtf). Приоритетной формой представления рукописи является заполнение формы на сайте журнала <https://www.siberianlawreview.ru/jour/author/submit/1>. Рукопись статьи для публикации с лицензионным договором в 2 экземплярах и заявкой автора может быть также направлена на электронную почту редакции (nauka@siblu.ru).

Рукопись принимается на русском и английском языках, при этом она должна соответствовать профилю журнала и отражать результаты оригинальных научных исследований.

Общий объем рукописи (всех ее структурных элементов) должен составлять от 20 до 40 страниц машинописного текста или 40–45 тыс. знаков с учетом пробелов.

При наборе текста необходимо использовать шрифт Times New Roman. Размер шрифта для основного текста рукописи – 14 пт, сноска – 12; нумерация сноска сквозная. Межстрочный интервал – полуторный. Расстановка переносов не применяется.

Перед текстом статьи указывается **УДК**.

Статья в обязательном порядке должна включать следующие **структурные элементы**:

- название статьи;
- сведения об авторах и их аффилиации;
- аннотацию;
- ключевые слова;
- финансирование (при наличии);
- введение;
- основную часть статьи, состоящую из трех и более разделов, каждый из которых должен иметь собственное наименование;
- заключение;
- благодарности (данный раздел включается по усмотрению автора);
- список литературы на русском языке;
- список литературы на английском языке (References);
- информацию об авторах.

Наименования структурных элементов статьи «Аннотация», «Ключевые слова», «Финансирование», «Введение», «Заключение», «Благодарности», «Список литературы», «References» должны быть воспроизведены в тексте статьи. Структурные элементы статьи не нумеруются.

Название статьи (не более 10 слов) должно содержать основные ключевые слова, характеризующие содержание статьи. Указывается на русском и английском языках. Располагается в левой верхней части листа.

Авторы и их аффилиация указываются в следующей строке после названия статьи с выключкой влево. Данные приводятся без сокращений, на русском и английском языках (фамилия, имя, отчество, место работы (название организации, соответствующее указанному в ее уставе, город, страна), адрес электронной почты).

В обязательном порядке указываются идентификаторы (ORCID iD, Researcher ID и др.). Если таковые отсутствуют,

авторам необходимо предварительно зарегистрироваться на <https://orcid.org>.

Очередность упоминания авторов зависит от их вклада в выполненную работу. Авторы могут указываться в алфавитном порядке, если их вклад в исследование равноценен.

Аннотация (объем 250–300 слов) – самостоятельный источник информации о статье, краткая характеристика работы, представляется на русском и английском языках. Аннотация должна быть логичной и отражать основное содержание статьи (предмет, цель, методы и выводы исследования). Сведения, содержащиеся в названии статьи, не должны повторяться в тексте аннотации. Следует избегать лишних вводных фраз (например, «автор статьи рассматривает...»). Исторические справки, если они не составляют основное содержание публикации, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения, в аннотации не приводятся. Рекомендуется составлять аннотацию в соответствии со структурой ее основной части, выбирая из каждого раздела самые важные сведения, дающие в совокупности полное представление о содержании статьи.

Аннотацию рекомендуется составлять после завершения работы над статьей. Особое внимание следует уделить качеству перевода.

Ключевые слова (5–10 слов или словосочетаний) должны отражать специфику темы, объект и результаты исследования. Ключевые слова или словосочетания отделяются друг от друга точкой с запятой.

Финансирование – факультативный структурный элемент, включающийся в статью при наличии финансовой поддержки исследования юридическими и физическими лицами. Здесь может содержаться указание на то, за счет каких грантов, контрактов, стипендий удалось провести исследование.

Введение должно содержать обоснование актуальности и новизны темы исследования, обзор литературы по теме исследования, постановку исследовательской проблемы, формулирование гипотезы исследования, описание методов, которые использовались для получения результатов, указание на цели и задачи исследования.

Основная часть статьи, состоящая из трех и более разделов, включает в себя фактические результаты исследования, их интерпретацию, в том числе оценку соответствия полученных результатов гипотезе исследования, обобщение его итогов, сравнение с результатами других исследователей, предложения по практическому применению результатов исследования, а также по направлению будущих исследований.

Заключение содержит главные идеи статьи, итоги исследования без дословного воспроизведения формулировок, содержащихся в основной части статьи.

Благодарности. Данный структурный элемент включается в статью по усмотрению автора в целях выражения признательности коллегам за помощь в подготовке статьи, критические комментарии, которые позволили улучшить содержание рукописи, благодарности за поддержку исследования людям и организациям.

Список литературы должен содержать ссылки на все научные источники информации, упомянутые в тексте статьи.

Литература, используемая при написании статьи, должна отражать современное состояние вопроса, включать публикации как в отечественных, так и в зарубежных журналах и изданиях.

Список приводится в конце статьи, выстраивается по порядку упоминания источников в тексте, а не по алфавиту, независимо от названия и языка источника, и пронумеровывается. В одном пункте перечня следует указывать только один источник информации.

Список литературы на русском языке оформляется в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления» и тщательно выверяется.

В списке литературы сведения об используемом издании должны обязательно содержать указание на издательство, общее количество страниц в используемом издании либо на конкретные страницы, где содержится соответствующий материал, если издание имеет периодический характер.

Если источник имеет DOI, то его указание является обязательным.

По тексту статьи даются отсылки к необходимому номеру библиографической записи из составленного списка, которые приводятся в квадратных скобках. Если отсылка к источнику информации в тексте статьи встречается несколько раз, то в квадратных скобках повторно указывается его номер из списка (без каких-либо изменений в самом библиографическом списке). В случае прямого цитирования обязательно указывают номер страницы (например: [1, с. 25], [1, с. 59–60]).

Обязательные параметры списка литературы:

- не менее 10–12 источников, из них: не менее 25 % источников – зарубежные (из которых 10 % – статьи из журналов, индексируемых в Web of Science, Scopus; работы на английском, немецком, французском языках, опубликованные в периодических научных изданиях (не дополнительных выпусках), а также статьи в сборниках трудов конференций и монографии, опубликованные в издательствах, не замеченных в применении недобросовестной издательской политики);
- не более 15 % источников – монографии;
- ссылки на литературу, опубликованную ранее 2009 г., должны быть единичными, кроме исследований, отражающих исторический аспект проблемы;
- не допускается самоцитирование. В случае невозможности избежать упоминания о ранее опубликованных автором трудах следует указать лишь на то, что автор уже рассматривал данный вопрос, при этом ссылки на опубликованные труды в тексте статьи не делаются, и в списке литературы они не приводятся.

Не включаются в список литературы следующие внеаучные источники информации:

- диссертации, авторефераты диссертаций;
- учебники, учебные пособия;
- нормативные правовые акты и комментарии к ним, судебные акты;
- правила, стандарты, патентные документы;
- словари, энциклопедии, другие справочники;
- доклады, отчеты, протоколы, данные статистики;
- средства массовой информации, интернет-ресурсы.

Ссылки на перечисленные внеаучные источники информации приводятся в подстрочных сносках.

Подстрочные сноски оформляются как примечания, вынесенные из текста вниз страницы, со сквозной нумерацией в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».

В списке литературы на английском языке (**References**) порядок источников должен соответствовать русскоязычному списку литературы. Ссылки на источники оформляются в формате Vancouver. После описания источника необходимо указать язык издания, например, если оно было опубликовано на русском языке – (In Russ.). Для англоязычных источников это правило не применяется. Если источник написан на латинице (на немецком, французском и проч.), он должен быть процитирован в оригинальном виде.

При переводе русскоязычных источников и источников на других кириллических языках рекомендуется проверять наличие официального опубликованного перевода.

Транслитерация производится по стандарту BSI и применяется в следующих случаях:

- для обозначения фамилии, имени, отчества (при наличии) авторов источника;
- для собственных названий издательств, например: Nauka, Yurlitinform;
- если нет информации об использовании журналом англоязычного названия (рекомендуется проверить на официальном сайте данного журнала).

При подготовке списка литературы можно обратиться к автоматическим системам подготовки списка литературы (EndNote, Mendeley, Zotero и др.)

В блоке «**Информация об авторах**» для каждого автора указываются: полные фамилия, имя, отчество (при наличии), должность, место работы и его полный юридический адрес, ученая степень, ученое звание, почетное звание, все имеющиеся идентификаторы автора, адрес электронной почты, а также контактный номер телефона, который будет использован только для связи редакции с автором и не будет публиковаться в журнале и (или) на его сайте.

Формулы, таблицы и рисунки, приводимые в статье, должны быть пронумерованы, а рисунки и таблицы также и названы, к ним должны быть отсылки в тексте статьи. В таблицах не должно быть пустых граф. Простые внутрострочные и однострочные формулы, а также рисунки и таблицы должны быть набраны без использования специальных редакторов. Рисунки и формулы также прилагаются к статье отдельными файлами в формате JPEG с разрешением не менее 300 dpi.

Не допускаются во всех структурных элементах статьи:

- набор шрифтом «все прописные»;
- полужирное начертание;
- наличие двух и более пробелов подряд;
- знаки табуляции;
- абзацный отступ пробелами и (или) знаком табуляции;
- мягкий перенос;
- разреженный и (или) уплотненный шрифт.

В случае несоответствия статьи установленным требованиям к оформлению и (или) содержанию решением редакционной коллегии статья отклоняется, о чем автор информируется по электронной почте.

За достоверность приведенных в статье сведений ответственность несут ее авторы.

INFORMATION FOR AUTHORS

In order to improve the quality of published materials, all submitted works (scientific articles, messages, reviews, etc.) are reviewed and checked by the “Antiplagiat” system. Only original articles that have not been previously published and are not pending in other publications are accepted for consideration. The article submitted for publication should be relevant, have novelty, contain a statement of tasks (problems), a description of the main research results obtained by the Author, conclusions. Articles are accepted in Russian and/or English. Materials for publication in English are submitted by foreign Authors without translation in any part of them into Russian.

Requirements to the formatting of the scientific article submitted to the journal

The manuscript of the scientific article (hereinafter referred to as the manuscript/article) shall be submitted in electronic version, in the format supported by Microsoft Word 2007 or higher (doc, docx, rtf). The priority form of the Article submission is the filling of the form at our web-site <https://www.siberianlawreview.ru/jour/author/submit/1>. The manuscript of the article to be published with the license agreement (in duplicate) and the Author's request enclosed may also be sent to the editorial office's e-mail nauka@siblu.ru.

The manuscript shall be accepted in Russian and English, hereby it should comply with the Journal's profile and highlight the results of the original scientific research.

The total volume of the article (including all the article elements) must be 20 to 40 type-written pages or 40,000–45,000 characters (blank spaces included).

For the text typing use Times New Roman font. Font size for the body of the Article – 14 pt, footnotes – 12; footnote numbering – consecutive. Line spacing – 1.5. No hyphenation.

UDC Code before the text of the Article is mandatory.

The Article must include the following **structural elements**:

- Title of the Article;
- The Authors and Their Affiliation;
- Abstract;
- Keywords;
- Funding (if any);
- Introduction;
- the body of the Article consisting of three or more sections each having its own title;
- Conclusion;
- Acknowledgements (to be included at the Author's discretion);
- References (in Russian)
- References (in English);
- Information about Authors.

The titles of the structural elements (“Abstract”, “Keywords”, “Funding”, “Introduction”, “Conclusion”, “References”) must be stated in the text of the Article. The Article structural elements shall not be numbered.

Title of the Article (maximum 10 words) must contain the main key words. Shall be provided in Russian and English. Left-aligned in the top of the page.

The Authors and their affiliation are indicated on the line right after the title of the article (research paper), aligned to the left. The data is given without abbreviations, in Russian and English (last name, first name, patronymic (if any), place of work (name of the organization corresponding to that specified in its charter, city, country), e-mail address).

Authors must state their identifiers (ORCID iD, Researcher ID). If they have no identifiers the Authors should first sign in at: <https://orcid.org>.

The sequence of the enumeration of the Authors is based on their contribution to the work completed. If the contribution to the research is equal the Authors may be listed alphabetically.

Abstract (250–300 words) – independent source of information of the Article, brief characteristic of the Work, shall be

provided in Russian and English. The Abstract must be logical and highlight the main contents of the Article (subject, objective, methods and conclusions of the study). The data contained in the title of the Article must not be repeated in the text of the Abstract. Avoid excessive introductory phrases, like “the Author of the article reviews...”. Historical data (unless they are the main contents of the Article), description of the previously published works and commonly known provisions shall not be included into the Abstract. We recommend to make up the Abstract in accordance with the structure of the body of the Article selecting the most important data from each section to provide in aggregate the comprehensive idea of the contents of the Article.

The Abstract should be made up after the completion of the work on the Article. Special emphasis should be given to the quality of the translation.

Keywords (5–10 words or word-combinations) should highlight the specific features of the topic, object and findings of the study. The Keywords must be separated with a semi-colon.

Funding is an optional structural element included in the article if there is financial support for the study by legal entities and (or) individuals. This may contain an indication of what grants, contracts, scholarships were used to conduct the study.

Introduction shall include the substantiation of the topicality and novelty of the study, review of the literature on the study subject-matter, study problem setting, definition of the study hypothesis, description of the methods used to obtain the findings, definition of the study objectives and tasks.

The body (main part) of the Article consisting three or more sections, contains the actual findings of the study, interpretation thereof, including compliance of the findings obtained with the study hypothesis, limitations of the study and generalization of its outcomes, comparison with the findings of other researchers, proposals on the future practical application of the future studies.

Conclusion contains the main ideas of the body of the Article, outcomes of the study without verbatim repetition of the definitions included in the body of the Article.

Acknowledgements. This structural element shall be included into the Article at the Author's discretion to express appreciation to the colleagues for the help with the Article preparation, including critical comments which enabled the manuscript improvement, gratitude for the financial support of the study by people and institutions.

References section shall contain references to all the scientific information sources mentioned in the text of the Article.

The literature used for the Article writing shall highlight the present-day state of the problem and include publications in both Russian and international journals and editions.

The Reference list is provided at the end of the Article and made up in the order the sources are referred to in the text, not alphabetically, regardless of the original title and language, the listed references shall be numbered. One list item shall include only one information source.

The *references in Russian* shall be made up in accordance with GOST R 7.0.5–2008 “Bibliographic Reference. General Requirements and Rules of Making” and carefully checked.

The list of references must state the publishing house, total number of pages in the edition used, or specific pages containing the relevant materials if the edition is periodical.

If the reference has a DOI it must be stated.

In the text of the Article references to the specific number of the bibliographic record from the list shall be provided in square brackets. If the reference to the information source in the text of the Article is made several times, the source number from the list shall be repeated in the square brackets (without any changes in the List of References itself). In case of direct citation the page number must be provided (for example: [1, p. 25], [1, p. 59–60]).

Mandatory parameters of the List of References:

- minimum 10–12 sources, including: minimum 25 % sources – international (out of which 10 % – articles from the journals indexed in Web of Science, Scopus; works in English, German, French published in the scientific periodicals (not supplementary issues!) as well as articles in the collections of proceedings of the conferences and monographs published in the reputable publishing houses);

- maximum 15 % sources – monographs;
- references to the literature published before 2009 must be single, except studies containing historical aspect;
- avoid self-citation. If it is impossible to mention the previously published works, just mention in the Article that the Author has already reviewed this issue, in this case no references to the published works should be included into the list of references.

The following extrascientific information sources shall not be included into the list of references:

- dissertations, author's abstracts of the dissertations;
- text books, workbooks;
- statutes and regulatory acts, judicial acts;
- rules, standards, patents;
- dictionaries, encyclopedias, other reference books;
- reports, statements, protocols, statistics data;
- mass media, the Internet resources.

References to the extrascientific information sources above shall be provided in the footnotes.

The footnotes shall be made as notes to the text provided at the bottom of the page, consecutively numbered as per GOST R 7.0.5–2008 “Bibliographic Reference. General Requirements and Rules of Making”.

In the “**References**” (in English), the order of sources should correspond to the Russian-language list of references. References to sources are made in Vancouver format. After describing the source, it is necessary to indicate the language of the publication, for example, if it is published in Russian – (In Russ.). For English-language sources, this rule does not ap-

ply. If the source is written in Latin (German, French, etc.), it must be quoted in its original form.

When translating Russian-language sources and sources in other Cyrillic languages, it is recommended to check the availability of an official published translation.

Transliteration shall be applicable in the following cases:

- to provide the surname, given name and patronymic (if applicable) of the Authors of the reference;
- for the proper names of the publishing houses, for example, Nauka, Yurlitinform;
- if the information of the use of the English title by the Journal it not available (check by the journal official web-site is recommended).

The transliteration shall be provided as per BSI standard.

To prepare the list of references automatic systems for the preparation of the list of references may be used (EndNote, Mendeley, Zotero, etc.)

In the “**Information about Authors**” section, for each Author, the following is indicated: full surname, first name, patronymic (if any), position, place of work and its full legal address, academic degree, academic title, honorary title, all available identifiers of the Author, e-mail address, as well as a contact phone number, which will be used only for communication between the Editorial office and the Author and will not be published in the journal and (or) on its website.

Formulae, figures, table. All the formulae, tables and figures must be numbered, and the figures and tables – also titled, there must be references to them in the body of the Article. The tables must not have blank columns. Simple inline and single-line formulae as well as figures and tables must be typed without using special editor software. Figures and formulae shall be attached to the Article as separate files in JPEG-format, resolution – min. 300 dpi.

In the Article elements above the following shall not be admissible:

- using Caps Lock,
- bold font,
- two or more consecutive blank spaces,
- tabulation symbols,
- paragraph indent using blank spaces and tabulation character,
- soft hyphens,
- sparse or condensed font.

If the Article does not comply with the requirements to the lineup and/or contents above the editorial board shall decline the Article and notify the Author by e-mail.

The reliability of the data used in the texts shall be the Authors' responsibility.

Научный журнал «Сибирское юридическое обозрение»

Редактор: *О. В. Арефьева*

Редактор текстов на английском языке: *Д. Т. Караманукян*

Компьютерная верстка и оформление: *Л. А. Зарубина*

Дизайн обложки: *О. Ю. Шелихов*

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) 19 апреля 2019 г. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-75350

Индекс в подписном каталоге «Почта России» – ПП812

Свободная цена

При перепечатке или воспроизведении любым способом полностью или частично материалов научного журнала «Сибирское юридическое обозрение» ссылка на журнал обязательна

© Редакция научного журнала «Сибирское юридическое обозрение», 2022

Адрес издателя и редакции: ул. Короленко, 12, Омск, 644010, Россия

Телефон: (3812) 37-68-55. E-mail: nauka@siblu.ru

Дата выхода в свет: 09.09.2022

Подписано в печать 22.08.2022

Тираж 200 экз.

Формат 70 x 100 / 16. Усл. печ. л. 7,15. Уч.-изд. л. 11,33.

Отпечатано в ООО «Полиграфический центр "Татьяна"»

Адрес типографии: ул. Жукова, 107, Омск, 644046, Россия

Scientific journal “Siberian Law Review”

Editor *O. V. Aref'eva*

Text editor in English *D. T. Karamanukyan*

Desktop publishing and design *L. A. Zarubina*

Cover desing *O. Yu. Shelikhov*

The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications (Roskomnadzor) at April 19, 2019. Registration certificate PI № FS 77-75350

Index in the subscription catalog “Russian Post” – PP812

Price discretion

When reprinting or reproducing by any means in whole or in part the materials of the scientific journal “Siberian Law Review” reference to it is obligatory

© The editorial board of the scientific journal “Siberian Law Review”, 2022

Address of the publisher and the editorial office: 12 Korolenko st., Omsk, 644010, Russia

Phone: (3812) 37-68-55. E-mail: nauka@siblu.ru

Release date: 09.09.2022

Signed print 22.08.2022

Circulation 200 copies.

Format 70 x 100 / 16. Cond. pr. pg. 7,15. Edit. pr. pg. 11,33

Printed in LLC “Printing Center “Tatyana”

Printing office address: 107 Zhukova st., Omsk, 644046, Russia